

СБОРНИК СОЧИНЕНИЙ

АБСОЛЮТНЫХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ,
ПРИЗЕРОВ И ПОБЕДИТЕЛЕЙ
В НОМИНАЦИЯХ ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

2022

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС СОЧИНЕНИЙ «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Сборник сочинений абсолютных победителей,
призеров и победителей в номинациях

ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»

Москва 2022

УДК 82:37
ББК 94.39

Учредитель:

Министерство просвещения
Российской Федерации

Федеральный оператор:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический
государственный университет»

В настоящем сборнике публикуются творческие работы абсолютных победителей, победителей в номинациях и призеров Всероссийского Конкурса сочинений «Без срока давности» 2021/2022 учебного года, учредителем которого уже третий год выступает Министерство просвещения Российской Федерации. Конкурс объединяет обучающихся общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций 85 субъектов Российской Федерации, специализированных структурных образовательных подразделений загранучреждений МИД России, Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Республики Беларусь. Главная цель Конкурса – сохранение и увековечение памяти о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, трагедии мирного населения СССР, жертвах военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-6047440-4-8

Содержание

Приветственное слово Министра просвещения Российской Федерации	6 стр.
Приветственное слово ректора ФГБОУ ВО «МПГУ»	7 стр.
Абсолютные победители	8 стр.
Призеры в 1-й категории	28 стр.
Призеры во 2-й категории	66 стр.
Призеры в 3-й категории	110 стр.
Призеры в 4-й категории	152 стр.
Победители в номинациях	190 стр.

Дорогие друзья, участники и победители Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности»!

Наш конкурс уже не первый год объединяет множество работ, которые демонстрируют глубину исторических знаний, понимание противоречий истории, исследовательский опыт школьников и студентов.

Всероссийский конкурс сочинений уже стал традицией: Министерство просвещения Российской Федерации проводит его не первый год. В этом году темой конкур-

са стал сложный период нашей истории – трагедия мирного населения СССР во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

В подвигах фронтовиков и тружеников тыла проявились истинная жизненная сила народа, его единство, победный дух и любовь к родной земле.

Как отметил Президент России Владимир Путин, Великая Отечественная навсегда останется выдающимся священным подвигом нашего народа, призывом жить по совести, держать высоту правды и справедливости, передавать эти ценности от поколения к поколению.

Память о войне – не просто страница учебника, а жизненный ориентир для молодого поколения. Ваши работы – тому подтверждение. Они изобразили всю глубину осмысления подвига, понимания лишений и утрат, цену Победы.

Сочинения показали высокое мастерство владения словом, умение выражать мысли и передавать эмоции. Полагаю, жюри было не просто определить победителей и призеров.

Я уверен, в этом конкурсе нет проигравших, все участники – победители. Благодарю вас за интересные творческие работы. Ваши сочинения – отражение живой исторической памяти нашего народа.

Спасибо!

Министр просвещения
Российской Федерации

С.С. Кравцов

Дорогие участники конкурса!

Кто бы вы ни были, участник конкурса, педагог-наставник, родитель, обучающийся, если вы держите в руках этот сборник, значит, активно участвуете в проекте «Без срока давности». Может быть, даже не первый год. И с каждым годом вас становится все больше. В этом году рамки проекта расширились – Всероссийский конкурс сочинения дополнился Всероссийским конкурсом исследовательских проектов и Всероссийским

фестивалем музеев образовательных организаций.

Организованные Министерством просвещения Российской Федерации конкурсы неизменно координируются Московским педагогическим государственным университетом. Ведущий педагогический вуз нашей страны имеет большой опыт работы в организации подобных конкурсов, а наши сотрудники постоянно оказывают поддержку развитию народного просвещения и инициативам думающей молодежи.

В 2022 году мы отмечаем 77-ю годовщину Великой Победы. За эту Победу народ нашей страны заплатил огромную цену – более 27 миллионов человеческих жизней. Наши предки понесли невосполнимые потери, и виной тому человеконенавистническая идеология нацизма. В этом году перед нами стоит особая задача – сделать все для того, чтобы сохранить память о жертвах геноцида. Преступления против человечности не имеют срока давности.

Ваши работы, неподдельные эмоции и чувства сопереживания, ощущающиеся в каждом тексте, участвуют в главной исторической миссии нашего времени – передать свечу памяти о великой трагедии будущим поколениям. Даже зарубежные лидеры и историки признают, что отличительной чертой нашего народа является глубокая историческая память о событиях XX века. И это не изменить никакой идеологией, никакой политикой.

Особенно хотелось бы отметить сочинения, в которых показана практическая работа, рассказывающая о жертвах геноцида и судьбах выживших, поисковиках, наследниках поколения победителей.

В этом году в конкурсе приняли участие представители всех регионов нашей страны, а также 15 зарубежных государств. Разнообразие ваших работ и безграничное желание участвовать в конкурсе показывает, как в столь тяжелое для всех нас время важно чувствовать единство и дружеское плечо друг друга.

Будем продолжать в том же духе!

*С глубоким уважением,
Ваш А. Лубков*

**Ректор МПГУ, доктор исторических наук,
профессор, академик РАО**

А.В. Лубков

АБСОЛЮТНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

**Волкова Анастасия
Анатольевна
7 класс**

Наставник - Дубровская Лариса Павловна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 94» г. Барнаула

Алтайский край

Жизнь продолжается...

*Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?
Не шумите вокруг – он дышит,
Он живой еще, он все слышит...*
А. Ахматова

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук...Лена никогда не умела спать в поезде. Стук колес, мелькающие пейзажи за окном, храп и сопение соседей по купе успокаивали, но не настолько, чтобы уснуть. Ее пугала затянувшаяся тишина. Девушка аккуратно слезла с верхней полки, накинула вязаную шаль и, отворив дверь, беззвучно вышла в коридор. Там прохладнее, чем в купе. Лена кутается в шаль, прислоняется к холодному запотевшему окну. Уже поздно и темно, начало сентября.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук... Поддавшись ритмичному стуку колес, сознание девушки начинает уплывать куда-то далеко. И это что-то далекое сильно пахнет яблочным компотом, да таким душистым, что от одного запаха во рту разливается приятная сладость.

На даче у них был яблоневый сад, в начале сентября плоды наливались и отражали солнечных зайчиков. Тогда на дачу съезжались все: и дядя Павел с тетей Галей, и Зоя, их старшая дочь, и баба Маша с дедом Матвеем. Все дружно собирали яблоки, чистили картошку на ужин, после парились в бане. Именно в такие дни, теплые, «яблоч-

ные», мама учила Лену плавать, а дед Матвей брал ее в поле, показывал ей всяких птиц и другую живность. Показывал да приговаривал: «Вот, Леночка, знать надо, что за птица ласточка, что за птичка иволга. А то спутаешь с кем-нибудь другим, с беркутом например, и унесет он тебя к своим детушкам в гнездо, чтоб им скучно не было. Будете там вместе куковать». Лена все не понимала, как беркут ее к себе унесет, он хоть и большой, но и она не маленькая уже. Иногда дядя Павел брал баян, садился во дворе на лавку и наигрывал какую-то красивую и грустную мелодию. Было приятно сидеть вот так у папы на коленях и, пригревшись на вечернем солнышке, засыпать...

– Девушка, девушка, проснитесь, пожалуйста, – голос проводника звучал откуда-то извне. Лена резко дернулась: она задремала. Проводник, пожилой мужчина в забавной фуражке, улыбаясь, проводил «спящую красавицу» до купе.

Вернувшись на свою полку, Лена закуталась в одеяло и попыталась снова окунуться в то далекое теплое воспоминание. Но это уже не получалось. В голову лезли страшные мысли...

Когда в конце июня 1941 года папа приехал из города, он привез не только маму с маленьким Мишуткой, но и свежую газету. Почему-то все сразу заволновались, бабушке стало плохо, ей дали каких-то капель, тетя Галя стала в спешке собирать вещи. Никто не хотел говорить, что случилось, просто просили не мешать. Тогда Лена взяла ту самую газету и прочла черным по белому, что немецкие войска вторглись на территорию Советского Союза. Тогда для маленькой десятилетней девочки эти слова были совершенно непонятны. Даже когда на улице от мальчишек она услышала, что это значит, что началась война, эти слова прозвучали куда-то в воздух. Вначале никто не понимал, что происходит.

Все быстро приехали в город. Там была суматоха. Люди куда-то спешили, суетились, родители тоже были обеспокоены. Мама говорила, что им надо уехать из Ленинграда куда-то в Сибирь, где живет мамина тетя. На вопросы почему и зачем мама просила посидеть с Мишей. Это сильно завлекало, и Лена забывала про переезд и о том, что сейчас война. Все это она поняла и прочувствовала позже...

Лена очень плохо помнила, что произошло. Папа куда-то ушел с утра и долго не возвращался. А когда вернулся, то с порога закричал, что немцы бомбят город. Мама сильно испугалась и быстро схватила Мишутку, папа взял на руки ее, Леночку. На улице была такая толпа, что вскоре они перестали видеть мамин белый платок и потерялись.

Девочка очень испугалась и пыталась найти, разглядеть мамин платок. В какой-то момент раздалось громкое «бум!» Вся земля содрогну-

лась, у Лены заложило уши, она сразу не поняла, что лежит на сером асфальте под папой. Все люди лежали, закрыв детей, женщин. Потом стали вскакивать, хватать кто кого и бежать. Лена зачем-то вырвалась из папиных рук и кинулась назад, она слышала, как ее зовут, умоляют остановиться. Но девочка все бежала и бежала. Вдруг она осталась совершенно одна и замерла от ужаса: прямо к ней летело что-то черное и большое. Внутри у Лены все похолодело. Почему-то она вспомнила про беркута. Это он летит за ней! Он несся к земле с ужасающей скоростью. Грубый, толстый и чрезмерно черный. Ее казалось, что сейчас он расправит большие черные крылья, вытянет острые крючковатые когти и унесет к себе в гнездо, где будут такие же страшные беркучата. Из шока Лену вывел плач: на дороге, в десяти шагах от нее, сидела девочка лет пяти. Она сидела спиной, но было и так понятно, что она прижимает к себе куклу и плачет. И никто к ней не подходит, не жалеет и не тянет в то страшное место – «бомбоубежище». Лене показалось, что «беркут» хочет забрать не ее, а эту девочку! Ведь никто ее не спасет. Внезапно она рванулась к ребенку и резко схватила девочку за руку. Она уставилась в ее маленькое испуганное личико и почти закричала:

– Ты что? Ведь он тебя схватит и унесет. Бежим от него!

К ее удивлению, девочка послушалась. Теперь Лена и эта девочка бежали обратно. Толпа металась из стороны в сторону, как корабль во время шторма. Вдруг Лена отчетливо услышала, что ее зовут. Папа! Он совсем близко! Она крепче сжала ручонку незнакомки. «Еще немного - и беркут нас не достанет!» – пронеслось у нее в голове. И снова громкое «бум!»

Она очнулась у мамы на руках. Мама плакала, у Лены сильно болела голова. Когда ей удалось сесть, она удивилась, сколько же здесь людей! Все они сидели в большой комнате с круглым потолком, на всех лицах был ужас, и никто не пытался скрыть его. Многие плакали. Лена повернула голову: рядом сидела баба Маша и держала спящего Мишу на руках. Поодаль стоял папа и качал ту самую девочку с куклой. Лена попыталась что-то сказать, но во рту совсем пересохло. Увидев это, мама всполошилась и стала рыться в сумке, стоящей на полу. Оттуда она достала термос с небольшой вмятиной на боку и дала дочке попить. Отхлебнув пару глотков, Лена спросила:

– А беркут, беркут улетел?

Мама сильнее обняла дочурку и дрожащим голосом прошептала:

– Нет, девочка моя, он не улетел, но здесь он тебя не достанет.

Вдруг послышался громкий удар, словно били по железной крыше. С потолка посыпалась штукатурка, слабый свет несколько раз мигнул

и погас. Кто-то вскрикнул. Тогда Лену охватил лютейший ужас. Ее испугал не шум снаружи, не то, что все сидели в кромешной тьме, а то, что в ее разуме слово «война» вместо детской игры стало чем-то страшным и отталкивающим. Но она еще не до конца понимала, какие испытания ждут их всех впереди...

Лена проснулась и открыла глаза. За окном уже рассветало. Теплые лучи раннего солнца приветливо приглашали начать этот день, давали надежду на то, что сегодня случится что-то хорошее... Каждый день блокады она мечтала об этом.

Ей и тогда снилось, что они все вместе на даче, собирают яблоки, варят компот и поют очень хорошие песни под баян. Но, просыпаясь тогда, она понимала, что чуда нет, однако Лена не теряла надежду, возможно, именно она не дала ей угаснуть, как это случилось с большинством ленинградцев, потерявших веру.

Да, многое пришлось пережить... В декабре этого же года бабушка Маша не успела спрятаться до начала бомбежки – не добежала до укрытия. Ее тело так и не нашли под завалами, ставшими могилой для многих хороших и дорогих сердцу людей. Это подорвало здоровье ее супруга, деда Матвея, ему постоянно мерещилось, что бабушка зовет всех к себе. Через три недели его нашли мертвым на складе, врачи установили, что дед упал в обморок от истощения и ударился об полку.

Когда началась вторая зима... Ох! Она была самым страшным кошмаром. Заболела мама. Она становилась слабее с каждым часом. Лена помнит ее последние слова: «Верьте, детки, скоро все закончится!»

Через два дня люди нашли троих детей: мальчика и двух девочек, прижавшихся к мертвой маме. Они были живы...

Лена смутно помнила, как их посадили в грузовик, как они ехали по льду Ладожского озера. Ясно понимать происходящее стали в палате госпиталя. Потом их отправили в детский дом. А после войны их забрал отец, всех троих (и ту девочку с куклой – Серафиму).

Девятнадцатилетняя Лена ехала на дачу, где ее ждали отец, братишка и сестра. Они будут собирать яблоки, варить компот. Жизнь продолжается...

Учеваткин Иван Дмитриевич
9 класс

Наставник – Шестых Ольга
Владимировна, учитель русского
языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное
учреждение «Лицей № 1»
Красноармейского района
г. Волгограда

Волгоградская область

Тайна «Босоногого гарнизона»

*А еще я бы фильм показал в кинозале
О войне – в память тех, про кого не снимали.
Игорь Растеряев*

Пролог

Темно, появляется яркое пятно, из которого выпрыгивают, вылетают и выползают странные человекоподобные существа. Они пестрят костюмами, создают различные звуковые и визуальные эффекты: растягиваются, взрываются, стреляют, рычат и лязгают забралом. Вселенная «Марвел» заселена могучими героями, обладающими суперспособностями. Несколько странная, но такая популярная среди моих современников история из комикса, шагнувшая на экраны и засевшая в воображении целого поколения.

Наверное, в другой социальной среде, в обществе с другим прошлым основой киношедевра и может стать мстительная жажда, основанная... ни на чем. Я же не могу избавиться от мысли, что не о тех героях мы смотрим фильмы.

Если бы я был режиссером...

Историческая справка

Мы знаем о великом подвиге Советской армии во время Сталинградской битвы. Помним, что перелом в ходе войны случился именно здесь. А сейчас в Зале воинской славы на Мамаевом кургане замерли каменные полотна с фамилиями малой части из более чем двухсот тысяч похороненных там солдат. Но преступление против человечества совершалось не только на поле боя. В ходе Сталинградской битвы с августа по октябрь 1942 года войсками противника было оккупировано 15 районов Сталинградской области. Переносить тяготы войны сложнее всего было детям. Многим в Волгоградской области известно словосочетание «босоногий гарнизон». И если вы сегодня спросите, что оно означает, каждый волгоградский ребенок ответит: это очень хороший детский лагерь, местный вариант «Артека». Но не все знают героическое происхождение этого выражения. А именно так называли свою группу 20 мальчиков в возрасте от девяти до четырнадцати лет, жившие в хуторе Вербовка Калачевского района. Они, как могли, пытались оказывать сопротивление оккупантам: собирали продукты для передачи их партизанам, укрывали советского офицера, бежавшего из лагеря для военнопленных. Это звучит фантастически, но является чистой правдой. В настоящее время известен полный список детей, входивших в «Босоногий гарнизон», а фашисты их даже сфотографировали перед расстрелом.

Этот подвиг, длиной в короткую детскую жизнь, достоин экранизации. Я долго вглядывался в портреты сталинградских ребят и понял, что самое сложное было бы для юных актеров – передать выражение лиц: брови напряжены, губы поджаты. После титров фотографии маленьких героев бы оживали, а играли их простые волгоградские мальчишки, без суперспособностей, но с суперсилой.

Камера. Мотор

В сенях казачьего куреня Филипп Дмитриевич Тимонин, колхозный конюх, шептался с женой:

– Скот за Волгу перегнал, а вас эвакуировать уже не успею: немцы перерезали путь, подобралась к Сталинграду.

– Неужели и до нас все-таки дойдут? – ахнула казачка.

Тимонин резким движением открыл дверь в горницу и немного напугал этим сидевших вокруг небольшого стола мальчишек, забежавших в гости к сыновьям конюха.

–... На такие виражи этот крейсер тоже способен, – продолжил рассказ четырнадцатилетний Аксен Тимонин, подняв высоко макет. Ребята с обожанием глядели на старшего товарища, пока тот воодушевленно рассказывал им о кораблях и самолетах, показывал модели и пояснял,

какое еще их приключение он отметил на своей выдуманной карте.

Младший Тимонин, Тимошка, был одиннадцати лет от роду, и жизнь готовила его повторить судьбу другого казака, Остапа Бульбы: он был так же горяч, отчаянно не любил учебу, но был очень целеустремлен и никогда не плакал, даже если отец порол его, например, после того, как тот забрался в чужой огород и изрыл его в поисках клада.

Когда родители вышли из дома, Максим Церковников начал тихо:

– Враг шагает по Донской земле, рвется к Сталинграду. Немцы зверствуют в селах. Сегодня нужно выходить.

– Куда? – спросил Тимошка.

– В разведку! – развел руками Аксен. – Нам нужен свой отряд, гарнизон!

– Босоногий... – задумчиво произнес девятилетний Сема Манжин.

Братьев не было всю ночь. Утром родители и соседи вышли организовать на поиски, но увидели идущих по улице взволнованных и довольных детей.

– В лесу заблудились. Дорогу искали. Нечего было переживать. Нашли же! – невозмутимо объяснили братья.

На самом деле нашли они нечто другое – настоящий склад немецких припасов (12 винтовок и ящик патронов). Припрятали в лесу и хотели отдать советским солдатам. Но красноармейцев в хуторе уже не было; они его спешно покинули.

– Одну винтовку заберем в распоряжение отряда, – решительно заявил Аксен. И вскоре она действительно пригодилась.

Осень спрятала в своих черных оборках туч солнечные лучи. Листья стала быстро облетать с деревьев, а ветер выл и выл, как в туннеле. Мрачная гитлеровская свора вошла в хутор. Бывший тракторист и дезертир Устин вышел на площадь с хлебом и радостно встретил немцев, а вечером в сопровождении фееричных автоматных очередей «освободителей» он уже читал своим землякам распоряжение обер-лейтенанта Фридриха Гука:

– Запрещается выходить из дома после семи часов вечера, укрывать от «арийских воинов» продукты, иметь книги, хранить советские документы, менять возраст детей, запирайте дома. За неповиновение – расстрел.

С каждой новой фразой все ниже опускались плечи казаков и ярче сверкали глаза, а мальчишки вслушивались в слова и смекали. Аксена больше всего возмутило, что придется спрятать книги, пока мать не придумала в страхе сжечь их.

– Завтра сдать в комендатуру сорок тонн хлеба и три тысячи яиц! – даже Устин поперхнулся, понимая, что это невыносимо.

«Босоногий гарнизон» затеял свою войну с оккупантами тем же вечером. Начались нападения на коллаборантов, склады, распространялись листовки. Легенда о тайной группировке вносила панику в ряды фашистов. Они в бешенстве искали отряд партизан, но все тщетно.

Однажды Тимошка с Аксеном пробрались к дому, где жил предатель Устин.

– Доставай камень поострее, – тихо скомандовал старший и натянул рогатку в сторону окна. Один за другим звонко прилетело несколько «снарядов». Последний попал во что-то мягкое. Раздался вопль мужика. И когда Устин, получивший камнем в глаз, выскочил, братьев и след простыл.

Пришлось бежать ночью в другом направлении от дома, чтобы скрыться. И здесь ждала удача: они набрали на амбар с несметными продуктовыми богатствами немцев. Хлеб, масло, пряники, печенье – это было похоже на сокровища «сим-сим» для Али-Бабы, про которого совсем недавно читал Аксен. Нужно было очень тихо покинуть эту территорию и потом уже решать, как разорить гитлеровцев.

Ночи были темными и дождливыми, нельзя оставлять грязные следы, мальчишки почти ползком повернули в сторону дома. Они знали каждый камешек родных улочек и каждую кочку окрестностей. Вдруг обоим показалось, что недалеко мяукает кот. Странно: ночью, на краю деревни?.. Нет, это кто-то другой. Похоже на стон. Впереди в черноте осенней ночи показалось что-то светлое. Свернувшись, под кустом лежал раненый красноармеец.

– Дядя, ты кто? Тебе плохо? – засуетились мальчишки.

– Из Сталинграда я, пацаны.

– Какой Сталинград? Там же одни немцы остались! Красная Армия отступает к Уралу.

– Чушь такую и повторять не смейте, хлопцы! Наши насмерть стоят. И выстоят обязательно. Фашист не пройдет! Меня, вишь, в плен взять хотели, а я бежал...

– Откуда ты, дядя?

– Вот чудачки! Говорю же – из Сталинграда я, Николай Петрович Свиридов. Спрячете?

Мальчишки быстро сообразили и увели солдата глубже в лес, чтобы потом вернуться с едой и бинтами. Но спать в эту ночь они не могли. И на рассвете весь «Босоногий гарнизон» расклеивал написанные старательным детским почерком листовки: «Товарищи! Немцы брешут, что советская власть разбита. Брешут, сволочи, что Сталинград сдался. Сталинград наш, и наши скоро придут. Не верьте гадам. Партизаны».

Если бы я был режиссером... Я снял бы фильм, сериал, сагу, эпопею о маленьких защитниках большой страны, о «взрослом» детстве хуторских мальчишек, которые, как могли, приближали Победу. О других подвигах «босоногого гарнизона», о мести и возмездии, о трагедии детей и родителей, на глазах которых над мальчиками издевались фашисты, а потом публично казнили их, оставив родителей жить с этой болью.

И всякий, кто смотрел бы этот фильм, содрогнулся и вздохнул: «Ну, это только кино!» А каждый, кто досмотрел бы до конца, ужаснулся: реальность! И все другие вселенные померкли бы в своей беспомощной наивности.

**Пахомова Елизавета
Владиславовна
11 класс**

Наставник – Ирзаева Юлия Сергеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное образова-
тельное учреждение «Средняя обще-
образовательная школа № 70
г. Липецка»

Липецкая область

Гуль-гуль-гуль

– Гуль-гуль-гуль, – ворковали голуби.

– Гуль-гуль-гуль, – радостно махал рукой Лешка, возвращаясь из школы.

Птицы в семье Оборотовых были всегда. Их разводил еще отец Лешки, машинист поезда, и сыну это увлечение передалось по наследству. Мать часто вздыхала, когда в голубятне появлялись новые жители: «Куда ж нам столько!» А были и сизые, и черные, и рябые, и даже белые – породистые. Ими отец особенно гордился! Бывало, купит горох и самый отборный отдаст своим ажурным белоснежкам.

– Пап, а пап, а остальные голуби не обидятся? Не заклюют?

– Что ты, сынок, у голубей такого не бывает – они птицы мирные. Да и рады, поди, за меня, понимают ведь крылатки, что такой вот папочки, как мои белоснежки, отродясь в Ельце ни у кого не было.

Так и жила бы семья: папа, мама, Лешка и голуби. Но однажды сильный паровозный гудок, такой родной для Лешки звук елецкой железной дороги, прозвучал по-особенному тревожно.

Началась война. Солдаты уезжали на фронт.

Лешка хорошо помнил, как отец, поцеловав его и утерев слезы матери, собрал вещмешок и направился в голубятню. Там он посидел еще четверть часа один, а потом вышел и сказал:

– Береги белоснежку, сын, на тебя оставляю. А голубок теперь отправится со мной в далекое путешествие. За тридцать земель и, как бишь там его... в тридцатое царство...

Лешке даже обидно стало, что отец с ним как с маленьким разговаривает, какие-то сказочки рассказывает. А ведь он, хоть и худой и ростом не вышел, уже четырнадцатилетний парень! Он прекрасно понимал, зачем отец забирает с собой самую умную птицу. Голубь настолько привязан к своей голубке, что обязательно вернется к ней, как бы долго она его ни ждала, а значит, и весточка от отца обязательно будет, с какими бы перебоями ни работала полевая почта.

Так и случилось. Прилетел голубок в тоскливом октябре 1941 года. На лапке колбочка была привязана, в ней – короткая записка: жив, мол, здоров..., А в конце мельчайшим почерком химическим карандашом приписано: «Алексей, береги Елец». Никогда отец не называл Лешку полным именем. А тут... Алексей!

Хотя в городе было еще относительно спокойно, но слухи о захвате близлежащих деревень омрачали светлую надежду на мирную жизнь. С 21 ноября немецко-фашистская армия, словно неудержимый вихрь, наращивала масштабы наступления на елецком направлении. Лешка слышал по радио, как города один за другим попадают в огненную воронку вражеских обстрелов, и потому понимал, что отец не просто так послал голубя: встреча с войной лицом к лицу неизбежна для Ельца, который должен был стать для немцев лишь очередным кровавым пятном на карте.

Через месяц пришла похоронка на отца.

– Гуль-гуль-гуль, – ворковали голуби.

– Гуль-гуль-гуль, – с заплаканным лицом гладил их худыми пальцами Лешка.

Гладил и думал: «Сумеет ли маленький провинциальный городишко выдержать натиск гитлеровской армии? Ведь всем уже стало ясно: фашисты не пожалеют его, растопчут, как мелкую букашку, на пути к грандиозной цели. А ему что – сиди и смотри?»

На следующий вечер солдаты немецкого вермахта ворвались в Елец. Фашистские автоматчики моментально рассредоточились по небольшому городу. И словно мрак заполнил каждый двор.

– Лешка, ты слышал, слышал?... – задыхаясь от скорой ходьбы, кричал одноклассник Мишка Бекетов. – Немцы уже на весь мир объявили о победе: «Возьмем Елец – войне конец!»

– А вот я, Мишка, совсем другое слышал: «Елец-удалец, отважный боец. Бивали там всякого не нашего Якова – от Тамерлана до Гудериана».

Глаза Мишки были наполнены страхом, но он изо всех сил старался, чтобы Лешка этого не заметил. Сейчас нельзя быть размазней – другие времена настали. Ведь смог же Мишка не заплакать тогда, когда они с Лешкой на спор должны были отправиться в полночь на кладбище и постоять там у самой свежей могилы не менее десяти минут. Братья Сарафановы, ждавшие за калиткой погоста, засекали время, и никак нельзя было подвести Лешку, которому, казалось, ничего и никогда не было страшно. А друг не только не боялся всяких там чудищ-привидений, но и умел в любых обстоятельствах брать на себя ответственность.

– Не страшно тебе, Леш? Ведь дядя Архип как узнает, что мы отвязали его козу, так и прибьет нас своей палкой. А хоть и не прибьет, так отцу моему расскажет, а тот уж точно прибьет.

– А чего бояться? Сделали – значит, отвечать будем. Расскажем все как есть, что, мол, в мушкетеров играли, что конь нужен был, а вот коза Катька на коня отлично походила.

И когда на полусогнутых ногах Мишка с Лешкой отправился на поиски Катьки, он не столько старался найти пропажу, сколько сдерживался от позорного нытья. А когда козу нашли и Архипу все честно рассказали, радовался Мишка больше не благополучному исходу дела, а тому, что хоть каплю походил на своего друга в смелости и целеустремленности.

Поэтому сейчас, стоя на пороге Лешкиного дома и, как всегда в такие моменты, закусив дрожащую губу, Мишка сказал с нарочитой уверенностью:

– Да где им взять нашего брата! Неужто мы с какими-то вшивыми немцами не справимся!

Кого именно Бекетов имел в виду под словом «мы» – русские войска или себя с другом, – Лешка так и не понял, но почему-то в глазах его блеснула тихая мужская улыбка.

– Гуль-гуль-гуль, – ворковали голуби.

– Гуль-гуль-гуль, – отвечал им Лешка, раскладывая уверенными движениями по кормушкам что-то похожее на горох.

На рассвете третьего дня оккупации Ельца совершенно неожиданно для немецкого командования началось контрнаступление советских войск. Город должна была освободить 148-я стрелковая дивизия. И Лешка с Мишкой решились на личную встречу с ее командиром.

– Ну, парни, как думаете, тяжела ли жизнь разведчика? – спросил командир.

От низкого начальственного голоса у Мишки тут же защемило в животе. Но он держался изо всех сил! Не было даже смысла прикусывать губу – все равно бы не помогло.

– Никак нет, товарищ командир! – бойко и без тени волнения ответил Лешка.

– Ошибаешься, боец, еще как тяжела! Но сейчас нам без вас не обойтись. Ведь в Ельце вы каждый закоулок знаете, все дворы – так я говорю?

– Так точно, товарищ командир! – пытаюсь подражать смелости друга, выпалил Мишка.

Командира дивизии, полковника Черокманова, радовало настойчивое желание ребят помочь, но в то же время беспокоила чрезвычайная опасность, поджидавшая на каждом углу этих желторотиков. Мог ли он, взрослый человек, у которого у самого были дети, подставить мальчишек под пули?

Лешка как будто прочитал сомнения в глазах командира.

– Товарищ полковник! У меня есть верное средство, как сообщать вам сведения. Слышали ли вы когда-нибудь о голубиной почте?

Обсудив все детали разведывательной операции, мальчишки вышли от командира преисполненные гордости. С этого момента они стали постоянными проводниками русских солдат. По ночам Лешка с Мишкой отыскивали расположение вражеских пулеметчиков и с помощью голубей сообщали координаты советским бойцам. А однажды им удалась крупная операция по уничтожению телеграфной связи: ребята перерезали провода, ведущие к немецкому штабу.

– Гуль-гуль-гуль, – ворковали голуби.

– Гуль-гуль-гуль, – тихим голосом отвечал им Лешка.

В тот роковой день, а точнее, еще ночью, Лешка украдкой, чтобы не разбудить мать, вышел на разведку в одиночку. От стоявших в ту пору сильных декабрьских морозов Мишка Бекетов слег с температурой, поэтому брать с собой «раненого бойца» друг не стал. Еще днем ранее мальчишки высмотрели дом, в котором притаились немецкие автоматчики. Полученные координаты они сообщили с помощью верного Одиссея, который бумерангом возвратился к поджидавшей в табе Пенелопе.

– Эх, сейчас бы Мишку сюда! – говорил про себя скользивший по ночным дворам Лешка. – Он хоть и дрожит как осиновый лист, а дело свое знает!

Тогда Лешка не знал, что ни Мишки, ни Мишкиной мамы, ни сестренки уже нет в живых. Излюбленным делом немцев было выгонять местных жителей из собственных квартир, подчистую опустошая те, в которых можно хоть чем-то пожить. Мишку нашли лежащим на теле пятилетней сестренки, которую он прикрывал от автоматной очереди. Нижняя губа мальчика была практически насквозь прокуше-

на острыми Мишкиными зубами...

Сейчас же Лешка, пока ожидалось подкрепление, подобрался к деревянному забору у того самого дома, где, как тараканы, прятались фашисты. В одном месте ограждение отсутствовало, и он, не медля ни минуты, ползком проскользнул внутрь двора, очутившись в когда-то прекрасном палисаднике, где теперь заснеженные цветы были бесцеремонно растоптаны немецкими сапожищами. Через пару мгновений подоспели наши солдаты. Нужно было обезвредить оставшихся на позиции немцев, но где-то с чердака так строчил автомат, что продвигаться вперед было опасно.

– Я знаю секретный ход, товарищ капитан! Но там и я, маленький, с трудом пролезаю, – Лешка руками очертил приблизительный размер стенового отверстия, открывающего путь на чердак.

– Бери гранату, боец! – сказал капитан с глубоким вздохом.

Лешка бежал что есть силы, спотыкаясь о разбросанные в развалинах кирпичи. Понимал ли он тогда, что от его скорости и неуязвимости зависел исход, возможно, всей Елецкой операции?

– Ух, гады проклятые, вот я вам задам! И за папку, и за мой город, и за всю Родину! – кричал про себя Лешка.

Через десять минут солдаты услышали взрыв. А еще через пять с улыбкой победителя показался и юный боец – путь был расчищен, можно было двигаться дальше. Но тут же начался обстрел, вихрем вскруживший снег и пыль, засыпавшие глаза, превративший воздух в душное кровавое месиво...

День гибели Алексея Оборотова, 9 декабря 1941 года, страна запомнит как дату освобождения Ельца, ставшего первым городом на юго-западном направлении, избавленным от немецкой оккупации, первой успешной операцией Красной Армии, первой надеждой на пока еще такую далекую Победу...

10 декабря, вытаскивая убитых и раненых из-под завалов, солдаты услышали странные звуки: они чем-то напоминали человеческую речь, но слов из-за их монотонного звучания разобрать было нельзя. Каково же было их удивление, когда перед собой они увидели целую стаю голубей: сизых, рябых и даже двух белых – породистых. Разогнав птиц, солдаты обнаружили тело худенького мальчика с открытыми черными, как угольки, глазами.

– Гуль-гуль-гуль, – ворковали голуби.

– Гуль-гуль-гуль, – махнул им крылом Алексей.

Семенова Полина Юрьевна I курс

Наставник — Немченко Елена Ивановна, преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Ленинградской области «Гатчинский педагогический колледж имени К.Д. Ушинского»

Ленинградская область

Память — наша сила

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она, как сила, нам нужна.
Юрий Воронов*

Я живу в поселке Дружная Горка Гатчинского района Ленинградской области. Для меня моя малая Родина – самое лучшее место в мире. Дома улиц стоят среди сосен и берез. А когда выходишь на берег озера Орлинское, взору открывается живописная картина предместий Дружной Горки, прекрасная во все времена года.

Исторически поселок возник и развивался благодаря стекольному заводу, построенному здесь в начале XIX века купцом Иваном Ефимовичем Риттингом. Продукция этого завода была востребована в России при любом политическом строе. Ведь это – стеклянные окна в домах; графины, бутылки, пузырьки на полках магазинов и аптек; уникальные лабораторные колбы и даже знаменитые «лампочки Ильича», осветившие крестьянские избы и города в период электрификации страны.

Когда я училась в школе, наши учителя познакомили нас с историей родного края. Изучение проходило и на уроках, и во время экскурсий по поселку, и при участии в традиционных школьных и поселковых

общественных мероприятиях. Мне всегда интересно изучать прошлое нашей земли. И оказалось, что в жизни моего поселка были не только светлые, но и темные, даже черные страницы. О последних я и хочу рассказать. Относятся они к периоду Великой Отечественной войны. Черным крылом накрыла война Дружногорскую землю.

Даже если ничего не знать, а посмотреть только на цифры сухой статистики, можно сразу увидеть масштабы былой трагедии. Численность жителей поселка Дружная Горка по Всероссийской переписи населения 1939 года – 2659 человек. А в 1945 году, то есть через год после освобождения, в нем проживало всего 670 человек. И только через 10 лет после окончания войны численность населения приблизилась к довоенному уровню.

Начало войны разделило жизнь поселка на «до» и «после». После 22 июня 1941 года мужчины призывного возраста сразу ушли на фронт. Трудоспособное население стало привлекаться на работы по строительству Лужского оборонительного рубежа. А работникам стекольного завода был отдан приказ подготовить оборудование и персонал для эвакуации в глубь страны. В начале августа 165 заводчан с первым эшелонам убыли к новому месту – в ТАССР. А второй эшелон эвакуировать не успели, так как в конце августа Дружная Горка была оккупирована немецко-фашистскими войсками.

С этого момента и до 31 января 1944 года для оставшихся жителей поселка жизнь потекла по другому времени и законам. Комендантский час. Полицейский надзор. Изнурительные работы на оккупантов ради возможности получить хоть какие-то крохи еды для детей. Угон мирных жителей в Германию. Пытки и казни за укрытие раненых бойцов Красной Армии, за оказание помощи партизанам и другие провинности перед кровавым режимом.

Почти 900 дней и ночей длился этот морок. Но настал час избавления, который приближался героическими усилиями всего советского народа и армии. 14 января 1944 года наши войска начали проведение Ленинградско-Новгородской наступательной операции, в результате которой 27 января была полностью снята блокада Ленинграда. В этот знаменательный день впервые за всю войну победный салют прозвучал не в столице страны городе Москве, а в многострадальном городе-солдате Ленинграде. Канонада этих залпов была слышна и жителям пока еще оккупированных районов области.

31 января 1944 года поселок Дружная Горка был освобожден от захватчиков. И вот какая картина открылась перед нашими воинами. Предчувствуя поражение от натиска советских войск, фашисты решили оставить после себя выжженную землю, а население зверски унич-

тожить. Накануне, 30 января, они согнали всех оставшихся жителей поселка в здание двухэтажной деревянной школы. А это несколько сотен человек. На крыше установили пулеметы. Нацисты хотели в бою с наступающими советскими войсками прикрываться людьми, закрытыми в школе, как живым щитом. Но спасения этому живому щиту не предполагалось – по углам школы были расставлены бочки с горючим. При отступлении они хотели все равно поджечь школу с людьми.

Помешало осуществлению этого бесчеловечного плана стремительное наступление советских войск. Рано утром 31 января небольшая группа разведчиков 85-й Краснознаменной Ленинградско-Павловской стрелковой дивизии (изнутри кольца блокады Ленинграда) и 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта (с внешнего круга кольца) обнаружила закрытых в здании школы жителей поселка. Они взломали замок, освободили людей и приказали быстро бежать в лес и в сторону наступающих наших войск. Обнаружив это, немцы открыли огонь. Вражеские мины попали в школу. Несколько человек было убито. Но основная масса людей была спасена. Этот обстрел школы показал, что фашисты не намеревались оставлять людей в живых.

Когда к концу дня полностью освободили Дружную Горку, открылись новые факты злодеяний захватчиков. Бои за освобождение поселка были очень упорные и кровопролитные. Нацисты не хотели отступать. За годы оккупации ими здесь было сосредоточено большое количество войск и вооружения, подготовлены укрытия и ходы сообщения. Поэтому наши подразделения несли большие потери. На станции Заозерье (Дружная Горка) в деревянном помещении вокзала спешно был оборудован наш медицинский пункт для оказания помощи раненым. В нем были только санитары и раненые бойцы. Исторически в мировой практике сложилось правило, которого придерживались воюющие стороны: там, где Красный Крест, туда не стреляют. Но у фашистов была своя звериная практика. Они целенаправленно уничтожили всех, кто находился в помещении медицинского пункта. На следующий день представители двух стрелковых дивизий советских войск, участвовавших в освобождении Дружной Горки, составили два акта о произошедшей здесь трагедии и преступлениях фашистов. Гатчинский краевед А. Бурлаков в газете «Гатчинская правда» (№ 13 (21309) от 22.02.2021) опубликовал тексты этих актов из архива Минобороны России:

«Акт от 01.02.1944 г.

1-го февраля 1944 г. мы, нижеподписавшиеся Герой Советского Союза полковник Краснокутский, врач ст. лейтенант Овечкин, майоры Лебедев и Назаров, капитан Янкаятзон, старшина Гульнов, сержант

Архипов, красноармейцы: Толстой, Каримов, Алексеев, составили настоящий акт в том, что при занятии ст. Дружная Горка Ленобласти нашими войсками на станции обнаружено злодеяние немецких захватчиков, которого еще не знала история.

В сгоревшем здании вокзала находилось до 80 обгоревших раненых бойцов и командиров, из коих два остались в живых: красноармеец Шелтцев В.И., 1899 года рождения, и красноармеец Малыкин, которые рассказали: в здании вокзала был организован пункт медицинской помощи, где сосредотачивались раненые, немцы окружили наши подразделения, зашли с тыла на станцию и подожгли здание. Раненые, пытавшиеся выйти из горящего здания, расстреливались и ололись штыками. Среди обгорелых трупов опознаны: комбат Демченко...» (окончание акта не сохранилось).

А вот второй документ, представленный военными служащими другой стрелковой дивизии:

«Акт от 01.02.1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся подполковник Никулин, майор Пожилов, майор Шевченко, майор Васякин, капитан Григорьев, капитан Коликов, лейтенант Ильин, старшина Шабловский, рядовые Комаров, Судовный, составили настоящий акт в том, что при взятии станции Дружная Горка обнаружены злодеяния немецко-фашистских варваров в отношении раненых воинов Красной Армии.

При осмотре станции Дружная Горка и трупов, находившихся там, подтверждено, что немецко-фашистские солдаты и офицеры при отступлении расстреляли более восьмидесяти раненых советских воинов (преимущественно из автоматов в голову) и горячей смесью были сожжены.

Среди останков трупов опознаны: капитан Демченко, лейтенант Озернов, лейтенанты Асташков и Моливер, рядовые Николаев, Неступович и др.

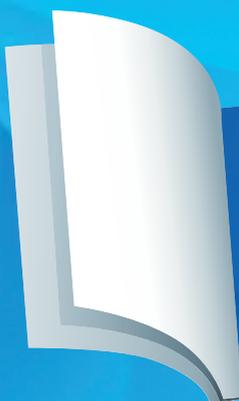
Акт составили и подписали на ст. Дружная Горка 01.02.1944 г.

Подписи...»

На этих примерах из истории моего небольшого поселка можно сделать вывод о том, какие цели преследовали фашистские оккупанты на нашей земле. Уничтожение людей. Им нужна была наша земля, но без населения. Что это, если не геноцид? Почти восемь десятилетий прошло после тех страшных дней. Казалось бы, для всех разумных людей после окончания войны стало очевидным, кто был прав, кто виноват. Что есть добро, а что – абсолютное зло. Но, к сожалению, в последнее время все чаще стали предприниматься попытки переписать историю, поменять местами героев и преступников. Это противоречит

здравому смыслу, но такие попытки стали очень частыми. Особенно со стороны стран, которые еще недавно были нашими союзниками и партнерами. Еще страшнее видеть там марширующую молодежь с фашистскими крестами и символикой гитлеровских подразделений. Неужели человеческая память — такая короткая, а человеческая совесть — это пустой звук?

Мы не должны забывать свою историю и должны чтить подвиги наших предков, подаривших жизнь нам и народам Европы. А все попытки искажения истории не оставлять без ответа. Иначе человечество снова накроется черными крыльями новой войны.

ПРИЗЁРЫ В 1-Й КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Петухов Егор Леонидович 6 класс

Наставник – Гилязтдинова Дина
Вазыховна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Лицей имени Алексея Геннадьевича
Баженова» г. Черногорска

Республика Хакасия

Ваше время несравнимо С МОИМ...

Старые пожелтевшие фотографии... Сколько тайн они таят в себе! Тайн, связанных не только с цветом, отсутствующим на них, но и с судьбами людей, ушедших безвозвратно. Смотрю на одну из таких фотографий. Величественная посадка, гордый профиль, легкая улыбка, немного высокомерный уверенный взгляд, красиво прибранные волосы. Это моя прапрабабушка, Варвара Александровна Захарова.

Отложив фотографию, принимаюсь за чтение статьи в газете «Династия» от 9 апреля 1999 года. В ней говорится о династии учителей, моих знаменитых предков – Чудовских-Захаровых-Серовых. Шутка ли – четыре поколения педагогов! Здесь снова упоминание о Варваре Александровне (статью писал журналист, один из ее учеников): «Даже посадка на стуле была особенной. Она садилась на стул, заложив ногу за ногу, несколько отогнувшись назад, правую руку в локте клала на спинку стула, а голову клонила немного вправо, поддерживая тремя пальцами, а два были сжаты в кулак, прижатые к виску. Гордая осанка. Человек знал себе цену...»

Да, моя прапрабабушка знала себе цену: она происходила из старинного княжеского рода Волконских. Во время революции ее семью сослали в Сибирь. «Княгиня» – называли ее те, кто знал о ее причастности к знатной фамилии.

«Княгиня!» – вглядываюсь снова я в приятные черты своей дальней родственницы. Это фотография 1939 года.

Перебираю вещи в заветном дипломате моей бабушки и нахожу другую фотографию. Помню, как я удивился, когда впервые увидел ее и узнал, что на ней тоже «княгиня» Варвара Александровна Захарова. Женщина с опущенными плечами, в темном платке на голове, с невыразимой печалью на лице и потускневшим взглядом. Разница между двумя снимками – 8 лет.

8 лет... Что вместили они в себя? Активная работа в школе учителем русского языка и литературы, где во всем поддерживал ее муж, директор школы Захаров Сергей Демьянович. Забота о четверых детях, которых воспитывали в строгости и любви. А потом была война... Сначала ушел Сергей Демьянович, потом – сын, Жоржик, как ласково его называл отец.

Были письма, много писем от мужа. В письмах он жил той, довоенной жизнью: «Георгий, если дома, пусть готовит сети... Неужели мне не придется нынче половить рыбу? Картошку нужно беречь... Насчет коровы тебе виднее... Я уже забыл вкус молока... Насолила ли капуста?» Много-много вопросов, о себе только: «болят ноги», «сидим без табаку», «в одежде не нуждаюсь – фуфайка, пимы». И упреки в том, что мало писем получает из дома. Одно из писем заканчивается словами: «Пишите гораздо чаще. Иначе я вовсе прекращу писать. Ваше время несравнимо с моим. Вы ему хозяйева».

Не знал Сергей Демьянович, интересуясь в письме Жоржиком, что Георгий Сергеевич Захаров тоже ушел на войну. И сети ставить некому... И забота о сене тоже легла на плечи женщины и дочерей.

8 лет... Письма от мужа в один миг оборвались. Где он? Что с ним? Писала, искала, ждала... Нет, «пропал без вести». Три горьких коротких слова, порожденные фашизмом.

В 1944-м пришла похоронка на сына, Георгия Сергеевича Захарова, Жоржика: «Умер от ран 8 февраля 1944 года. Похоронен в Витебской области». Ему не было и 20 лет... Тогда Варвара Александровна и надела платок, который никогда уже не снимала.

Но в душе еще теплилась надежда: «Может, жив муж? Может, памяти лишился? Ведь всякие истории есть. Даже когда не ждали уже...»

Прогремел салют Победы. Шли годы – тягостные, мучительные... В глазах появилась тоска, которая уже не покидала их. И вот в 1947 году пришла весточка – документы о захоронении рядового Захарова Сергея Демьяновича, пропавшего без вести в марте 1942 года. Какое совпадение! Погиб в городе Мелитополе в 1942 году, в городе, в котором родился в 1901-м! Захоронен в братской могиле... В одной братской могиле сын, в другой – муж...

Держу в руке две фотографии с разницей в 8 лет. Грациозная «княгиня» и уставшая пожилая женщина в платке с устремленным в никуда взглядом. 8 лет, в которые своей черной тенью вошла война, перечеркнувшая судьбы моих великих родственников.

«Ваше время несравнимо с моим. Вы ему хозяева...»

Климов Иван Андреевич 5 класс

Наставник – Климова Ольга Владимировна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение города Полярные Зори «Средняя общеобразовательная школа № 4»

Мурманская область

Про Володьку, картошку и непрошеную гостью

В одной деревне жил-был мужик. Звали его Михаил. Были у него жена Аннушка и сын Володька. Дружно жили. Все у них ладилось и спорилось. Отец с утра в поле уходил, мать по хозяйству управлялась. Володька во всем помогал: то с отцом на сенокос отправится, то матери помогает. Все умел Володька: и за домом смотреть, и за скотиной ухаживать, и обед готовить.

И было в доме одно правило: как бы день ни прошел, как бы все ни устали, вечером обязательно за одним столом собираться. Новости рассказать, песни попеть и вкусно покушать. А что может быть вкуснее отварной картошки из печки? Хозяйка и маслица побольше положит, и сметанки добавит, и укропом приправит. И стоит чугунок на столе, дымится картошка, а аромат на весь дом расходится! Так и жили. Дружно да ладно.

Однажды летним днем, когда вся семья собралась, постучалась в их дом непрошенная гостья. Володька таких гостей и не видал никогда. Зашла в дом женщина. Одежда на ней темная, руки костлявые, а глаза злющие-презлющие. Испугался Володька и за отца спрятался. А отец его на руки взял и говорит: «Ты, Володька, не бойся! Тебе бояться нельзя. Ты в доме теперь за старшего остаешься. Видишь, война

к нам явилась. Мы ее не звали, сами войну не затевали, значит, победить должны непременно. Я пойду с врагом сражаться, а ты матери помогай да за домом смотри». Положил Михаил в мешок вещи нехитрые, поцеловал жену и сына, перекрестился у порога, поклонился в пояс дому родному и ушел.

А Володька с матерью дома остался. Хоть ему и шесть лет, а наказ отца выполняет: и за домом смотрит, и матери во всем помогает. Только страшно ему бывает очень-очень. Враги в деревню вошли, скотину со двора увели, а дом их сожгли. Пришлось им с матерью землянку вырыть и жить там. Только холодно очень, сыро и есть все время хочется. В самые тяжелые минуты вспоминал Володька, как они раньше с отцом да матерью за столом в своем доме сидели и картошку ели. Взгрустнется ему, заплачет да так у матери на руках и заснет. А Аннушка гладит сына, слезы из глаз катятся, а поделывать ничего не может. Только одно знает: война закончится, победят врагов солдаты русские и вернется муж ее Михаил домой.

А война, что непрошеной гостьей в дом явилась, по всем дворам прошла, по всем городам прокатилась. В каждом доме побывала, всех плакать заставила. Думала она, что когда человек плачет, то слабее становится. Но все иначе получилось. Не знала она, что слезы человека русского только сильнее делают. Не знала она, что человек русский все вытерпеть может и врагу никогда не сдастся. Володька плакал, а сам сильнее становился. Вот ему и семь лет миновало, и восьмой год прошел, скоро и девятый закончится. Совсем взрослый стал.

Однажды летом Володька на рыбалку пошел. Лето – пора благодатная: и грибы, и ягоды, и травы, и рыба – всего вдоволь. Сидит он на берегу и видит: летят два самолета. Один другого догоняет и стреляет, стреляет. Загорелся первый самолет, а из него парашютист выпал. Понял Володька, что это солдат русский, свой. Побежал к лесу, куда парашютист приземлился. Бежит и сам себя подгоняет. Боится, как бы немцы не увидали. Прибежал и видит: у дерева солдат лежит весь в крови. Нога сломана, на голове – пилотка с красной звездой. Кинулся Володька ему помогать, а солдат и говорит: «Малой, выручай. Летел я к нашим донесение передать. Да, видать, не смогу приказ выполнить, силы меня покидают. Вот тебе документы, отнеси партизанам». Открыл солдат карту и Володьке путь показывает. Слушает Володька внимательно, запоминает. Рассказал все солдат и говорит:

- Выполняй, сынок! Вся надежда на тебя!
- Есть, товарищ командир!

Взял Володька документы и побежал. Долго ему добираться надо, очень долго. А дома мать с ума сходит, в деревне немцы лютуют.

Прознали они про солдата русского, нашли его, а документов при нем найти не могут. А документы немцам ох как нужны! Сигнали тогда враги всех жителей деревни и говорят: «Если не признаетесь, кто документы у парашютиста забрал, всех уничтожим».

А в деревне уже понимать стали, что документы Володька забрал, потому что уже ночь наступила, а его все нет. Только куда он делся, понять никак не могут.

А Володька бежит. Бежит к партизанам. И все ему на пути помогает: и тропинки в лесу потайные открываются, и березки свои руки-веточки протягивают, чтобы он через болото перебрался, и птицы с ним разговаривают, песни свои поют.

Долго ли, коротко ли бежал Володька, но добрался он до партизан. Нашел самого главного командира, рассказал ему все и документы передал. Командир велел Володьку накормить и благодарность ему объявил. А в это время в партизанский отряд донесение пришло: немцы Володькину деревню вместе с людьми сжечь хотят. Испугался Володька, заплакал. Про мамку думает, понимает, что помочь-то ей ничем не может. Смотрят партизаны на него, и каждый своих отца-мать вспоминает да детей малых. Неужели не помогут? Неужели не спасут?

И двинулись они всем отрядом. Молча идут, скоро. Торопятся, боятся опоздать. Вот и болото перешли, и по потайным тропкам к деревне вышли. Смотрят, а немцы женщин, стариков и детей в сарай загоняют. Факелы уже зажигают.

И двинулся отряд на нечисть фашистскую. И завязался бой. Страшный бой, тяжелый. Немцев больше, а наших меньше. Только солдаты русские своих людей спасают, свою землю защищают. Она им, матушка родимая, и помогает.

Со всех сторон огонь идет. Наши уступить не могут! Из последних сил к сараю продвигаются, чтобы людей спасти. А сарай-то немцы поджечь успели. Полыхает он ярким пламенем.

Долго бой длился, очень долго. Володьке казалось, что он и не закончится никогда. Но не позволял Володька себе ни плакать, ни бояться. Потому что взрослый он, потому что отец так велел.

Велика сила русская! Сумели наши солдаты к сараю подобраться, дверь открыть и спасти всех. Отыскал Володька мамку свою, обнял ее и стоит. Держится за нее, пошевелиться не может. Рад, что родной человек жив-здоров. Оглянулся Володька кругом и видит: люди-то улыбаются, на небе из-за туч черных солнце яркое показалось, птицы песни радостные запели, деревья все листочки свои развернули.

С того самого дня непрощенная гостья в дорогу засобиралась. Толь-

ко и видели люди русские, как волосы ее косматые по ветру треплются да лохмотья по земле волочатся. А вскоре и след ее простыл.

И стали солдаты возвращаться. Стала радость в дома стучаться. Вернулся и Михаил. Нашел своих в землянке, обнял и заплакал. Володька у него на шее повис и счастьем своему не верит. А отец мешок солдатский открыл, достал три картошки и говорит: «Вари, Аннушка. Вся семья собралась, обедать будем». Аня картошку сварила. И не было в ней ни масла, ни сметаны, ни укропа. Но казалось Володьке, что ничего вкуснее он в своей жизни и не ел.

Тут и сказке конец. Сказке конец, а памяти человеческой – нет, потому что помнить мы должны о тех временах страшных. Помнить и детям своим рассказывать. Рассказывать, чтобы жизнь продолжалась. Жизнь без войны.

Безгина Алеся Александровна 6 класс

Наставник – Федорова Юлия Владимировна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение города Ульяновска «Лицей при УлГТУ № 45»

Ульяновская область

Письмо из прошлого

Дорогая моя внученька!

Вот и наступила долгожданная весна. Надеюсь, все у тебя хорошо, ты уже давно учишься в школе, стала совсем взрослой! Тебе целых 12 лет! Мне тоже когда-то было 12 в далеком 1941 году...

Сложное это было время, трагичное для всех: от мала до велика. Мы, дети, не до конца тогда осознавали происходящее. А ведь вокруг была война... Но обо всем по порядку.

Жили мы в то время с мамой, твоей прабабушкой Агриппиной Антоновной, в деревне Нижние Луги Демидовского района Смоленской области. Дом наш был большой, в самом центре деревни. Папа мой, Константин Васильевич Лукьяненко, был на войне, вестей от него было мало. В июле 1941 года наша деревня была оккупирована немцами, как и вся Смоленская область. Сначала все было спокойно, и мы уже начали надеяться, что они уйдут с миром. Но когда наши мальчишки стали возвращаться домой из ремесленного училища, началось самое ужасное... Немцы их вылавливали и кого расстреливали на месте, а кого вешали на деревьях. Так в 12 лет я стала седой...

Дом наш, конечно, перешел к немцам. Они сделали из него штаб, а мы с мамой стали жить в сарае. Но самое главное – мы были живы. Приближались холода. Моя мама была очень практичной, умела шить, и это нас часто выручало. Сошьет юбку или заштопает платье

соседке – у нас кусочек сала или немного картошки на ужин. Но ближе к зиме стало совсем голодно. Около деревни было огромное поле. С одной стороны стояли немцы, с другой – наши советские солдаты. Днем выходить на улицу было опасно, это была верная смерть, потому что над деревней неустанно кружили вражеские самолеты. Чтобы не умереть от голода, мы с мамой шли ночью на это поле выкапывать ломом мерзлую картошку, которая казалась мне тогда самой вкусной на свете.

Обстановка все больше накалялась. Чтобы мы, дети, не попали в немецкие концлагеря и не были замучены до смерти фашистами, по инициативе одного из партизан было принято решение о нашей эвакуации. Так началась операция «Дети».

Сначала мы шли несколько километров пешком по бездорожью до Демидова, потом ехали на машине до Смоленска. И все это под обстрелами немцев. В Смоленске сели на поезд до Твери, думая, что мы наконец в полной безопасности, но наш состав разбомбили. Чудом я осталась жива. Я и еще несколько выживших ребят добирались до Кирова уже пешком. Нам было страшно и больно за всех невинно погибших детей, за себя, за близких, но самое главное – мы были по-прежнему живы. В Кирове нас определили в детский дом. Наконец над нашими головами не свистели пули. После Кирова нас отправили в другой детский дом в городе Балахна Горьковской области.

Мама... Мама осталась работать медсестрой в военном госпитале. Расставаясь, мы прощались словно навсегда, ни на что не надеясь.

Милая мама... Где и как она тогда жила и была ли жива еще, я не знала. После ужасных, бесчеловечных казней в нашей родной деревне, после разгрома эшелона с детьми и всех тех ужасов, что мы испытали, я уже не верила в чудо. Все вокруг казалось немым черно-белым кино, а в сердце поселились горе и глубокая печаль.

«Что же было все-таки с мамой?» – спросишь ты. Так слушай. Спустя два года мама была переведена в военный госпиталь в Балахну, туда, где был мой детский дом. Все это время она меня искала, но безуспешно. По чистой случайности мы встретились однажды на улице и больше не расставались. Это было невероятное счастье – вот так просто встретиться с родным человеком, которого считала потерянным навечно.

О местонахождении папы мама тоже узнала случайно, разговарившись в госпитале с одним из раненых, который оказался его сослуживцем. Папа в то время уже дошел до Берлина. Как мама смогла тогда передать ему письмо, для меня долго было загадкой. Это было настоящее чудо, что посреди всего этого хаоса моей маме удалось

найти нас с папой. Вскоре война закончилась, и вся наша семья снова воссоединилась.

Прошло много лет. Моих родителей уже нет на этом свете, как и меня, но есть ты, наше продолжение, наше будущее. Ты, которая будет помнить и пересказывать своим детям и внукам эту историю.

В этот теплый весенний день я хочу, чтобы ты продолжала верить в чудо. Во что бы то ни стало, несмотря ни на что верь в чудо, верь в добро! Наша вера – это единственное, что помогает нам не опускать руки в самые сложные моменты жизни.

Крепко обнимаю тебя.

Твоя бабушка Лида.

9 мая 2022 г.

Царахов Хетаг Таймуразович 6 класс

Наставник – Хадарцева Светлана Георгиевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Беслана»

Республика Северная Осетия - Алания

Разговор с братом

Здравствуй, мой дорогой брат Заурбек! Очень надеюсь на то, что у тебя все хорошо! Сегодня ровно месяц, как ты ушел на фронт. За это время я не написал тебе ни одного письма, потому что был обижен на тебя. Я так хотел поехать вместе с тобой, чтобы бить фашистов! Чтобы отомстить за смерть отца и дяди Казбека! Я так просил тебя взять меня с собой... Но ты решил, что я еще слишком мал для войны. А ведь мне уже целых 11 лет! Ты тогда придумал хорошую отговорку, сказав, что в доме должен остаться хоть один мужчина, иначе кто будет помогать маме и бабушке. Но я-то знаю: ты просто хотел уберечь меня. Конечно, я тебя понимаю. Если бы я был взрослым, я бы, наверное, поступил также.

Брат, прости меня, пожалуйста, за мое молчание. Глупо получилось... Я не писал тебе, но разговаривал с тобой каждую минуту, каждое мгновение. Разговаривал мысленно, но вслух!

Я рассказывал тебе о том, как тихо плачет дождь за окном, словно сочувствуя жителям нашего села, до которого добрались немцы. Я говорил тебе о том, что у нас теперь новый учитель истории, потому что прежний, Сослан Батразович, ушел на войну и геройски погиб в бою. Я рассказывал тебе о том, что к нам в класс пришла девочка Даша, оставшаяся круглой сиротой. Ее родители погибли во время

бомбардировки поезда «Киев – Москва», и теперь она будет жить у нас, в Осетии, у своей бабушки Веры. Даша очень красивая, брат!

А еще мне не терпится рассказать о том, как мы с Махаром насыпали в бензобак фашистского автомобиля соль. Толстяк Вилли так и не смог завести его, хотя старался очень долго.

Как видишь, брат, я доверял тебе все свои тайны и знал: ты никогда меня не предашь! И я тебя тоже! Мы же с тобой друзья! Я помню твоё наставление: «Умей ценить друзей. Нет ничего крепче и надежнее настоящей мужской дружбы!»

Заурбек, про мужскую дружбу ты точно подметил. Неделю назад в дом тетушки Мишурат пришел незнакомец в шинели. Он долго не решился постучать в калитку. Стоял, переминаясь с ноги на ногу. Я еще подумал: «Наверно, ноги озябли». Потом я понял, почему этот человек медлил. Тяжелое ему дело предстояло... Как вспомню крик тетушки Мишурат, так сразу страшно становится! Незнакомец рассказал о гибели Таймураза, который собой закрыл от вражеской пули этого человека. Как выяснилось, Анатолий (так назвался гость) был лучшим другом сына тети Мишурат.

Брат, я тоже хочу на фронт. Я буду тебя оберегать! Если надо будет, я тоже, как Таймураз, заслоню тебя своим телом! И не только тебя!..

Знаешь, Заурбек, как мы все по тебе скучаем! Мама часто плачет украдкой и просит бога, чтобы ты вернулся живым и невредимым, чтобы поскорее закончилась проклятая война. А бабушка, когда мы садимся за стол, ставит тарелку и для тебя! Сначала я удивлялся, не понимал, зачем она это делает. Но потом мне это очень понравилось. Веришь, мне стало казаться, что ты просто вышел во двор и сейчас вернешься к нам и начнешь есть, ласково похлопывая меня по плечу на правах старшего.

Помнишь, отец всегда говорил, что мужчины не плачут? А я, признаюсь тебе, иногда плачу по ночам. Этого никто не видит и не знает! Только ты теперь знаешь! Но я уверен, что ты никому не раскроешь моей маленькой тайны.

Ты спросишь, почему я плачу? Если честно, я очень боюсь потерять тебя! Я боюсь, что фашисты захватят нашу страну, возьмут в плен наших солдат...

Да, мне страшно, потому что война может забрать у каждого человека самое дорогое!

Но я твердо верю в то, что наша армия самая сильная, она защитит нашу страну и перебьет фашистских оккупантов.

А еще я плачу от обиды! Как представляю, что ты с товарищами воюешь, взрываешь немецкие танки, даешь по фрицам длинные

автоматные очереди... Когда я представляю себе все это, мое сердце рвется в бой! Мне тоже хочется бежать в атаку с криком «За Родину! За Сталина!»

Заурбек, я все чаще задумываюсь о том, когда же закончится эта война. В нашем селе уже столько горя! Оно стучится все в новые и новые дома!

Брат! Бейте хорошенько этих гадов, не жалейте их!

А я буду писать тебе письма! Бабушка, мама и сестренка Зарина шлют тебе привет!

Заурбек! Сражайся смело и возвращайся героем! Мы все тебя ждем!

Твой младший брат Хетаг

14 декабря 1942 года

P.S. А на фронт я все равно сбегу! Я должен! Я смогу: ведь я осетин!

Тагирова Нурия Римовна 7 класс

Наставник – Тагирова Алсу Масхутовна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Средняя общеобразовательная школа
имени Мансура Султановича Киреева
села Шарипово муниципального
района Кушнаренковский район
Республики Башкортостан

Республика Башкортостан

Азбука воспоминаний моей семьи

Введение

Я – бабушкин хвостик. Так уж повелось, что третья из четырех внучек Нурия (так меня зовут) всегда с бабушкой: и дома (бабушка живет недалеко от нас, каждый день приходит к нам, иногда несколько раз), и во время поездок (бабушка Сазида очень активная, она любит движение), и в гостях (чаще всего мы бываем в поселке Нурлино у старшей сестры бабушки – Флюры эби). Флюре эби уже восемьдесят пять лет. Бабушки все время говорят. Разговоры у них обо всем: о детях, внуках, конечно же, вспоминают давно ушедших в мир иной...

Моя азбука – это непридуманные семейные истории, воспомина-ния Флюры эби.

Б

Бабушка. Бабушка родилась после войны. Ее жизненный путь – это много тяжелых испытаний. Чуткая душа – ее верный спутник в жизни. Благодаря ей бабушка Сазида за много лет не утратила способности сопереживать. Каждый эпизод, рассказанный старшей сестрой, она пропускала через себя. Призналась мне, что не могла спать в эти дни. Так тяжело было на душе.

Я поняла: у душевной боли нет срока давности!

В

Весна. Две девочки (старшая – Таскира, младшая – Флюра), десяти и пяти лет, идут в лес, находят дикий пастернак и выкапывают его корни. Эти корни кажутся им такими вкусными, слаще конфет!

Г

Голод. Все время хотелось есть! Пятилетняя Флюра понимает, что зерно – это сытость. Она частенько ищет зернышки на полу. Ей кажется, что парочка-другая закатилась в щели. Ищет и не находит...

Д

Дорога. Зима. Холодно. Топить нечем. Прабабушка все время на работе. Девочки отправляются в лес за дровами. Рубить деревья нельзя. Да и не смогли бы они! Собирают сучья, складывают в сани.

Накануне выпал снег. Полозья не скользят. Идти тяжело. Дети выбились из сил. Тогда Флюра идет вперед, протаптывает дорогу, а Таскира тащит сани. Надо спешить! К приходу мамы нужно переделать еще кучу дел...

З

Зима. Прабабушка на лесозаготовках. Все для фронта! Все для победы! И лес тоже.

Приходила домой поздно, прислонившись к теплой печке, мгновенно засыпала. Но долго спать нельзя! Ведь от домашних дел никуда не уйти. А завтра опять в лес. И послезавтра...

К

Крахмал. Флюра эби говорит, что весной они искали крахмал. Находили на огородах перезимовавший картофель, счищали кожуру, белую массу жарили и ели. Я попробовала крахмал – у него вкуса нет! А тогда, в голодные годы, дети думали иначе. Они голодали.

Картофель. Зимой съели весь картофель. То, что отложили на семена, – тоже. Весной сажать было нечего. Оставлять огород пустым – стыдно! Тогда прабабушка велела дочерям перекопать огород. В тот год у многих была такая же ситуация. Многие тогда говорили, что картофель у них «не взошел».

Корова. Корова-кормилица! Много жизней спасла она. Заводили ее в дом, доили, поили телят. Что-то оставалось самим. Однажды корова опрокинула суп, кипевший на печи. В тот день семья осталась без ужина.

Л

Лапти. Таскира вместе с подружками пошла в лес за дровами. Хвост собирали долго. Стало темнеть. Дети заторопились домой. На обратном пути у Таскиры порвались завязки на лаптях. Так и шла босиком до самого дома (и это зимой). Ей в то время было 12 лет.

М

Медаль. Передо мной старая фотография. Первая слева – прабабушка Хусния, рядом – ее старшая дочь Таскира. За честную работу в тылу прабабушку наградили медалью.

Фото 1947 года.

О

Односельчанин. Два бойца во взводе были из одного села. Однажды одного из них – Шайхамбара – отправили на разведку. Вернулся он через два дня. А односельчанина Сабита к этому времени убили фашисты. Шайхамбар собственноручно похоронил земляка, о чем написал родным.

А его самого накрыло снарядами через два дня.

П

Письма. Писем ждали все и всегда. Солдат Шайхамбар писал стихами. Очень любил своих девочек: жену Хуснию, дочерей Таскиру и Флюру. Письма-треугольники бережно хранили, перечитывали много-много раз.

Для Флюры эби эти письма – святыня. Никому в руки их не дает. Я знаю лишь то, что написаны они арабской вязью. Но, к сожалению, содержания писем не знаю.

Почтальон. Когда пришла похоронка, женщина-почтальон долго обходила стороной дом Фазлыевых. Через какое-то время вручила одиннадцатилетней Таскире весть о смерти отца.

С

Солдат. «Фазлыев Шайхамбар, 1906 г.р., уроженец с. Нурлино Уфимского района, рядовой, погиб 02.09.1943 г., похоронен: Полтавская область, х. Холодный».

«Память». Книга 18 - Уфа: Китап, 1999, стр. 314.

Фазлыеву Шайхамбару было 37 лет.

Т

Ток. Перезимовавшее, мерзлое зерно – яд. Многие этого не знали. Девочки на току нашли немного зерен, съели. Таскира была крепче, поэтому поправилась быстро. А Флюра чуть не умерла. Еле выкарабкалась. Спасло детей то, что зерен они нашли немного.

У

Учеба. Флюра пошла в школу первого сентября 1944 года. Ходила один месяц. Обувки не было. Школу пришлось бросить.

Ф

Фронт. «Все для фронта! Все для победы!» – лозунг военных лет. Все, что было: хлеб, лес, – отправляли на фронт. Каждое зернышко помогало и приближало великий день – День Победы.

Ч

Чай. Пили травяные чаи. Сахар – лакомство. Его не было.

Заключение

У каждой семьи своя азбука воспоминаний. Время не властно над ними, потому что это судьбы близких нам людей. У этих воспоминаний нет и никогда не будет срока давности.

В глубоком тылу было так же страшно, как на передовой. Может быть, иногда даже страшнее. Здесь солдатами становились женщины, дети. Такие, как моя прабабушка Хусния, ее дочери Таскира и Флюра.

**Курышкина Полина
Дмитриевна
7 класс**

Наставник – Шичкина Светлана
Леонидовна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное общеоб-
разовательное учреждение «Средняя
общеобразовательная школа № 8»
Рузаевского муниципального района

Республика Мордовия

Дневник партизанки

Посвящается подвигу Нади Богдановой

21 июня 1941 года

Я только что вернулась с пионерского костра – ох и весело же там было! Мы и картошку пекли, и разные песни пели... А самое главное, сегодня днем мы играли в «Зарницу» – это лучшая игра во всем мире! Я ходила в разведку со своей лучшей подругой Ленкой, и, надо сказать, очень-очень удачно! Наверное, мы хорошие разведчики – нас никто не заметил и мы добыли все сведения вовремя. Кстати, к этому событию мы готовились очень долго – разные конкурсы придумывали, задачи военные и прочее... Мы долго трудились, так что игра получилась на славу, надеюсь, что когда-нибудь мы обязательно ее повторим! А сейчас я безумно устала и мечтаю поскорее добраться до подушки.

22 июня 1941 года

Сегодня днем радио принесло нам ужасную новость: началась война, все беспокоятся, только об этой войне и разговоров. Зачем фашисты напали на нашу страну? Но, я уверена, мы быстро их победим и все скоро закончится...

30 июня 1941 года

Наш детский дом переезжает. Поступили сведения: немцы могут подобраться к нам слишком близко. Сегодня нас уже посадили в вагоны. Мне очень страшно, ведь совершенно непонятно, что происходит. Наши солдаты пока еще не могут победить фашистов, поэтому враги продвигаются все дальше. Я очень боюсь за нашу страну, друзей и за себя. По радио передают, что погибло уже очень много людей. Я еще надеюсь, что все будет хорошо. Очень надеюсь.

3 июля 1941 года

Мы уже несколько дней едем в поезде, ведь он постоянно останавливается и пропускает военные составы. Солдаты машут нам из своих вагонов, а мы собираем для них букеты. Ехать нам вовсе не скучно. Мы постоянно во что-нибудь играем. Вот недавно я искала Ленку, бегая по вагонам, это было очень тяжело, но интересно. Поезд – лучшее место для прятков! Воспитатели говорят, что мы уже скоро приедем. Мне кажется, что они лукавят, ведь это же они говорили нам и вчера. Кстати, сегодня мы видели поезд, который перевозил боеприпасы для фронта. Он был длинный-предлинный! Наверняка там очень много ящиков с гранатами и винтовками. Ленка говорит, что с таким количеством оружия наши солдаты точно вскоре победят, и я верю ей, ведь оружия действительно много...

5 июля 1941 года

Сегодня я продолжаю писать не в вагоне поезда и даже не на новом месте, куда мы должны были заселиться уже много дней назад. Я пишу эти строки грязными от земли руками под кустом в каком-то лесу. Фашисты разбомбили наш поезд – многие не успели спастись, но мы с Ленкой каким-то чудом остались живы. Разбомбленный поезд оказался один посреди чистого поля, и мы сразу же побежали прочь от обгоревших вагонов. Там, в поезде, погибли наша любимая воспитательница и несколько товарищей, и мы шли, молча размазывая слезы. Через какое-то время мы вновь услышали гул моторов фашистских самолетов, оглянулись и помчались что было сил... Над нами летали немецкие самолеты! Те самые, которые обстреляли наш поезд! Мы бежали, а на нас сыпались осколки снарядов. Один из них попал Ленке в спину. Она с громким криком упала... Я бросилась к ней, обняла, но она умерла на моих руках. Они убили мою лучшую подругу! Слезы душили меня, но проклятые фашисты не дали мне даже минутки, чтобы проститься с Ленкой, их самолеты развернулись и вновь устремились на незащищенных людей. Я побежала дальше к лесу, уже не надеясь выжить, но успела добежать и сейчас могу описать тот кошмар, который с нами случился. Эти нелюди расстреляли всех... Весь поезд. Всех

ребят и взрослых, несколько сотен человек. Как, почему? Разве можно стрелять в живых людей? Кто они, эти захватчики, бездушные звери?

Я не знаю, как я смогла выжить, но теперь точно знаю зачем! Прощай, Ленка, ребята и все остальные, надеюсь, вам хорошо на небесах. Я остаюсь здесь, чтобы мстить. Моя главная цель теперь – уничтожить врага!

Но пока я очень голодна: уже пробовала есть листья и траву – очень горько, поэтому в ближайшее время буду искать другую пищу. Надеюсь, я смогу продолжать вести свой дневник...

6 июля 1941 года

Сегодня я нашла нового друга Костю. Я раньше встречалась с ним в нашем детском доме, но близко мы не дружили... Оказалось, из горящего поезда спаслась не я одна! Мы встретились с ним у деревни, куда я вышла после долгих скитаний. Но туда уже добрались враги, и я побоялась заходить в дома. Когда я, голодная, собиралась уходить оттуда, то встретила Костю. У него была заветная горбушка черного хлеба, которую мы разделили. Оказывается, он успел унести немного еды из горевшего поезда, но эта горбушка была у него последней... Мы с Костей быстро подружились и даже поклялись постоянно помогать друг другу! Кстати, именно он научил меня находить в лесу съедобные коренья, так что теперь я не пропаду! Буду надеяться, что фашисты не заглянут в наш лес и все будет хорошо. Конечно же, мы найдем себе новый теплый дом. Но это завтра, а сейчас мы ложимся спать.

21 июля 1941 года

Дневник, прости меня за то, что я долго не писала. Просто все это время мы с Костей были заняты поисками еды. Недавно жители деревни, опасаясь фашистов и полицаев, прогнали нас и велели больше не побираться здесь. Везде расклеены объявления о поимке партизан. Вот куда мне нужно попасть! У партизан я смогу отомстить проклятым врагам за мою подругу и всех остальных ребят.

Мы с Костей ушли далеко в лес, и есть нам было практически нечего. У Кости даже случился голодный обморок, я так испугалась, хорошо, что все обошлось! Проплутав несколько дней по лесу, мы вышли к другой деревне, там нас приютила и накормила бабушка Маша. Ее сыновья ушли на фронт, и теперь она живет одна. Она предложила нам жить у нее и стать ее внуками. А еще к ней часто заглядывают партизаны, однажды ночью я проснулась и увидела их. Мне так хотелось к ним уйти! Я даже подходила к командиру партизан и просила его взять меня с собой, но он лишь посмеялся... Я ему еще докажу! Странно, что Костя совершенно не хочет перейти жить к партизанам в лес,

он говорит, что останется здесь и будет помогать бабушке Маше... Но я уверена, что он все равно пойдет со мной! Только сначала нужно уговорить командира партизан...

15 августа 1941 года

Ура, наконец-то через две недели я оказалась в лесу, в партизанском лагере! Я очень долго упрашивала командира, чтобы он взял меня в свой отряд, и он все-таки сдался! Командир сказал, что я маленькая и смогу стать хорошим разведчиком. Увы, Костя со мной не пошел, остался в деревне... А ведь скоро мы распрощаемся с ним! Здесь становится опасно, немцы уже практически на пороге. Партизаны хотят сделать переход в какой-то другой дальний затон, и я иду вместе с ними! Пока я еще хожу в деревню, вижу Костю и бабу Машу, но скоро мы расстанемся, возможно, навсегда. Теперь меня учат собирать лекарственные травы, упаковывать вещи и даже стрелять – я чувствую себя настоящей партизанкой! Интересно, когда же меня отправят на первое задание? Некоторые бойцы постоянно куда-то уходят, а меня с собой не берут... Наш командир дядя Ферафонт говорит, что скоро должен вернуться со своего задания Ваня. Он мой ровесник. Эх, вот бы поскорее с ним познакомиться! Ой, извини, дневник, меня уже зовут... Встретимся!

28 августа 1941 года

Здравствуй, дневник! Я понимаю, что долго не писала, но у меня было столько дел... Каждый день мне дают очень много заданий – я просто с ног валюсь от усталости! А самое главное, меня все учат, учат, учат... И не посылают ни на одно задание! Моего лучшего друга Ваню посылали уже несколько раз, я думаю, это несправедливо. Вот совсем недавно я помогала нашей поварихе тете Тане чистить морковь, но разве это задание для партизанки?! Я хочу участвовать в настоящем деле, бить фашистов, гнать их с нашей земли! Но я еще стану настоящим помощником! И партизаны это увидят!

4 ноября 1941 года

Опять я только недавно вспомнила про тебя, дневничок! Ты просто не представляешь, как это сложно – быть партизаном! Ведь мне приходится выполнять не только гору бытовых поручений – я теперь хожу в разведку! Да-да, дневник, мне доверяют это дело, и я очень рада, что могу помогать своим товарищам! За это время мы уже совершили несколько долгих переходов и теперь находимся около Витебска. Скоро будет великий праздник – День Октябрьской революции! Меня и Ваню хотят послать на сверхсекретное задание – нам предстоит развесить несколько флагов на улицах города и тихо уйти оттуда. Мы с Ваней

очень волнуемся – такого сложного задания мы еще не получали, но, надеюсь, что справимся! Ну а сейчас, дорогой дневник, я пойду обе-
дать – напишу попозже!

8 ноября 1941 года

Дорогой дневник, я очень сильно плачу... Нет, не потому, что мы с Ваней провалили задание, его-то мы как раз выполнили, но какой ценой... Седьмого ноября мы отправились в Витебск, чтобы развесить флаги на самых важных пунктах города. Нас с Ваней нарядили, как обычных детей, дали метлы, которые мы якобы должны были прода-
вать. Среди этих метел как раз и было спрятано три флага. Эти фла-
ги должны поднять дух жителям города и показать, что мы еще не
проиграли войну! Рано утром мы пошли выполнять задание. Сначала
все было хорошо, мы подходили к немцам, пытаюсь продать метлы.
Но они лишь громко и неприятно смеялись над нами, тыча автома-
тами в грудь. Так мы и ходили до ночи. Но с наступлением темноты
развесили все флаги и стали уходить из города. Мы так радовались,
что выполнили задание, но вдруг из- за угла вышли патрульные, они
нас остановили. Кто-то в городе видел, как мы с Ваней развешиваем
флаги, и рассказал им об этом. Я очень испугалась, когда солдаты нас
куда-то повезли. Вскоре нас с другом повели на допрос, и хоть нам
было очень страшно, мы ничего не отвечали. Фашисту надоело с нами
возиться, и он велел расстрелять нас вместе с другими военноплен-
ными. Всю ночь я плакала, так как понимала, что скоро умру. Ранним
холодным утром нас отвезли на окраину города и, выстроив в ряд, на-
чали стрелять. Но мне повезло! За пару секунд до того, как полетели
пули, я потеряла сознание от страха и волнения... Немцы подумали,
что я тоже мертва, и ушли. Очнулась лишь через несколько часов сре-
ди мертвых тел, я увидела Ваню. Он как будто спал и улыбался во сне.
Плохо понимая, что происходит, я отправилась обратно в партизан-
ский отряд с тяжелым камнем на сердце. Мне так жаль... Эти нелюди
не щадят ни старых, ни малых! Но теперь я буду мстить им еще страш-
нее – держитесь, фашисты!

15 февраля 1943 года

Привет, дневник! Ты уже такой грязный и потрепанный, а записей
в тебе совсем немного... Дело в том, что у меня совершенно нет сво-
бодного времени, я практически не сплю! За это время со мной слу-
чилось много разных событий, но обо всем по порядку. Я выполняю
разные поручения, помогая своему отряду узнавать информацию
о немцах. А вот совсем скоро мне предстоит идти в разведку в дерев-
ню Балбеки – ее немцы превратили в самую настоящую фашистскую
крепость, и наш отряд получил приказ уничтожить ее. Там так много

скрытых огневых точек и других ловушек, что без тщательной разведки не обойтись! Я обещаю тебе, дневник, что буду внимательна как никогда – наш отряд должен выполнить задание, и успех во многом зависит и от меня. Ой, мне уже пора... Пока, дневник, до встречи!

20 февраля 1943 года

Здравствуй, дневник, я так много хочу тебе рассказать! Я писала, что пойду на разведку? Так вот, я уже вернулась и даже побывала в атаке! Правда, меня туда не пускали – я сама увязалась за партизанами – и не зря! Ведь я спасла нашему Ферафонту жизнь! Надо сказать, что свое задание мы выполнили на все сто – немцы не смогли отбиться и были уничтожены. Надеюсь, так будет продолжаться и дальше... А впрочем, я хотела рассказать о командире. Когда бойцы нашего отряда пошли в атаку, я заметила, что вскоре кто-то из них упал. Я осторожно, под градом пуль и гранат, подползла к раненому и узнала нашего командира! Он был ранен в голову, но еще дышал! Я прямо на поле боя перевязала его и принялась оттаскивать в безопасное место. Дядя Ферафонт был очень тяжелым, но я, стиснув зубы, все-таки вытащила его! Бой продолжался, и потому я решила оттащить командира еще дальше в лес, ведь там, за густыми деревьями, было безопасней. Охраняя командира, я заснула и не услышала, когда закончился бой. Меня разбудил дядя Ферафонт. Он сказал мне, чтобы я уходила и позвала на помощь. Я послушалась и, укрыв его еловыми ветвями, побежала к партизанскому лагерю. Бежать надо было десять километров! Но мне повезло: пробежав лишь треть пути, я увидела около деревеньки повозку фашистов и угнала ее на свой страх и риск. Благо у меня все получилось. Приехав на лошади, я забрала дядю Ферафонта и отвезла его к нашим партизанам. Это настоящая удача! Меня весь отряд потом хвалил, все говорили, что я настоящий герой! Но я думаю, что так на моем месте поступил бы любой человек.

Совсем скоро мне предстоит пойти на новое задание – нужно будет взорвать мост недалеко от деревни Карасево. Там столько полицейских, что взрослые просто не смогут подобраться к нему. Но мы, дети, сможем! Моим напарником станет Юра. Он очень хороший и добрый парень. Я думаю, что у нас получится выполнить задание! Нам с Юрой дадут взрывчатку, а дальше по плану: я буду отвлекать полицейских, а Юра быстро заминировать мост. Дорогой дневник, я обязательно напишу тебе, как все пройдет.

24 февраля 1943 года (написано чужим почерком)

Дневник, это не Надя. Меня зовут Таня, и я живу в селе Заналючки. Недавно мы с подружкой ходили на речку за водой и нашли девочку, всю израненную. Она казалась мертвой. Гестаповцы часто пытаются,

убивают здесь людей и оставляют их нам в назидание. Но оказалось, что девочка еще дышит! Мы быстро перенесли ее ко мне домой и стали лечить. Сначала мы решили называть ее Машей, потому что не знали, как ее зовут... Только потом, через несколько дней, я нашла у нее в грязной сумке этот дневник и узнала, что ее имя Надя Богданова. Столько испытаний выпало на долю этой малышки. Скорее всего, девочка отправилась на последнее задание и была схвачена гитлеровцами... Мы с подругами перечитывали этот дневник несколько раз и каждый раз рыдали так, как будто видели эти строки впервые. Нет слов, чтобы описать все ужасы оккупации, и ничем фашисты не смогут искупить своей вины! Наша Красная армия обязательно скоро вернется сюда, и тогда эта девочка выступит свидетелем их зверств. Мы сделаем все, чтобы она выжила! Сейчас, кстати, Надя спит, она практически не просыпается, но я думаю, что это к лучшему – сон поможет ей выздороветь. Я напишу еще попозже, как продвигается лечение, или же Надя напишет сама.

20 марта 1943 года (написано чужим почерком)

Дорогой дневник, хочу сообщить тебе, что Наде стало намного лучше! Она уже разговаривает со мной, пытается встать, но почти ничего не видит... Как жаль девчонку! Надя рассказала про последнюю операцию, на которую ходила со своим другом Юрой. Мост им взорвать удалось, но не удалось убежать. На память ей приходят страшные сцены пыток: ее бросали на раскаленную печь, били палками, обливали водой на морозе. А потом расстреляли Юру на ее глазах... Но она не сдалась. Что за сила в этом маленьком человеке?! Как она смогла выдержать?! Надя плачет, когда вспоминает о пытках... Я больше не расспрашиваю ее об этом. Но она все еще рвется в бой, хочет поскорее выздороветь и вернуться к своим товарищам. Боюсь, что это вряд ли ей удастся, ведь она совсем ничего не видит.

1958 год

Здравствуй, дорогой дневник! Долгое время я хранила тебя как память, изредка перечитывая старые записи. Но сегодня случилось событие, которое заставило меня закончить рассказ о своей партизанской жизни. Конечно, я уже не та маленькая девочка Надя, я выросла, но все еще помню те ужасные события так хорошо, как будто это было вчера. Последние записи в дневнике были сделаны другой рукой. Я вообще долгое время не могла ничего писать, ведь я видела лишь очертания больших предметов, а строчки, состоящие из букв, сливались в длинную черную полосу... Я так хотела продолжить воевать с фашистами, но понимала, что в таком состоянии я стану обузой для отряда. Поэтому я и решила не подавать весточки о себе, дальше

жить в тылу у тети Тани, она очень добрая и много сделала для меня. Когда война закончилась победой наших войск, я была так счастлива! До сих пор помню, как из моих невидящих глаз лились слезы радости. Через некоторое время меня отправили на лечение в Москву. Там мне вернули зрение! Врачи совершили настоящее чудо, как я им благодарна! После выздоровления я стала работать на заводе. Живу я в Витебске – том самом городе, где когда-то убили моего друга... У меня есть дети и хороший, любящий муж. Кто-то ходит в школу, кто-то – на работу, кто-то – в детский сад, но самое главное, что все это происходит под мирным небом! Жизнь без войны – это то, о чем я мечтала! Мы боролись и победили, теперь всегда над нашими головами будет мирное небо.

Все это время я никому не рассказывала свою историю о фронтовых событиях. Но вот недавно, собирая своего сына в школу, я услышала по радио знакомый голос... Это был дядя Ферафонт. Он вел неторопливый рассказ о своих боевых товарищах, в числе которых была и я! Он считал меня погибшей и сказал, что мне даже поставили памятник! Было слышно, что его голос дрожит. Мой командир поведал о том, как я спасла ему жизнь. Какая радость, что он жив и до сих пор не забыл об этом... Я нашла дядю Ферафонта, и мы встретились с ним и с остальными нашими товарищами-партизанами, прошли по местам боев, помянули погибших бойцов. Теперь мы часто встречаемся и ходим в школы, чтобы рассказать детям о том, что мы пережили, чтобы больше никогда не было войны, чтобы больше никто не погиб, чтобы над нашими головами всегда было мирное небо!

На этом я прощаюсь с тобой, мой дорогой дневник, свидетель моего горя и радости, свидетель наших боев и нашей Великой Победы!

**Елихавкина Софья
Владимировна
7 класс**

Наставник – Масленникова Яна Андреевна, учитель русского языка и литературы

Государственное автономное общеобразовательное учреждение «Лицей Иннополис»

Республика Татарстан

Жизнь ребенка в концентрационном лагере. Сила надежды

Сорок четвертый год. Хмуро и душно. Слышатся лай собак и легкий скрежет колючей проволоки на ветру.

На улице под морозящим дождем выстроилась толпа людей в уродливых полосатых робах. Кто-то нашел в себе силы стоять, кто-то обмяк. Важные эсэсовцы в черных мундирах, с яркой повязкой на руке отбирают «бракованных» людей «для утилизации». Столбы едкого черного дыма поднимаются над крематорием. Ежедневно в Аушвиц прибывает несколько сотен людей разных возрастов и национальностей, включая детей. Всего за годы войны здесь погибло около полупултора миллионов человек, из них только 15 тысяч военных, остальные – мирное население.

Саша – маленькая девочка лет девяти с голубыми глазами и фарфоровыми – исхудавшими до костей – ручками. Она здесь давно. Несмотря на все, она пытается подружиться с ребятами – соседями по бараку. Правда, дружба эта редко длится и пару недель: детей забирают. А Саша? А она научилась прятаться, когда слышен шорох военных сапог. Папа учил: «Не можешь бежать – прячься!»

Для детей жизнь в «расширенной полицейской тюрьме и воспитательно-трудовом лагере» полна испытаний. Дети в этом «чистилище» не знают, где их близкие люди, за что они несут наказание, что будет дальше. Они корчатся от голода, едят глину, чешутся от терзающих их паразитов. А еще есть надзиратели...

Бывшая узница лагеря Мария Семеновна Шинкаренко вспоминает такой случай. Одна безжалостная надзирательница жестоко обманывала детишек, дразня их хлебом, а когда они доверчиво подходили ближе, била в раздутый от голода живот и наслаждалась зрелищем. Дети терпели удары и подходили снова. Так сильно им хотелось верить, что не все в мире злые.

Действительно, у узников не было ничего: ни дома, ни семьи, ни личных вещей – только гадкий номер, будто на домашнем скоте. Но кое с чем узники не спешили расставаться – с надеждой на то, что все будет как раньше. Именно надежда поддерживала людей в том страшном месте.

Вскакивая от укусов клещей и криков надзирателя, Саша цепляется за сладостные воспоминания о доме: о маме, зовущей к себе, чтобы угостить булочкой с молоком; о папе, катающем на плечах; о суетных братьях-близнецах... «Если бы только рядом был папа, он бы нас вызволил».

Но это только грезы, а потому быстро сменяются опасением: «Хоть бы не нашли». Недаром людей в лагере остается все меньше: детей без разбору отправляют в газовые камеры, взрослых куда-то уводят целыми бараками.

Мысли смешиваются. Январь. Каждое утро Саша сворачивается в лубочек, чтобы было теплее. В бараке холодно, но болеть нельзя – попадешь в газовую камеру.

Обычно Саша осторожно сползает с нар и прячется в темном углублении под бараком, но сегодня она просыпается от непривычного шума: что-то грохочет, слышатся бодрые крики. Сквозь общий гвалт доносятся слова знакомого языка...

Не веря происходящему, узники укрываются под нарами, будто измученные зверьки в норах, а когда грохот стихает и веселые люди вваливаются в барак с криками: «Выходи! Товарищи! Свои пришли!» – с опаской выбирают из укрытия.

Шумные красноармейцы развязывают вещмешки, делятся припасами. Кричат на них красивые медсестры в мужской форме. Ужасаясь, бойцы берут детей на руки и несут в машины.

Рассматривая мужчин, Саша останавливается на лице одного из них. Знакомый?

В следующую секунду она кричит так громко, как не кричала даже при рождении:

– Папа! Папочка!

Она бежит, задыхается. Немолодой солдат с отметками стрелковой дивизии на форме хватает девочку в охапку и ревет диким медведем:

– Нашел! Нашел, братцы! А я знал! Верил!

– И я верила, – шепчет Саша, прижимаясь к мокрой и колючей щеке отца.

Горький опыт узников концлагерей показывает нам, что у человека многое можно забрать силой: дом, родину, детство. Но надежда покидает нас только по нашей воле, а потому она – самое верное средство в противостоянии злу!

Суслаева Анна Михайловна 7 класс

Наставник – Захарчук Алла Ивановна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное
учреждение – Средняя
общеобразовательная школа
села Высокое Унечского района
Брянской области

Беги, сынок!

Они шли по разбитой дороге, поддерживая друг друга. Женщины, старики, дети – евреи, согнанные со всего района в гетто. Останавливаться было нельзя – сразу удар прикладом или выстрел в спину. Мартовский холодный ветер обжигал лица, мерзли руки и ноги, страшно хотелось есть.

Соломон шел рядом с мамой и сестренками. Девочки украдкой вытирали слезы, а он понимал, что ждет их впереди: видел, как расстреливали невинных людей во дворе гетто. И вдруг услышал шепот матери: «Беги, сынок...»

И Соломон побежал. Сначала юркнул в куриный лаз, а оттуда – в сарай. Сидел там до темноты, боялся, что найдут полицаи. Ночью подросток уже брел по проселочной дороге, старался не плакать и надеялся на чудо – а вдруг кому-то еще удалось бежать! Надежда согревала, а память возвращала в родной дом, наполненный смехом сестер и запахом свежего хлеба. Мама пекла халы, а отец шил сапоги (Бениамин Бажалкин был известным в Унече сапожником). Соломон делал уроки – он занимался в хедере, любил идиш и математику. Воспоминания нарушил тихий голос: «Ты откуда, сынок?»

В темноте Соломон увидел женщину. Она взяла его за руку: «Пойдем, малый, в хату, а то замерзнешь».

В доме было тепло. Соломон не заметил, как уснул. А утром рассказал приютившей его бабушке Дуне о том, как евреев и цыган вели на расстрел. Среди них были его мама Люба и сестренки. Что с ними, он не знает. Женщина посмотрела на мальчика и решила ничего ему не говорить. Она слышала от соседей, что все пленники гетто были расстреляны. Значит, Соломон теперь сирота.

Мальчик, улыбаясь, рассказывал о маме, активной и решительной, до войны возглавлявшей общественный уличный комитет, о восьмилетней двоюродной сестре Милочке, приехавшей из Ленинграда на каникулы летом 1941 года. Когда баба Дуня спросила про отца, заплакал: «Полицай убил в соседнем дворе».

Соломон вспомнил, как провожали двоюродных братьев на войну, как бегали с мальчишками смотреть на эшелоны с солдатами. Он закрыл глаза и как будто снова услышал разрывы снарядов и увидел страшную картину: весь город затянуло черным дымом. Это бомба попала в цистерну на нефтебазе. Соломон был там и помогал откатывать вторую цистерну, чтобы она не взорвалась.

Баба Дуня слушала рассказ мальчика и тихо молилась: «Господи, береги сиротских детей, спаси их от бед, от всех врагов, видимых и невидимых, покровом твоим защити». Она плакала, слушая, что говорит Соломон о жизни в гетто: «Нас били, выгоняли рыть траншеи, разгружать вагоны. Тех, кто не мог работать, расстреливали на месте. Однажды я увидел, как застрелили старика и написали: "Этот жид убит потому, что он не работал"». Соломон замолчал, вспомнив, как фашисты избивали его двоюродного брата, а потом мертвого волокли по улице. Мальчику стало страшно, как было тогда в гетто, когда он брал Милочку на руки, прижимал к груди, чтобы унять дрожь сестрички, пугавшейся от каждого крика и выстрела. Он стиснул зубы и застонал.

Ранним утром баба Дуня вывела Соломона к опушке леса и сказала: «Иди, сынок, в лес, там твое спасение».

По лесной дороге брел худенький, изможденный мальчик, у которого фашисты отняли детство, дом, семью. Тогда он еще не знал, что в Унече 15 марта 1942 года 342 человека были расстреляны на территории бывшей сенобазы, среди них – его мама и сестрички.

Соломон еле передвигал ноги. Он устал, хотелось спать – и вдруг увидел людей. Понял – партизаны. Спасен! И тут снова вспомнил слова мамы: «Беги, сынок...»

Слезы текли по грязным щекам Соломона: «Мамочка, ты спасла меня...»

В марте 1990 года на железнодорожном вокзале станции Унеча стоял пожилой мужчина. Это был Соломон Бениаминович Бажалкин, бывший узник еврейского гетто. После войны он окончил военное артиллерийское училище в Ленинграде, потом служил в Луге, заочно учился в академии, стал преподавателем кафедры ракетных установок. Ушел в отставку в звании полковника.

Мартовским утром Соломон Бениаминович прощался с родным городом: уезжал в Израиль. Рядом с ним стояла взрослая дочь Люба. Она никогда не видела свою бабушку, но была благодарна ей за спасение отца.

**Мулкахайнен Екатерина
Александровна
7 класс**

Наставник – Кароян Лариса
Нерсесовна, учитель русского языка
и литературы

Государственное бюджетное
общеобразовательное учреждение
гимназия № 397 Кировского района
Санкт-Петербурга
имени Г.В. Старовойтовой

г. Санкт-Петербург

Боевая подруга

*Наша память идет по лесной партизанской тропе,
Не смогли зарости эти тропы в народной судьбе.
Боль тех давних годин в каждом сердце живет и поныне,
В каждой нашей семье плачут малые дети Хатыни.
Н. Добронравов*

Ранним июньским утром, когда только-только из-за кромки леса над озером поднялось солнце и заискрилось в миллиардах капелек росы, загорелая девчушка лет семи, одетая в яркое платье и по-деревенски в резиновые сапоги, выскочила во двор и побежала открывать хлев. Пора гнать коров в поле. Вот уже стадо идет по деревне. Черная корова с широкой белой полосой на лбу повернула голову и посмотрела на девочку понимающим взглядом. Потом медленно, словно нехотя, приподнялась на задние ноги, закричала, покачалась на согнутых передних ногах и, пошатываясь, наконец встала.

– Лысоня! А ну, шевелись! – покрикивала девочка, по-деловому подбадривая корову прутиком. – Ну, давай, Лысоня, пошла!

– Тише, тише, внученька! Тяжело ей! Совсем Лысоня плоха стала! – это спускалась с крыльца хаты любимая бабушка Юля – шустрая невысокая женщина лет шестидесяти. – Зиночка, не гони ты ее! Ну и пусть стадо уйдет, сами доведем до луга.

И вот вскоре, выйдя через покосившуюся калитку, по дороге уже шли трое: пожилая женщина, девочка и обычная сельская буренка. Девочка перебежала с одной стороны дороги на другую, высматривая то полевые цветы, то первую проснувшуюся бабочку, полная счастливой беззаботной энергии детства. Баба Юля тоже, видимо, могла бы идти гораздо быстрее, но она почти на каждом шагу оборачивалась и смотрела, не отстала ли корова. А та шла, медленно переставляя узловатые, видно, уже совсем больные ноги, низко опустив черную голову. Бабушка иногда ласково гладила ее между рогами по широкой белой полосе на морде, которая захватывала лоб, огибала глаза и спускалась к самому носу животного. Именно из-за этой белой отметины на иссиня-черном теле коровы ее и называли Лысоня. Назвали давно, почти четверть века назад, когда молодую нетель (корова, которая еще не рожала) увидела молодая вдова на колхозном рынке весной сорокового года...

Из соседнего двора выскочила молодая рыжая корова с маленькими рожками и весело побежала догонять стадо.

– Бабуля, а у соседней теперь новая корова, что ли? – Зина недавно приехала на каникулы из Ленинграда в свою любимую белорусскую деревню и еще не все новости узнала. – А куда Зорьку дели?

– Сдали, – коротко ответила бабушка и отвернулась.

– И ты Лысоню сдашь? Она вон уже молока мало дает! – спросила девочка с тревогой. Сколько себя помнила, она каждое лето видела эту корову, уже даже доить научилась. И, конечно, она любила ее, но любила, как всех животных, как природу вообще.

– Нет, – опять как отрезала баба Юля.

Они молча прошли всю деревню и за последним домом свернули к озеру. Зина даже ахнула от открывшейся взору картины: поверхность озера с возвышенности, на которой стояла деревня, была видна как на ладони. Ни малейшего дуновения ветерка не было в это солнечное утро. В зеркальной глади отражалось небо, а вдоль берегов неширокая полоска деревьев превращалась в пушистые ресницы огромного голубого глаза. Между озером и деревней тянулась широкая нива, на которой и паслось деревенское стадо.

Лысоня медленно побрела к рогатым подругам, а бабушка с внучкой присели на поваленное дерево.

– Внученька, ты знаешь, когда немцы напали на нашу страну, они не щадили никого, даже стариков и детей... Из восьми деревень вокруг нашего озера семь сожгли. Сожгли вместе с жителями...

– А как же ты спаслась?

– А вон моя спасительница ходит, – махнула баба Юля рукой в сторону Лысоня.

– Бабушка, ты же у партизан была! Мне мама рассказывала недавно. С коровой, что ли?

– Ага, с ней, с родимой. Только с ней на болота и ушла. У меня тот день всегда перед глазами... Второго августа сорок второго убегла Лысоня с поля от оводов да слепней, по кустам ушла, к лесу. Я доить в обед, а ее нет нигде. Пошла искать. Почти до Харитоновой дошла. Это деревня на том берегу была, – показала баба Юля за озеро. – А мы в соседней жили, не здесь, не в Рылях, – женщина помолчала немного, словно вернулась в прошлое, в те страшные дни. – Вижу сквозь кусты: по большаку немцы на мотоциклах едут, а на касках черепа нарисованы. Люди рассказывали, те немногие, что выжили, что это самые лютые убийцы были – каратели. Они выжигали села и деревни, чтобы вынудить партизан сдаться. Те, конечно, пытались спасти людей, уводили целые деревни в леса да болота, а тогда – не успели...

Девочка сидела не шелохнувшись, она словно сама была за теми деревьями, словно видела весь ужас того страшного дня, видела глазами своей любимой бабули.

– Я так с опушки леса и видела, как народ сгоняли в колхозный сарай, как поджигали, как людей расстреливали в упор, которые из окон лезли. А крик! Господи, как закрою глаза, так слышу, как кричали, нет, выли люди... Думала, сердце разорвется: и помочь не могу, и уйти не могу... Стою, рыдаю и даже не боюсь, что меня услышит кто. Лысоня услышала да разведка партизанская. Их пять хлопцев было, не спасли б никого, а сами сгнули б. Вот и оказались мы с коровой на болотных пирогах – это такие пригорки большие на болотах.

– Да, мы еще с тобой на таких пирогах землянику и чернику собираем. Бабуля, а как вы жили-то там? Хлеб откуда брали?

– Ну, летом-то да осенью хорошо было: с полей брали, да люди помогали кто чем. Было у партизан три коровы, Лысоня четвертой стала. Молоко раненым давали да детям.

– Баб Юль, но потом же зима! Чем коров-то кормили?

– А не кормили их, внучка, резали на мясо, – грустно ответила баба Юля.

– Как? Жива же наша-то!

– Жива... Лысоня удойной была – страсть! Да еще после того побега она не отходила от меня почти: пойдет, походит, попасется да придет к нашей землянке, меня проверит. А я каждый пучок травы, что видела, рвала, да на крыше, на еловом лапнике сушила. Думала, ну вот еще денек кормилица моя проживет... Мухи белые полетели уже, да и отряд наш давно на вылазки не ходил – еды совсем оставалось мало... Сколько молила, сколько слез пролила. Все впустую...

– Бабушка, так кто помог-то? – с дрожью в голосе спросила внучка.

– Да боженька, кто ж еще-то? Попал к нам командир раненый, из окружения прорывался с товарищем. Еле выжил. Молоко ему надо было. Выходили мы его с Лысоней.

– Так это ж дедушка Стефан!

– Точно! Он и есть. Так мы с тех болот с ним вместе. Твоего-то родного деда, ты знаешь, в гражданскую убили...

– Так что же ела Лысоня? – допытывалась Зиночка.

– Да раза два за зиму удалось отряду обозы продовольственные у фрицев отбить. А еще осоку болотную я из-под снега откапывала. Натерпелись мы в ту зиму. Немец больно лютовал. Самолеты почти каждый день летали. Буржуйки топить днем нельзя было: дым далеко виден. Вот затемно наготовишь, бывало, на свой отряд бульбы вареной с мясом, если охота удачной была, али с тушенкой, укутаешь в тряпье, чтоб не стыло, так днем и ели. К вечеру уж можно было и землянку натопить.

– А Лысоня где жила?

– Хлев земляной был у нее, там еще несколько курей жило, да держали до убоя скот, что удавалось увести у немцев. Лысоня-то шибко умная у меня была. Первый раз, знаешь, как за мной из хлева сбежала? Летом дело было. Дверь дощатая, со щелями, чтоб свет проникал. Так она рогом щеколду откинула и меня нашла! По следам выходит, как собака. С тех пор мы с ней по грибы, по ягоды, мох болотный таскать – так вместе и ходили. Если топко где, никогда не пойдет – стоит, ждет, как я выйду с болота со мхом, али с клюквой. Я ей на спину мешки грузила, как лошади вьючной. А вот ты, внучка, знаешь, для чего мох нужен? Это ж наш первый помощник был.

– Ну, когда хаты строят, мох между бревен кладут.

– Это да. Но еще пол в землянках мы им выстилали. Он и тепло сохранял и влагу забирал. А еще мох наш главный лекарь был! Стефану я повязки из мха делала. Знатно он раны чистит!

– Бабушка, как страшно и как интересно ты рассказываешь! – воскликнула Зиночка и засмушалась своих слов. Ведь ей это – история, а бабушке – горькая страница жизни.

– Хорошо, девонька, что тебе интересно... Ты помни про это и когда на Лысоню смотришь, и когда деда с бабкой обнимаешь, и когда любишься красотой вокруг. Ведь если бы тогда мы не выстояли, не сломали бы хребет фашистской гадине, неизвестно, что бы с нашим миром случилось...

И девочка Зина помнила. И рассказала своей дочери, моей маме, и мне, когда я уже немного подросла и первый раз оказалась в той живописной белорусской деревне. Помню, как стояла у братской могилы и читала по слогам бесконечные фамилии и имена мирных жителей, уничтоженных фашистскими карателями. И помню ту старую огромную березу, что стоит за картофельным полем, на месте, где моя прапрабабушка схоронила свою верную боевую подругу Лысоню...

Шишелова Полина Павловна 7 класс

Наставник – Езофатова Елена Викторовна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Уемская средняя школа»

Архангельская область

Один день войны и 149 человек

Люди добрые, помните: любили мы жизнь и Родину нашу, и вас, дорогие. Мы сгорели живыми в огне. Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обратятся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на Земле. Чтобы отныне нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала!

*Обращение мертвых к живым
(высечено на «Венце памяти» в мемориальном комплексе «Хатынь»)*

Меня зовут Василина, мне 14 лет.

Живем мы в Хатыни, что под Минском. Отец рассказывал, что давно наша деревня стоит, его прапрадед еще здесь жил. Красота у нас! Лес кругом! Да и люди живут в Хатыни хорошие, добрые! Правда, нелегко сейчас! Война! Фашисты проклятые ходят по нашей земле!

Сегодня 22 марта 1943 года. Мама кормит свиней, я на стол накрываю. В деревню вчера пришли партизаны, несколько человек ночевали у нас. Сели обедать, а какие присмаки¹ в войну? Паронки² да хлеба немного. Всем поровну. Ничего... Главное, живы.

¹ Присмаки – пареный картофель.

² Паронки – праздничные, вкусные блюда.

Партизаны ушли, а вскоре, где-то около двух часов дня, на улице начали стрелять. Родители сказали мне с младшими сестрами спрятаться в дальней комнатке. Мы не успели скрыться, как в хату вошли люди с автоматами. Сразу подошли к отцу и закричали: «Сколько партизан было в деревне? Говори!» Знаете, что меня поразило? Они говорили по-русски! Значит, полицаи. Были такие нелюди у нас, перешли на сторону фашистов. Среди них Михайло, которого у нас в деревне еще до войны бабы ругали за лень, за жестокость: то птицу поймает – мучает, то котенка. Полицаи еще раз крикнули, так как отец молчал. «Не знаю я», – слышались тихие слова отца. Тогда его стали бить прикладами, а когда папа упал, начали пинать. Как же мне хотелось броситься к отцу! Поднять его, защитить.

В это время мать шепнула старшему брату Славе, чтобы он бежал в лес. Славка открыл дверь и побежал. Я в окно видела бегущего брата. «Успей, миленький, только успей!» – молила я. Но не успел... Он только перемахнул через забор – и вдруг... пулеметная очередь... брат упал. От ужаса я закричала, но сама звука своего голоса не слышала, как будто вдруг оглохла! Повернулась к сестрам, вижу, что они плачут, но тоже не слышу... Прижала их к себе, совсем маленькую Аню и четырехлетнюю Юзку. А полицаи подбежали к нам, толкают к дверям. Маму ударили кулаком, что-то кричат... Не слышу я, не различаю слов, но очень... очень страшно!

Нас вытолкали на улицу и погнали к центру деревни. А там уже много людей, все идут в одну сторону, повсюду полицаи и немцы с автоматами. Лица злые, глаза холодные. А один, помню, мерзко так улыбается, кусок колбасы держит в руке. И так эта колбаса странно здесь смотрится! Вдруг вижу: холод на улице, а соседский Степка бежит в одной рубашке и босиком (одеться-то никому не дали, кто в чем дома был – так и гонят всех к колхозному сараю).

Мать не видела, видимо, что Славку убили, поэтому все по сторонам смотрела, искала его взглядом, а я молчала, не говорила ей. «Бедная мама, как ты переживешь это?» – подумала я. Отец, хоть сам с трудом шел, взял на руки Аню, я за руку Юзю вела.

Всех людей загнали в большой сарай, в котором хранилась колхозная солома. Сюда даже притащили деда Мишу, у которого уже год как отказали ноги, еще тетю Веру с новорожденным Толиком, а ему 7 дней всего от роду.

Так тянется время! Зачем нас здесь закрыли? Что они от нас хотят? Дети напуганы, прижались к своим мамам! Мы с сестрой обнялись. Папу сильно избili, мама вытерла ему лицо подолом, а он Аню, любимицу свою, гладил по голове, что-то ей шептал. Потом нас к себе

прижал. Тут я слышать опять начала. Голоса, плач, крики. Рядом бабка Ганна на корточках беззвучно шепчет молитву, прижимая к себе пятилетнюю внучку, и гладит, гладит ее белесую головушку. Вдруг резкий запах керосина, и вспыхнул огонь... Господи! Да что же это?! Все, как безумные, начали метаться по сараю! Мужчины пытаются выламывать дверь, но не поддается она, снаружи закрыта. Крыша сарая «взялась» огнем очень хорошо, сверху падают горящие палки и солома, я стараюсь укрыть от них своих младших: Аню и Юзю. Чувствую, что начинают гореть волосы. Бью себя руками. Страшно! Как же страшно! Взрослые наконец выбили дверь, и все побежали из этого ада! «Спасены!» – верил каждый. Но не меньший ад ждал снаружи! Выбегающие люди попадали под пули карателей. Мы тоже побежали, было очень больно оставаться в сарае, нет мочи, как больно! Вокруг обжигающий огонь, давка. В толпе я потеряла из вида своих младших и отца с матерью. Я просто бежала со всеми в этот дверной проем...

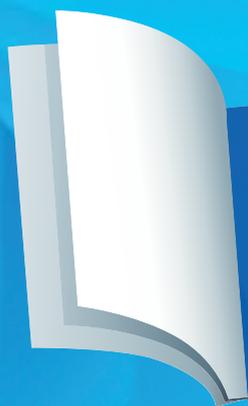
Через два года закончится эта проклятая война, а через 26 лет на месте нашей деревни откроется мемориальный комплекс «Хатынь», куда будут приезжать люди со всего мира. В центре вески³ будут расти три красивые березы, символизирующие жизнь, каждые 30 секунд здесь будут бить колокола. Но это все потом... А сейчас мою грудь что-то обожгло! Как горячо! Как больно! Я упала... Я вижу небо...

В один день 22 марта 1943 года оборвалась жизнь 149 человек, половина из которых мы – дети! Мы не успели пожить, не успели влюбиться. Нас убили.

Один день и 149 жизней!

Запомните наши слова: «Пусть будет проклята всеми война! Это говорим вам мы, сгоревшие живыми в огне, мы, попавшие под пули... Нас таких по стране были тысячи, миллионы».

³ Веска – деревня.

ПРИЗЁРЫ В 2-Й КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Жидков Глеб Игоревич 8 класс

Наставник – Белова Ольга Федоровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Лицей казачества им. А.Ф. Дьякова»
города-курорта Железноводска
Ставропольского края

Мученья маленьких калек не смогут позабыться

Мешок лежал на дне мерзлого ущелья, блестящее полотно льда будто бы насмеялось над лейтенантом, грозя навсегда забрать набитое исписанной бумагой сукно в свои зловеще-умиротворенные седые чертоги. Но стоило лишь задуматься, что стояло за жизненно необходимым содержимым этого мешка, и страх перед пропастью, смертью, да и вообще всем на свете затмило стремление вернуть его. Лейтенант начал спускаться в ущелье...

В один полумирный день войны дядя Ваня, старший медбрат санатория, занимался хозяйственными делами, когда ему встретилась шедшая кормить тяжелобольных детей санитарка Ольга, с синяками под опухшими от слез глазами, избитая накануне бандитами-националистами, поднявшими головы перед приходом немцев.

– Здравствуй, Олечка, давай я ребят покормлю, на душе у них неспокойно, расстроятся, когда ты в таком виде появишься.

Оля молча отдала Ивану тележку. Медбрат накормил детей, объяснив, что тетя Оля пошла к маленьким – им материнская ласка нужнее, да задержался ненадолго, в шутку изобразив зубра, который водился когда-то на Кавказе, и под их радостные улыбки отправился дальше по своим делам. Он чувствовал, что не может оставить детей, больных костным туберкулезом, чувствовал, что был ответственен за их жизни,

чувствовал, так надо, каждый должен выполнять свой долг, только тогда мы победим фашистов... но в душе продолжал себя упрекать в том, что не ушел воевать в горы.

Вскоре в Теберду вошла немецкая горнострелковая дивизия «Эдельвейс», многие альпинисты которой карабкались по склонам Кавказа еще до войны. Как кот на мягких лапах загоняет в угол жертву, предвкушая момент своего триумфа, так уверенно шагали фрицы с хладнокровно-веселыми рожами, глядя на которые снежная лавина не сдержалась и погребла их навечно во льдах Кавказского хребта. Прибывшие после «эдельвейсов» эсэсовцы рыскали по улице, как абреки в горах, шныряя мимо санатория. Глядя на тяжелобольных детей, они со всей силой озлобляли себя, твердя слова рейхсфюрера СС Гимmlера: «Единственное, что можно с ними сделать, – это расстреливать без всякой жалости и милосердия».

Позже обосновались немцы и в детском санатории. Приходили к мальчикам в палаты кровь брать, боязно было, но самое страшное – видеть, как фашисты уводят твоего друга. День его нет, ночь его нет, вот уж неделя прошла... пропал безвестно товарищ, а еще ужаснее, что он не пропал (так хоть надежда есть), а умерщвлен в самом начале жизни мучительной смертью.

– А что если и за мной фашисты придут? – спрашивает маленький Федя.

– Ты не волнуйся, мы тебя в обиду не дадим, и ничего они тебе не сделают, слышишь, не сделают, – успокоили его старшие.

«А как не дадим, что мы можем? Хоть ты лежачий, хоть ходячий, все равно никуда не удерешь», – подумал Петя и принялся Феде пейзаж в окошке описывать, каждый день новые подробности придумывая, чтоб товарища развлекать.

Но уже вечером Петя лежит, приподняв голову, и видит, как укатывают кроватку с малышом Федей, тот жалобно хнычет... вот он навсегда скрывается за дверью родной палаты. Петя лежит, сжимает кулаки, ничего больше не может сделать, он испытывает разрывающие сердце сострадание, жалость, жгучую злость, ненависть, желание мстить, и опять сострадание, злость, жалость...

В палате воцарилось молчание. Ребята косо поглядывали на Генриха, сжавшегося в углу и испуганно смотрящего на все происходящее. Маленький Генрих ненавидел фашистов, говорил, что его семья всегда жила в России, что он свой, только этнически немец, но на него косились. Страх и ответная злоба требовали выхода, но ничего не сказали дети Генриху, сдержались, одумались, когда сошел налет праведного гнева.

Пете вспомнилось счастливое детство: на городской площади праздник, играет музыка, папа с мамой держат его с двух сторон за руки, он еще может в любой момент пробежаться вперед, а потом вернуться к родителям. Но вот его, лежащего в кровати, увозят фашисты, закатывают в какой-то кабинет, немецкий врач оскаливает зубы, вытаращивает глаза, надевает перчатки и начинает медленно разрезать скальпелем гипс.

– Не надо! – кричит Петя. – У меня же сломанный позвоночник!

Фашист сладострастно улыбается, выплевывает не то ругательства, не то улюлюканья и после раздавшегося от боли в позвоночнике оглушительного крика мальчика начинает резать его плоть. Петя слабеет, уже почти не вырывается и понимает, что умирает... От дикого ужаса он просыпается. Глядя в потолок палаты, Петя начинает осознавать, что самое страшное – это то, что фашисты долго мучают пропавших ребят, ставя на них опыты. Угнетает мысль, что каждый день может стать началом нечеловеческих издевательств... или последним днем. Но надо гнать от себя такие мысли, надо всегда вопреки всему жить достойной и счастливой жизнью. И Петя ею жил, как и многие больные ребята в санатории. Пусть мы долго и тяжело болеем, пусть взрослые давно не заглядывают к нам, пусть мы уже поговорили с товарищами обо всем, о чем только могли. Пусть, пусть, мы не сдадимся, не сломались же, когда обрели эту страшную болезнь, выжили, шутя и подбадривая себя, помогая по возможности другим.

Но раньше они всегда знали, что помощь придет. Ребенок беспомощен и свято верит в чудо, которое совершат взрослые, это чувство присуще любому малышу, а вот степень его зависит уже от жизненной ситуации. Поэтому героизм этих детей, из-за болезни и войны привыкших рассчитывать на свой моральный настрой, в основном зависел от доброты и заботы окружавших их взрослых, которые показывали собственным примером, что все трудности преодолимы. Ведь только взрослые ответственны за то, чтобы провести детей по жизни сквозь болезнь, через войну.

Это понимала и медсестра Галка, которая не упускала ни единой возможности вечерами появляться с немцами. Гордая и независимая, бойкая и озорная Галка подбивала коллег-медсестер пойти вместе с ней, те смотрели на нее с ненавистью и разочарованием, мысленно хороня героический образ Галки, а после Победы – и саму Галку. И только потом до них стало доходить, что надо пользоваться страстью фрицев к русским красавицам, по ночам принося получаемую от фашистов еду больным детям. Так всегда бывает: кто-то первым поднимается из окопа в атаку и ведет за собой остальных. После очеред-

ной рюмки офицерам становилось все равно, куда удалялись медсестры, а те, поднявшись на второй этаж к детям, осторожно открывали двери палат, улыбались, встречаемые восторженным и благодарным шепотом, и, передвигаясь на цыпочках, подносили ребятам, лишь сдавленно пищущим от голода, еду.

– Тук-тук-тук! – Галка открыла дверь и тихонько рассмеялась, будто бы бусинки рассыпались по полу. Но, увидев плачущих детей, медсестра, похолодев, не стала спрашивать, где Федя, уже зная страшный ответ.

– Погодите, а вы чего себя по ребрам бьете? – забеспокоилась Галка.

– Паразиты под гипсом ползают, противно, по груди стучишь – они к ногам переползают, полегче становится.

Все помолчали, за время оккупации лежачих ни разу не купали.

– А еще болит в ребрах что-то. Мы ж все уже сколько без медицинских осмотров и процедур... Спасибо, еду носите... Ты же еще при-дешь? – хором прозвучало с благодарностью и надеждой.

Кивнув, Галка с усилием воли улыбнулась и, скрывшись за дверью, тяжело оперлась на нее. Она закрыла лицо руками, провела ими, будто бы смыла с него что-то неприятное, глубоко вздохнула и решительным ровным шагом направилась к лестнице. Внизу звучала оперетта: «Прочь тоску, прочь печаль. И смотри смело вдаль...»

– Ты чего не спишь? – спросил дядя Ваня санитарку Ольгу. Та сидела у окошка в коридоре и смотрела, как медленно выплывает из-за горы луна.

– Иван Степанович, главврач списки собирает, кого из ребят домой можно отправить, чтобы еды больше тяжелобольным доставалось.

– Врет.

– Почему?

– А ты на морду его посмотри, он скользкий, трусливый, немцев пуще огня боится.

– Но он же коммунист, врач, он сам этих детей лечил. Неужели...

Луна освободилась от каменного занавеса, который скрывал ее чистую красоту, и светила полным ярким диском.

– Нельзя же во всех видеть предателей, это невыносимо, это неправильно! Фрицы прут – враги, а еще и на своих озирайся, – припала к его плечу Оля. Иван обнял ее со словами:

– Предателей всегда и везде хватает, и русских, и у карачаевцев – дело не в народе, а в людях. Война, она не на полях идет и не в городах, не в горах и не на морях, война – она в каждом человеке ведется, только от его решений и поступков зависит исход всей войны.

– Пойдем-ка отдыхать, нам силы для детей нужны.

Луна посмотрела им вслед...

В кабинете главврача тихо, но напряженно разговаривали. Руководитель обратился к двум сидящим напротив ординаторам:

– Значит так, Моисеевны, начальство в третий раз требует составить списки евреев, детей коммунистов и прочих.

– Господи, да что им еще от нас надо? Вчера и так много детей коммунистов в душегубках потравили, что они, не видят, что мы все честно исполняем? – всплеснула руками Ада.

– А если нас тоже так, несмотря на то, что мы верно им служим? – визгливо пролепетала Рахиль.

Главврач на секунду задумался. Эти пособницы нужны были ему для спасения собственной шкуры, а никто на сотрудничество с немцами больше не шел. Раньше он делал ставку на врача Джанет Бекбулатовну, но пожилая карачаевка противилась помогать фашистам. Поэтому он твердо сказал:

– Мы должны сделать все возможное, чтобы спасти свои жизни.

Вскоре был сформирован «еврейский корпус», который представлял собой стылое помещение барачного типа, не приспособленное для проживания в нем людей. Пробраться туда тайком и пронести еду было невозможно. В сердцах находившихся там ребят укоренилось уже привычное чувство, которое вещало упорно и равномерно, как поминальный колокол, отягощающую детскую душу мысль: каким бы великим и крепким ни было их желание чем-нибудь помочь и что-нибудь сделать – они оставались совершенно бессильны. Они завидовали погибающим на смертельно морозных перевалах солдатам, ведь от них зависело многое – исход битвы, а соответственно, и войны. Тяжелобольные не плакали, как раньше, лишь изредка осипшим от холода голосом в бреду звали маму, ходячие уже мало походили на людей, но оставались ими, из последних сил ухаживая за лежащими. Старшие по подсказке медсестры накапливали мочу в тряпочки: а вдруг поможет спастись, если через них дышать в душегубке... Движения детей были неестественными: кто-то пытался передвигаться максимально ровно и сконцентрированно, раскачиваясь от усталости и глядя в одну точку, кто-то трясся крупной дрожью, стараясь не упасть во время ходьбы. В их глазах были четко заметны разрастающиеся с каждым днем все сильнее безнадежность и самое заветное желание как можно скорее дождаться какого-нибудь исхода, какого – все равно.

Из окна кабинета № 23 было видно, как немногих оставшихся в живых детей перенесли из других корпусов санатория в холодный сарай, из которого фашисты продолжали безвозвратно забирать ребят. В это окно каждое утро смотрела опытный врач Джанет

Бекбулатовна. Когда наступали немцы, ее единственный сын был переброшен на оборону Марухского перевала, где у него не было ни малейшего шанса выжить, и сердце пожилой горянки, наполненное материнской любовью, разрывали на части здравый смысл и священная надежда на чудо. Быть может, именно потому она еще больше переживала уход каждого ребенка в мир иной, ведь это тоже были ее дети, за их жизни и выздоровление она отвечала перед ними, их родителями и собственной совестью. Три раза, дьявольских три раза фашисты назначали «переучет», и все три раза она, рискуя жизнью, укрывала евреев и детей коммунистов, не выдавала их, записывая в группу «прочие». Не всех она могла спасти, далеко не всех, но если бы она не составляла списки сама, то пострадало бы намного больше ни в чем не повинных детей. Господи, это же дети, лишённые возможности бегать, резвиться на зеленой травке, ходить в школу, улыбаться матери всякий раз, когда возвращаются домой! Живешь – в душе не чаешь, как болезнь победить, а тут приходят и навечно забирают тебя – хоть ты борись, хоть не борись. Господи, за что им это? Судьба и так преподносит человеку столько страданий, но зачем люди преумножают их!?

Серо-зеленый грузовик со странным кузовом остановился во дворе санатория. Ребятам сообщили долгожданную новость – их везут в Черкесск!

– Ура, наши мучения кончены! Дядя Ваня плачет, что ж вы плачете?! А! Наверное, от радости! Горы, мы видим горы! Такие седые, зимние и такие родные! А вон и грузовик! Ух ты, большой, это ж сколько нас в Черкесск поедет! Спасибо, товарищ главврач, спасибо, дядя Ваня, да перестаньте вы плакать! Ты, фашист, зачем в медсестру дулом тычешь?! Ты ее что, подгоняешь? Да она и так все для нас сделает, она ж нас любит! Смешно: нас, как дрова, штабелями укладывают!

Дверь кузова захлопнулась, фашист выехал за ворота санатория... и пустил газ.

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ставропольском крае: «Установлено, что в декабре 1942 года по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулезом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда».

Их закованные в гипс, искалеченные тела были сброшены в Тебердинское ущелье.

...Лейтенант уже почти дотянулся до заветного мешка, как вдруг тот будто бы сам приподнялся и аккуратно лег в его руку. Но не гнетущие скалы и трудный путь обманули сознание лейтенанта, это законы гор, отменив силу тяжести, помогли своему усталому гостю. А почему бы и нет? Если люди могут спасти жизни, рискуя собой, то почему бы горам не изменить законы природы, чтобы побыстрее доставить адресатам письма тяжелобольных детей, написанные с помощью освободивших санатории Теберды красноармейцев и содержащие четыре заветных слова: «ЗДРАВСТВУЙ, МАМА! Я ЖИВОЙ!»

Кирова Ксения Александровна
9 класс

Наставник – Мирончева Галина Николаевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Гимназия им. А.С. Пушкина»
г. Сыктывкара

Республика Коми

Танго за колючей провоолокой

*Музыка смерти
Баракы. Плац. И музыканты.
Яновский лагерь. Смерть людей.
Под музыку велели оккупанты
Стрелять в людей. Так веселей!*

*Над серым плацем скрипки зарыдали,
В бараках люди, цепеня, ждали.
Опять расстрел! Вгрызалось в души «Танго».
О «Танго смерти», «Танго смерти»!
Пощады – нет.*

Лариса Дмитриева

Прекрасный, неповторимый Львов пах весной. Тянуло упоительной свежестью майской зелени, пестрела молоденькая листва на кленах и ясенях, цвели каштаны и сирень. Дикий виноград уже пустился обвивать дома. Повсюду играли солнечные блики. Свет струился со всех сторон. Из открытых окон пахло жареными семечками, картофельными клецками и утренней выпечкой. Праздничные песни из ре-

продукторов прерывали звонки трамваев. По длинной зеленой аллее в строгом костюме шел немолодой мужчина – профессор Львовской государственной консерватории Леон Штрикс. Вечером у него концерт. Теплое майское солнце поднимало настроение. Но все же чувствовалось что-то тревожное, и от этого щемило сердце...

Концертный зал оперного театра постепенно наполнялся звуками: в партере рассаживались зрители, шуршали платья, настраивался оркестр. Медленно погасли огни хрустальных люстр. Поднялся занавес – и грянула «Пятая симфония» Бетховена. Сильные, призывные, драматические аккорды великого творения Бетховена звучали как символ предстоящих грозных испытаний. С каждым взмахом дирижерской палочки Штрикс убеждался в этом. Энергия музыки вдруг помогла ему понять мятежность своих мыслей: скоро война... Таким был весенний день 1 мая 1941 года. Таймер уже отсчитывал последние мирные дни. Громко и безвозвратно...

Воспоминания Штрикса прервал громкий крик коменданта лагеря: «Мюзик!» Раннее ноябрьское утро. Профессор стоит на лагерном дворе за колючей проволокой в грязной завшивленной одежде вместе с другими, такими же заключенными музыкантами. Они – в узком кругу с инструментами, а по периметру колоннами – остальные узники. Переключка. Громко лают собаки. Музыканты начинают играть фокстрот. Низкие свинцовые тучи мрачно нависают над городом уже несколько дней. Порывы холодного ветра, напоминая дыхание ада, пронизывают до костей. Руки скрипачей немеют, холод от застывших ног пробирается к мозгу. С утра до позднего вечера звучит музыка...

Львов был оккупирован немецкими войсками в самом начале войны. Сразу же начались массовые казни местных жителей. Город быстро оброс нацистскими лагерями. Профессор ждал, что за ним тоже придут. И однажды ночью они пришли. Громко топая сапогами и щелкая затворами, постучали в дверь. Профессор открыл – на пороге стояли эсэсовцы. Так он оказался в концлагере.

Украина Львова, улица Яновского, 134. Именно здесь, за песчаным карьером, с ноября сорок первого гитлеровцы организовали лагерь принудительных работ, который вскоре стал самым настоящим местом смерти. Из центра города до него ходил трамвай под номером 3. Несколько раз в день грузовые платформы с арестованными подъезжали к лагерным воротам. Огромные железные орлы на колоннах ворот, державшие в когтях свастику, зорко «охраняли» вход туда, откуда выйти было не суждено.

Заместителем коменданта лагеря был унтерштурмфюрер Рихард Рокита – до войны он играл в оркестре. Страстный поклонник великого искусства решил, что казни в лагере проходят скучно. Именно ему

пришла идея создать из заключенных музыкантов и композиторов лагерный симфонический оркестр. Рокита с немецкой педантичностью собирал оркестрантов, инструмент к инструменту: ударные, духовые, смычковые. Здесь были скрипач Леон Штрикс, дирижер Львовского оперного театра Якуб Мунд, гобоист Фогель и другие известные музыканты. Теперь во время пыток и казней в лагере всегда играл оркестр.

Однажды Рокита приказал музыкантам написать особую мелодию – мелодию уничтожения. Леон Штрикс не знал, кто написал партитуру. Ему принесли уже готовые ноты. Возможно, это был кто-то из музыкантов – узников лагеря. Штрикс чувствовал: кто бы ни был автором этой мелодии, он вложил в нее всю обреченность, отчаяние, нестерпимую боль и тоску. Мелодию назвали «Танго смерти». Как-то один из узников – работников лагеря, который работал в канцелярии, сделал фотографию оркестра из окна второго этажа здания. Он надеялся, что когда-нибудь его фото станет обвинительным документом: рано или поздно придет расплата нацистскому зверю. Но черно-белый снимок нашли эсэсовцы, и фотограф разделил трагическую участь узников лагеря. Его повесили под звуки того самого оркестра...

Рука со смычком касается скрипки... звучит мелодия... автоматные очереди... и снова музыка. Людей расстреливают каждый день, используют как мишени для стрельбы, подвешивают вниз головой, вешают прямо на деревьях. Из дня в день лагерь разрастается все больше и больше: трамвай номер 3 везет новых узников. Чугунные ворота лагеря зловещей пастью гигантского чудовища открываются и открываются, чтобы поглотить новые жертвы. Страшная мелодия звучит все печальнее. И все больше становится яма в урочище «Пески», где казнят пленных. «Танго смерти» – последнее, что слышат приговоренные к смерти узники.

Ночи в душном бараке после целого дня сопровождения нечеловеческим пыткам и расстрелам длинные и тяжелые. Люди задыхаются от жажды, жары, человеческих испарений и страшной музыки смерти, которая не отпускает даже ночью. Штрикс лежит с открытыми глазами, сильно изношенное сердце еле бьется. Рядом, на нарах с прелой соломой, – дирижер Львовской оперы Мунд.

– Скажи, Куба, как люди могут совершать такие злодеяния? Неужели они не боятся Бога? Ведь возмездие все равно случится, если не на этом свете, так на том.

Мунд открыл впалые глаза.

– Палачи ничего не боятся! Симфонический оркестр превратили в похоронный.

Профессор повернулся в сторону Мунда и посмотрел на его бледное лицо.

– Знаешь, о чем я мечтаю перед сном, Куба? Заснуть и не проснуться, чтобы этот кошмар быстрее закончился.

Мунд, сильно сдавший и ослабевший за годы в лагере, сухими губами прошептал:

– Вспомни «Пятую симфонию» великого Бетховена, его величественный гимн Человеку, который в схватке со своей судьбой смог одержать победу. Нельзя падать духом, Леон.

Утром оркестр из сорока музыкантов снова выстроился в привычный замкнутый круг. Не знали музыканты, что этим июньским утром 1944 года они играют для себя. Советские войска стремительно приближались, а свидетели нацистам были не нужны. Палачи решили ликвидировать концлагерь. Обреченных музыкантов окружили охранники лагеря. Зазвучала тоскливая музыка. «Танго смерти» разнеслось над бараками Яновского лагеря. Выстрел! Первым упал Мунд. Он лежал в центре круга, обнимая скрипку, из затылка струилась кровь. Выстрел! С каждым выстрелом музыка становилась все тише. Снова выстрел! Выстрел! Выстрел! Что думал профессор Штрикс, глядя, как его музыканты падают замертво? Никто уже никогда не узнает. Но в его глазах не было ни страха, ни отчаяния, ни смирения. Стихла музыка. Дирижера Леона Штрикса казнили последним, в тишине. Так оркестр Яновского концлагеря ушел в Вечность. Навсегда погасли свечи на пюпитрах его музыкантов. Вместе с ними, казалось, погибла и мелодия «Танго смерти»...

«Танго смерти» и фотография оркестра, которую нашли после освобождения Львова, стали немymi свидетелями чудовищных злодеяний нацистов и их пособников на Нюрнбергском процессе. Свидетелями – вместо расстрелянных музыкантов, вместо казненного фотографа, вместо сотен тысяч безвинно замученных украинцев, евреев, поляков, русских, нашедших смерть в Яновском концлагере. Свидетелями, которые ярче всех слов на свете передали человеческое страдание, боль и ужасы нацистских преступлений. У этого нет срока давности. Пока мы помним о жертвах фашизма, пока они живут в наших умах и сердцах – мы живы... ПОМНИ!

Шефер Александр Игоревич 9 класс

Наставник – Межова Светлана
Ивановна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Гимназия № 2 города Заозерного

Красноярский край

Последняя жертва

Умирая в своей теплой постели, майор Тэкеши Ито вспоминал не то, как в детстве мама тоненьким голосом пела ему колыбельную, чтобы бойкий мальчишка скорее уснул; не день, когда любимая женщина согласилась выйти за него замуж; не тот момент безграничного счастья, когда появился на свет его сын; сжимая тонкими кривыми пальцами сухую руку жены, он вспоминал лица зверски измученных им людей. Он вспомнил, как резко ударил штыком в живот беременной женщины. Жертва упала навзничь, издав последний стон, а майор хладнокровно зарезал еще не рожденного, но живого ребенка и отбросил его в сторону... Делая последний глоток воды, он думал только о том, как когда-то, когда он служил в концлагере Хогоин, у подопытных военнопленных вырезали из живого тела отдельные органы; отрезали руки и ноги и пришивали назад, меняя правые и левые конечности; вливали в человеческий организм кровь обезьян или лошадей; обливали части тела кипятком; «любопытные» японцы заполняли легкие человека большим количеством дыма или газа, вводили в желудок живых людей гниющие куски ткани... Он вспоминал, как измученный язвами пленник просил у него лишь глоток воды, на что майор справил нужду в ведро и заставил пленника пить свою мочу.

За спинами собравшихся у кровати родственников Тэкеши Ито видел последнюю свою жертву – советского солдата Ивана Кондратьева. Он стоял в углу комнаты совсем без увечий, такой, каким его взяли

в плен весной 1945 года на границе Советского Союза и Китая. Пытаясь выведать информацию о советских операциях, направленных против японских милитаристов, майор подвергал узника нечеловеческим пыткам. Ивана били палками и плетью, пока на теле солдата не осталось и сантиметра, куда не пришелся бы удар. Особым удовольствием было для Тэкеши Ито, как и для большинства японских военных, служивших в лагере, переломать пальцы на руках заключенного: сначала палец переламывали вручную, слушая характерный хруст, дальше, чтобы у несчастного не было шансов на восстановление кистей рук, ампутировали без наркоза. Тэкиши надеялся, что от невыносимой боли советский солдат выкрикнет важную информацию, но все, что он слышал было: «Меня зовут Иван Кондратьев!» Словно проклятие пленник выкрикивал свое имя, чтобы оно навеки осталось с мучителями и, как тень, следовало за ними, не давая забыть им об их зверствах. И Тэкеши Ито не смог забыть, пронзительный, рычащий крик врезался в его сознание и уже ни на секунду не прекращался.

За несколько дней непрерывных пыток из молодого статного солдата Кондратьев превратился в сухого, истерзанного старика: лицо его покрылось морщинами, хотя пока их не было видно за свежими синяками и шрамами, а сухие губы продолжали шептать как молитву: «Меня зовут Иван Кондратьев». Имя было самым верным способом держаться за жизнь, потому что имя не давало ему забыть кто он и почему он здесь. Каждый раз, когда он произносил заветные слова, в его памяти всплывал образ мамы, которая будила его по утрам: «Ванятка, милый, просыпайся, в школу пора»; образ классного руководителя, строго отчитывавшего его: «Кондратьев, опять окно разбил?»; образ его невесты: «Ванечка, я буду ждать тебя, и после войны мы обязательно поженимся»; и, наконец, образ военного командира: «Иван Кондратьев, Родина вас не забудет». Каждое воспоминание по капле наполняло солдата, чтобы, в июле 1945 года, пережив пытки, он смог бежать из ада на земле – лагеря Хогоин.

Тэкеши Ито не успел помучить больше ни одного пленника, в августе 1945 года Советский Союз принял участие в разгроме главного союзника нацистской Германии – милитаристской Японии. На Токийском процессе 1946 года майор Тэкиши Ито думал только о том, что лучше бы ему умереть прямо сейчас, потому что слышать в своей голове стоны и вопли пленников он больше не мог. Вдруг электрическим током его пронзило имя: «Иван Кондратьев», оно звучало так явно и в то же время исходило как будто откуда-то глубоко изнутри, что майор не понимал, бред это или реальность. И только увидев в зале суда сгорбленного, иссохшего старика, Тэкеши Ито узнал в нем своего последнего пленника – Ивана Кондратьева.

В 1952 году, заболев туберкулезом, Кондратьев умер у себя на малой родине, в маленькой деревушке Ивановка, а душа его с того самого дня преследовала Тэкеши Ито. Вот и сейчас солдат смотрит из темного угла, не позволяя майору даже перед смертью избавиться от своих грехов. Тэкеши чувствовал, как смерть железной рукой схватила его за горло, не давая сделать больше ни вдоха. А стоны раненых и больных, стоны пленников лагеря Хогоин тянули Тэкеши Ито в пучину небытия.

Прохорова Виктория Павловна 8 класс

Наставник – Бугайлишкайте Людмила Валентиновна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение ЗАТО г. Североморска «Средняя общеобразовательная школа № 11»

Мурманская область

Я видел все сам!

Я проснулся в приподнятом настроении. Воскресенье! Как же я люблю воскресное утро! Вся семья собирается за одним столом, бабушка печет пироги. Ее пироги с земляничным вареньем – это что-то необыкновенное! Почувствовав любимый аромат, я быстро вскочил с кровати.

За окном теплое майское солнышко. На голубом небе ни облачка. «Да, сегодня будет прекрасный день!» – беззаботно потягиваясь, подумал я. И тут на столе я увидел раскрытую книгу. Илья Сельвинский «Я это видел!».

– Как же я мог забыть! Послезавтра конкурс!

Я стал перебирать в памяти заученные строки:

Из этого рва поднимается горе.

Горе без берегов.

...Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,

Заржавленной, как руда.

Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.

Может быть партизаны? Нет...

Вздыхнул... Что-то не то, не получается... Мысли мои прервал стук в дверь. Из-за приоткрытой двери показалась моя бабуля:

– Ты что, еще здесь? Мы все только тебя ждем.

– Да, понимаешь, послезавтра в школе конкурс – стихи читаем. Вот и повторяю. Но никак стихотворение мне не дается! – недовольно проворчал я.

– На пустой желудок стихи не учат! Пойдем, после посмотрим!

Ближе к вечеру бабуля, как и обещала, заглянула ко мне в комнату.

– Ну, показывай, что там у тебя за стих такой диковинный, – улыбнулась она.

– Да не диковинный он, а самый обычный. Про войну! Только не пойму я, что там такого героического? Ни танков, ни самолетов! Вот и не могу запомнить. Да и зачем мне все это?!

Бабушка взяла книгу и стала читать. Каждая строчка отражалась на ее лице. Я никогда не видел ее такой! Брови нахмурились, глаза наполнились слезами. Дрожащий голос бабули прервал нависшую тишину:

– Танков, самолетов, говоришь, нет. Так ведь война, внучек, – это не только танки с самолетами. Страшная война была. В каждый дом вошла и навсегда свой след кровавый оставила. Стихотворение это... Это правда вся о войне той. И написано оно не пером, а кровью. И правду эту мы знать должны и помнить. Забыть – значит предать и себя потерять. А как с предательством в сердце жить? Сейчас, глянь, что по телевизору показывают? Что сами мы войну с фашистской гадиной развязали! Что и не мы вовсе нечисть эту остановили! А кто-то и вовсе зверства немецкие прикрывает. Да только ты не слушай, Сереж, этих юродивых.

Помолчав немного, она продолжила:

– Знаешь, я ведь не всегда в Москве жила... Город мой родной – Сальск, что в Ростовской области. Когда к нам немец пришел, я еще крохотной девчонкой была, но хорошо помню, как погасло солнышко над Сальском и начались черные месяцы фашистского зверства. Никогда я это время не забуду! Ничего человеческого во фрицах не было... Мамка моя до войны на кирпичном заводе работала. Немецкие самолеты почти полностью разбомбили его. Так вот в печах, старых, полуразрушенных, наших бойцов пленных держали. А на территории карьера немцы судилище свое устроили. Горожане прозвали его «карьером смерти». Никто оттуда не возвратился. Каждый день немцы привозили туда сотни невинных душ. Жестоко, с особым зверством расправлялись с ними фашисты.

Бабушка тяжело вздохнула:

– Сосед наш, Петька, бойкий был мальчуган, годка на два меня по-старше, сапоги фрицу чистить не стал, так вражина этот его там же, на месте, этим же сапогом до смерти и забил, а потом, как кутенка, уже мертвого в кузов бросил. А Верочку? Верочку нашу за что?..

По щекам бабушки покатались слезы.

– Верочка, сестренка моя названная, не по крови. Всю семью ее каратели еще в первые дни оккупации расстреляли: евреев не щадили.

Она одна спрятаться успела. Так вот после того девчушка и замолчала, онемела как будто, и глазки всегда в пол. Мамка к нам ее забрала, а мне молчать велела, что не наша. Мы с ней все всегда поровну делили: и хлеба краюшку, и ласку мамкину. Вот только спустя несколько месяцев немцы к нам в дом ворвались. Прознали, что еврейскую девочку прячем. Я, спрятавшись под кровать, видела, как фашист из рук мамкиных Верочку вырвал. Верунька не плакала, лишь крепко глазки зажмурила и ручонками в бусы свои вцепилась (единственное, что у нее от своих осталось). Мама кричала, молила, в ноги немцу ненавистному падала. Успокоилась она, только упав в беспамятстве, после удара прикладом автомата... Больше никогда мы не видели Верочку. Ей всего пять лет было.

Бабушка смахнула слезу.

– Больно, внучек, очень больно вспоминать войну эту проклятую. Мы одержали великую победу огромной ценой. И нельзя убийства, зверства фашистские прикрывать. Иначе сами такими же станем. Не смог фашист окаянный дух наш русский сломить, и мы это помнить и чтить должны. Пока помним, никто не сможет землю нашу родненскую вытоптать!

Не проронив ни слова больше, бабушка вышла из комнаты. Мне стало очень стыдно, ведь я никогда не спрашивал ее о том страшном времени, не знал, что пришлось пережить моей бабуле. Я взял книгу и, сев на кровать, стал вчитываться в не понятые мною строки:

И трупы бредят, грозят, ненавидят...

Как митинг, шумит эта мертвая тишь...

Перед глазами, как живые, вставали герои из стихотворения Сельвинского. Вот лопухий Колька, еврейка с ребенком, бабка, боец молодой, а вот Верочка, бабулина Верочка, и сосед Петька... Я закрыл глаза.

– Сегодня опять кормить не будут, гады! Сами, поди, там жируют!

– Тише, Васька, не шуми! Услышит немчура поганая – раньше времени приговорят. Кто ж нашим помогать будет? – прошептал паренек моего возраста.

Мальчишки стояли, прижавшись к кирпичной стене, и не замечали меня в шаге от них. Я оглянулся – темнота. Зловонный запах ударил в нос. «Как же холодно», – подумал я. В ноги невыносимо больно впивались осколки кирпича. Привыкнув к темноте, я разглядел людей, в основном молодых мужчин в солдатских гимнастерках, израненных, замученных, в крови. Изредка раздавались мучительные стоны. Вдруг где-то снаружи послышался звук подъезжавшей машины. Когда мотор заглох, стали отчетливо слышны плач и мольбы людей. Лязгнул

замок – дверь распахнулась. На пороге возникла огромная тень. Немец! На плохом русском он скомандовал:

– Ты, иди за мной!

Дикий страх сковал все мое тело, я сделал шаг, ноги едва слушались. Под дулом автомата старика, сидевшего неподалеку от меня, выволокли во двор. Хотелось кричать, но я лишь беззвучно шевелил ртом.

– Встать!

Я невольно обернулся: это старик споткнулся и упал. От ужаса закрыл лицо руками. В голове проносились слова: «Вставай, дедушка, вставай, пожалуйста!» Но старик не вставал, не было сил. Выстрел! Я боялся открыть глаза, боялся увидеть его бездыханное тело...

Повсюду на промерзшей земле сидели полураздетые люди. Женщины, старики, дети. Маленькая девчушка лет пяти в ярких бусах привлекла мое внимание. Она одна не плакала, но белые дорожки на испачканных детских щеках выдавали всю боль и ужас. Рядом яма. Метра два – не больше! Немцы выстроили людей в шеренгу. «Как же страшно! Что будет? Нет, я не хочу, пожалуйста, не надо!» – но моей мольбы никто не услышал.

Раздалась автоматная очередь. Пронзительные крики заглушили все вокруг. Первыми упали женщины и старики, в последнюю секунду успев закрыть своими телами детей. И снова выстрелы! И вот воцарилась пугающая тишина. Лишь крохотный мальчонка, обезумевший от ужаса, бегал по краю огромной могилы, не понимая, что происходит. Фашист что есть силы ударил его кулаком по голове и с отвращением ногой толкнул в яму.

Сердце, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Я опустил глаза вниз. Чудовищная картина предстала передо мной: огромная груда окровавленных тел, упавших друг на друга, продолжала шевелиться. Удушьящая судорога пронзила мое тело – я резко открыл глаза. В голове бешено стучало. Еще минуту я лежал неподвижно. А потом слезы непрекращающимся потоком хлынули из глаз. Я дома! Я в своей комнате! Все хорошо!

– Теперь я понял, бабуля, я все понял! Я видел все сам!

Ротова Полина Викторовна 8 класс

Наставник – Шестакова Надежда Михайловна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 40 имени Вячеслава Токарева»

Алтайский край

КОЛОСОК

*В Сибири не было войны,
Но бесконечны павших списки.
В Сибири не было войны,
Но в каждом парке обелиски.
Сибирь, кормившая страну,
Ждала нас, мучась и печальась,
Из ста, ушедших на войну
Всего лишь трое возвращались.
В Сибири не было войны...*

И. Краснов

«Весна! Я люблю весну, наверное, потому, что родился весной. Небо высокое и ярко-синее, как мои глаза. Мамка говорит, что мне их подарило небушко в память об отце. Отца я не помню, он умер, когда мне было 3 года. И остались мы одни: мамка, Морька, Зинка да я. Эх, папка, папка, плохо без тебя, тяжко. А тут еще война, проклятая... Вон всех мужиков призвали немцев бить. Остались одни немощные. Кто уже и вернулся с фронта, только без рук да без ног. Какие они теперь работники? Дядька Коля говорит про себя: "Калека я теперь..." А тетка Аксинья, жена его, радуется и приговаривает: "Живой, живой, наш кормилец". Странная она... Хотя, как посмотреть... Тетка Федосья

с соседней улицы похоронку получила на мужа, голосила неделю. У них ведь малых-то пятеро по лавкам сидят», – так размышлял Мишка, шлепая в предрассветных сумерках по лесной дороге к колхозному полю. В лесу он знал каждую тропинку, каждую кочку. Сюда летом он бегал с ребятами собирать ягоду, грибы, калину. Все это сдавали в колхоз. Приказ: «Все для фронта!» Но сегодня он шел не помогать фронту и матери в поле... Он был не совсем уверен в правильности принятого решения. Но точно знал, что мать его затею не одобрила бы. Засветло, наспех собравшись, крадучись, чтобы не потревожить мать, заснувшую только под утро, он отправился в путь.

Миновав лесок и поднявшись на степной вал, где начинались колхозные поля, Мишка почувствовал еще большее волнение. Он остановился, огляделся по сторонам. Дело-то рискованное... Объездные на конях могут в любой момент нагрять. По осени с бичами гоняли ребятню, собиравшую колоски в полях после уборки. Но отступить от намеченного Мишка не любил.

Кругом расстилались бескрайние поля, изрезанные березовыми и осиновыми околками, овражками. Земля, земляца, кормилица наша, еще спит, отдыхает, сил набирается. Вот ласковые солнечные лучи проникнут вглубь, отдадут ей свое тепло – и она задышит, готовая дать новый урожай. Тихо... Спокойно... А летом 41-го здесь, на этом самом месте, звучали песни, заливалась гармонь. Вся деревня вышла на проводы первых призывников. На гравийной дороге их уже ждали грузовики. Раздалась команда: «По машинам!» Звуки гармонии оборвались, заревели моторы, и... чей-то истошный плач разорвал пространство и время на «до» и «после»...

Весенний ветерок легким дуновением рассеял нахлынувшие воспоминания. Мишка посмотрел в сторону, где розовым цветом окрасился край горизонта. Солнце скоро встанет – надо торопиться. Свернув вправо от гравийки, он поковылял по пустынному полю к ближайшему околку. Земля уже подтаяла, но в овражках виден еще снег, рыхлый и грязный. Его огромные полуразваленные отцовские кирзачи утопают в грязи, длинный ватник затрудняет шаг. С трудом продвигаясь вперед, пристально вглядывается в землю. «Хоть бы один колосок! Хоть бы несколько пшеничных или овсяных зернышек! Зинка так сегодня ночью заливалась, что, думали, до утра не доживет. Живот дует, вся горит. Видно, вчерашние «тошнотики» из гнилой мороженой картошки дали о себе знать. А вот если бы набрать несколько колосков, протереть их, то такую «затируху» приготовить можно. Объединение! Продержаться бы недельки две, а там зелень полезет. Побежим на Свирину гору кандык копать, медуницы и сладкие пучки собирать, сок березовый пить. Можно и до лета на подножном корме продержаться».

До стана второй бригады, где мать работала осенью, совсем рукой подать. Мишка остановился передохнуть. «Что получается, – не унимался его внутренний голос, – я вор? Иду воровать колхозное добро? Ворую у солдат, которые защищают нашу Родину?» Эти мысли не давали Мишке покоя. Какая-то червоточинка сидела внутри и душила его. Чтобы отвлечься от черных дум, он поглядел на небо. Нежно-белые облачка медленно плыли куда-то вдаль. «Может, на таком облачке и папка путешествует по миру, ведь мамка говорит, что он на облаках. Я бы тоже хотел мир посмотреть. Ничего, вот выучусь и отправлюсь в разные страны».

Мишка уныло зашагал дальше. «Когда только выучусь?.. В прошлом году мать в школу не отдала меня, сказала, что идти не в чем. Но я-то знаю причину. Надорвалась она в поле: живот сорвала. Ведь сейчас все на бабах. По весне пахали и боронили землю, впрягаясь в плуг или борону вместо лошадей и коров. Вручную косили и вязали снопы. Долго мать болела. Пришлось мне на быках выйти в поле, чтоб трудодней хоть немного заработать. Получили пай – кот заплакал. Вот и выдалась зима голоднее прежней. Школа... А с сестренками кто будет? А по хозяйству кто? В согре сена накосить надо, огород вскопать надо, а потом и прополоть... Хворост попробуй принеси из лесу на руках по полутораметровому сугробу... То-то же... Школа... Ладно, на следующий год пойду учиться. Там, говорят, новая учительница, "уакуированная". Из Ленинграда. Чудная такая, на наших деревенских баб не похожа. Полушалок не носит, а какую-то шапочку, на ногах коротенькие сапожки на каблучке. Ага! В наши-то морозы! Хорошо, что дед Семен справил ей пимы. Уважают наши ее. Где же этот Ленинград? Все везут и везут оттуда людей... Да что людей! Даже заводы! А как иначе, ведь фронту снаряды нужны, одежда нужна, а как солдату без харчей-то! Вы уж бейте этих проклятых фашистов, а мы потерпим, перебежеся. Вот бы в город убежать, а лучше на фронт... Эх, нельзя. На кого я мамку оставляю и сестренку? Загнуты без меня. Я ж один мужик в семье».

Мишка так размышлять и рассуждать мог бы целую вечность. Погруженный в свои мысли, он и не заметил, как оказался у березового околка. Можно дух перевести. Сел на проталинку возле березы, закрыл глаза, по уставшему телу поползла приятная истома. Вдруг синичка, прилетевшая на дерево, своим звонким, веселым свистом, предвещавшим ясный теплый денек, заставила вернуться к насущным проблемам. «Что же невезуха такая! – с досадой проворчал Мишка. – Протопал версты две, и все впустую!» Он нагнулся, чтобы перемотать онучи, да так и обомлел... Рядом с сапогом на каком-то корешке

березки повисло несколько колосков пшеницы. А-а, синичка-сестричка, не случайно ты сюда прилетела! Тоже хотела разжиться лакомым кусочком. Мишка, обезумевший от радости, хотел было резко сорвать их с корешка, но вовремя спохватился. Ведь зернышки могут упасть в грязь, попробуй их найди потом. Аккуратно, чуть дыша, он поднес ладонь под колоски, а другой рукой осторожно стал снимать их со стебельков. Серые, грязные, кое-где даже с плесенью, но прекрасно сохраненные под снегом, зернышки бисером упали Мишке на ладонь. Каким-то теплом, нежностью и добротой отзывалось в душе каждое зернышко, падающее в руку. Где-то в груди стало горячо-горячо, а из глаз потекли слезы. Слезы радости и надежды. Мишка крепко сжал ладонь, прижав руку к сердцу, и, не замечая усталости и угрызений совести, устремился домой. Домой, к мамке и сестренкам.

P.S. Мишка пошел в школу, но только после войны. Закончил всего 4 класса. Поступил в ФЗУ, выучился на тракториста. 35 лет пахал землю, сеял и убирал хлеб. А пшеничные колоски из военного детства навсегда остались в памяти Скопинцева Михаила Герасимовича.

Русанова Мария Александровна 9 класс

Наставник – Кузнецова Ирина Владимировна, учитель русского языка и литературы

Средняя общеобразовательная школа при Посольстве Российской Федерации в Республике Польша

Письмо Тане Вассоевич

Ну, здравствуй, Танечка Вассоевич! Я Маша! Ты совсем меня не знаешь, а я как будто знакома с тобой с самого детства! Твоя книга жизни так затерта мною до дыр, что, кажется, я и сама могу рассказать про тебя многое. Ты еще совсем маленький ребенок, живешь в доме номер 39, на 6-й линии Васильевского острова беззаботной жизнью, погружена в мир детских фантазий, учишься в художественной школе и не тревожишься ни о чем. Твой папа Николай еще даже не думает о геологической экспедиции, которая забросит его далеко-далеко от вас в самое тяжелое для всей страны время. Как хочется рассказать тебе о страшных испытаниях, которые ждут тебя, еще совсем не познавшую мир тринадцатилетнюю девочку! И хочется кричать, лишь бы докричаться до тебя, но все напрасно. Нас отделяет толстая стена в десятки лет...

Уже совсем скоро тебе придется повзрослеть, слишком рано взвалить на свои еще хрупкие детские плечи необъятно тяжелую ношу, которую не каждый взрослый сможет вынести, и очень многих эта ноша раздавит, уничтожит, убьет. Но ты другая...

Детство. Самое прекрасное время в нашей жизни, которое оставляет яркий отпечаток в нашем сердце. Оно наполняет нас разными звуками, красками, дарит самые незабываемые эмоции. Но есть слово, которое очерняет самые яркие краски детства, перечеркивает все самое светлое и прекрасное. Это слово – война. Не найти в мире слова страшнее...

Ты увидела и ощутила на себе сполна весь ужас блокадных дней. Вой сирены, черные глазницы выбитых окон, разрушенные здания и голод, постоянный голод... Смерть брата Володи в 1942 году, а через месяц – и мамы... Когда умерла твоя мама, ее тело пролежало в квартире девять дней, прежде чем ты смогла организовать похороны. Тела складывали у входа на Смоленское кладбище штабелями, так как оно было переполнено и закрыто. Но сторож, к которому ты обратилась за помощью, не смог отказать маленькой девочке и за пайку хлеба в мороз минус 40 градусов, в первую, самую страшную, блокадную зиму сам вырыл могилы. В дневнике ты нарисуешь план участка и отметишь место захоронения близких в надежде, что, если выживешь, обязательно установишь на могилах памятники. Запись в дневнике будет зашифрована, а листки дневника склеены, так как похороны прошли нелегально. Но ты не могла поступить по-другому...

Ты слишком рано повзрослела. Тебе пришлось стать взрослой в 13 лет, жить под бомбежкой, страшным ревом самолетов и грохотом снарядов! В дневнике ты напишешь: «Мы перестали бояться тревоги. Когда ездили рыть окопы в Гатчину, уже не обращали внимания на снаряды. Ну свистят и летят, но в тебя же не попали. Страшно было, когда в поликлинике на карточке брата врач крупно и медленно написал: "Умер". Вот это страшно. У нас положение было ужасным. Совсем нет денег. Достать дуранду – верх счастья. Грешна: мы съели двух кошек. Всю блокаду я ходила в школу, там давали суп с одной макарониной. Но это была ЕДА».

Как ты смогла все это пережить одна, совсем одна? Совсем одна...

Весной 1942 года после смерти брата и мамы произошло чудо. В опустевшей квартире стояла глыба льда – подарок твоего брата Володи – замерзший аквариум с застывшими во льду рыбками. Когда лед растаял, с ним оттаяла и одна золотая рыбка и вновь начала плавать! Эта рыбка – символ непокоренного, несломленного Ленинграда! Врагу казалось, что город должен быть мертв, выжить в нем невозможно. Но они ошибались! Ленинград выжил, выстоял несмотря ни на что!

Потом будет долгая, тяжелая дорога – эвакуация к отцу. Все время мучила жажда. На остановках ели снег. В поезде, набитом до отказа, некуда было приткнуться. Все 15 суток спала сидя. Умерших выносили из вагона на ближайшей станции и складывали, как дрова. Когда оставался поезд, никто не знал, простоят ли две минуты или трое суток. Но сразу разводили у поезда костер и старались приготовить хоть какую-то еду. Маленькая девочка одна едет через Свердловск, Пензу, Новочеркасск, Ростов, Буденновск, Грозный, Гудермес, Махач-

калу, Кизляр... Голод, воровство, смерть блуждают слишком близко. Страшно...

Но ты писала. Ты записывала эти тяжелые воспоминания в свой потрепанный страшной жизнью блокадный дневник. Личный дневник, полный рисунков, что превратило его в необычный исторический документ. Диаграмма, показывающая норму хлеба иждивенца в блокадном городе; ты с подружками босиком с луком в руках; схема кладбища, где были захоронены самые дорогие тебе люди, – ты старалась запечатлеть все. Ты укрывалась в дневнике, пряталась от жестокого серого мира, спасалась. Писала много про войну, про смерть близких, рисовала и всегда писала для себя, только для себя. Не напоказ, не думая о будущем. Для души. Для памяти. Писала во время бомбежек, стрельбы, тревоги, взрывов, эвакуаций! Твой дневник стал суровым свидетелем мужества жителей города на Неве. Ты с подружками убирала и топила бомбоубежище, которое прославилось на весь город необычайным порядком и чистотой. Чтобы как-то поддерживать жизненные силы, ты постоянно пила горячую воду, которую называла «чаем», варила столярный клей и ела его. Прячась под одеялом от холода, рисовала бассейны и оранжереи. Дневник стал твоим спасением в этом пустом, холодном и голодном городе. Он стал твоим лучшим другом, а главное, собеседником. С ним ты делилась самым сокровенным, записывая и зарисовывая все, что происходило с тобой в эти страшные годы.

«Скорей бы кончилась война», –

Твои звучат слова сейчас.

И ты права. В тот миг ужасный

Вся Родина ждала сей час!

И вот наконец 9 мая 1945 года. «Конечно, я хотела, чтобы она кончилась, но было что-то другое. Может, я немного боялась этого дня; я считала, что встретить его должна как-то серьезно, что к этому времени должно что-нибудь произойти.

Мне хотелось встретить его как-нибудь серьезно, чтобы я в это время где-нибудь по-настоящему работала. У меня не было радостного веселья, у меня была какая-то строгая радость. Я танцевала и пела, но мне (пожалуй) больше хотелось сказать людям что-нибудь такое, чтобы они стали бы сразу смелыми, честными, добросовестными и трудолюбивыми. Чтобы они поняли, что же в жизни есть хорошее, когда бывает действительно весело, а действительно бывает только тогда, когда ты сделал какое-нибудь трудное и благородное дело и потом веселишься. Тогда веселье и счастье бывает настоящее...»

И снова здравствуй, Таня Вассоевич! Ты так повзрослела! Война далеко позади тебя, хоть и оставила на тебе вечный след, который

не стереть даже самыми лучшими воспоминаниями, другими, не про войну, смерть и голод... Ты уже закончила художественное училище и архитектурный факультет ЛИСИ, преподаешь изобразительное искусство детям. Теперь ты по-настоящему взрослая!

Спасибо тебе, Таня Вассоевич! Спасибо, что не сдалась, не надломилась, выдержала все ужасы войны и осталась добрым и светлым человеком! Спасибо, что не падала духом, что держалась из последних сил, любила, помогала людям, сама находясь в трудной жизненной ситуации. Спасибо твоему сыну, что сохранил твой дневник, и тебе за совет: «Ведите дневник, потому что дневник – это история». Спасибо, что твой дневник стал живым свидетелем страшных дней блокадного Ленинграда! Спасибо!

Твоя Маша.

Повышева Алиса Сергеевна
9 класс

Наставник – Кузина Марина Сергеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
городского округа Тольятти «Школа
№ 81 имени А.А. Санжаревского»

Самарская область

Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...

(Неизвестные страницы Великой Отечественной)

На полке среди книг лежит старый альбом. Он уже «ветеран» и почти 60 лет «кочует» из семьи в семью. Страницы его потрепаны временем. В нем хранятся фотографии нескольких поколений людей, старые письма, открытки, телеграммы. Снимки черно-белые, некоторые совсем выцветшие, помятые, с оторванными уголками. Это альбом моих родных, чье детство и юность прошли в самое страшное и горькое для нашей страны время – в годы Великой Отечественной войны.

Листаю альбом и переносусь в прошлое. Смотрю на простых людей и удивляюсь: как они выстояли и победили в смертельной схватке с врагом? Где нашли силы, чтобы выжить в невероятно сложных условиях? Как после войны смогли восстановить полуразрушенную страну? У каждого из них своя судьба.

Из воспоминаний о моем прадедушке

Лисин Александр Иванович – мой прадедушка. Красавец! Кося сажень в плечах, умный взгляд светлых глаз, чуть припухшие губы. Ни

тени самодовольства, ни высокомерия. А ведь он дошел до Берлина, встретил там победу, поставил точку в войне! Таким мы увидим его на снимке, сделанном в немецкой столице в 1945 году.

Когда Александру исполнилось 18 лет, его призвали на фронт. Он попал в пограничный полк войск НКВД, служил в школе разведки, воевал вместе со своим другом Николаем. Оба крепкие, высокие парни (ростом более двух метров!). Богатыри! Их часто вместе отправляли на передовую добывать «языка». А какое тут применишь «оружие», чтобы быстро, без шума обезвредить врага? На этот случай мог пригодиться просто кулак. Силой Александра природа не обделила. Вот подползают разведчики незаметно к немцу, кулаком по каске... и тащат к своим. Принесут, а «язык» уже и не дышит. Командир говорил им: «Ребята, ну зачем так бить? Вполсилы надо. Куда его теперь?»

Как-то в одном из сражений Александр был тяжело ранен. Гремел бой, шли в атаку. Тут резкая боль пронзила его лицо. Александр упал. Попытался встать, но не смог. Видел, как все убегают вперед, а он лежит, захлебывается кровью. Сколько времени так прошло, не помнил: потерял сознание. Очнулся – бой закончился, кругом убитые. А он даже застонать не может, чтобы подать сигнал, что жив. И вдруг через слепшие от крови глаза видит друга. Тот вернулся, нашел своего земляка: «Живой? Слава богу. Потерпи. Сейчас помогу». Взвалил к себе на спину и понес в санбат. Вот когда вспомнилась народная мудрость: «Друг познается в беде». Так и дошли бойцы вместе до Берлина.

Трудились для победы все

Листаю альбом и вижу свою прабабушку – Лисину Нину Сергеевну. По ее лицу, как по книге, можно читать о тяжелой судьбе. Каждая морщинка говорит о горьком опыте.

В начале июня 1941 года ей исполнилось 16 лет, а через несколько дней началась война. Все мужское население призывного возраста ушло на фронт. Нина выучилась водить трактор, пахала землю, сеяла хлеб. Через 2 года пришла повестка явиться в военкомат. Мать не могла слез унять: девчонки должны воевать, кровинушка ее уйдет на фронт!

Вместе с подружками приехала Нина на призывной пункт. Увидел их председатель сельсовета. Пошел к командиру просить за девчонки: «Последних работников забираете. Кто хлеб сажать будет, чтобы армию кормить? Одни дети да старики остались в деревне! Кого на трактор посажу?» Пошли навстречу: отправили девушек домой.

Тяжело было... За троих приходилось работать. О тех тяготах напоминают руки – мозолистые, шершавые, обмороженные – и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Взрослели дети на глазах

С глубоким волнением смотрю на снимок той, которая в свои 11 лет кормила нашу армию хлебом. Сураева Клавдия Александровна (еще одна прабабушка) была самая старшая из детей. Отец ушел в 1940 году на Финскую войну и пропал без вести. А мать осталась одна. Тяжело было женщине. Трудно передать словами и то, что выпало на долю детей. Они работали по 12–14 часов в день, без выходных.

Клаву определили на ток взвешивать зерно, вести отчетность. Ей только 11, а какая ответственность! В куклы бы играть да книжки читать, а война отняла у Клавы детство. Вспоминаю себя или других ребят в таком возрасте. Что бы мы смогли сделать? Но тогда не спрашивали. Можешь – не можешь, умеешь или нет – работай. Быстро выросли дети войны. Трудное было время и очень голодное, есть хотелось всегда. Но нельзя взять ни зернышка. Приказ: «Все для фронта!» А тяжело работать с зерном и представлять, как из него получается мука и печется хлеб, но не иметь права воспользоваться своим положением.

Прабабушка всю жизнь сон один вспоминала: «Стоят передо мной старые тяжелые чемоданы, открываю их, а там – аккуратно уложенные буханки хлеба, несколько рядов ржаных кирпичиков. Даже вроде чувствуешь, как вкусно пахнут. А я стою и не смею их взять...»

Всем смертям назло

Дядю моей прабабушки, Сураева Михаила Осиповича, уже в июле 1941-го пропавшего без вести, все считали погибшим. Отряд попал в окружение, командир оказался предателем, сдался в плен. Оставшихся в живых красноармейцев погнали в Польшу в концлагерь. Михаил и еще двое бойцов решились на побег. Но далеко уйти не смогли. Их поймали, травили собаками, держали в яме несколько дней и повели на расстрел. Шли и уже прощались с жизнью. Конвоир, тыча им в спину штыком винтовки, подгонял их. Но они не торопились, будто что-то обдумывали. Незаметно переглянулись, поняли друг друга. Вот крайний дом хутора, а за ним – лес. Есть шанс. Завернули за угол дома. Один схватил оружие, другой повалил немца, третий довершил дело. И бегом в лес.

Вышли на окраину какого-то хутора. Видят: старик собирает скошенное сено в телегу. Подошли, сказали, что бежали из плена, хотели к своим пробраться. А дед говорит хлопцам, что здесь только немцы, но поможет: накормит, одежду даст. Завалил беглецов сеном, провез в телеге к себе во двор, дал умыться, поесть. А потом попросил уйти: если узнают, что скрывал русских, всю семью расстреляют, его дом сожгут и еще 10 дворов вправо и 10 влево. Но солдаты и не собирались прятаться. Пошли к линии фронта, к своим.

А уже в Польше все-таки их поймали. Чего только не натерпелись в плену! Потом батрачили на польских панов до прихода Красной Армии. Затем пришлось кровью смывать позор плена. Ребята были оправданы.

Вернулся Михаил домой. С криком «Живой!» бросились навстречу ему мать и сестры. Вся деревня ликовала, будто снова победу праздновала. Выжил всем смертям назло.

О войне, чуде и квашеной капусте

Другой мой прадед, Змеев Григорий Васильевич, побывал в самом пекле. Он ушел на фронт в 1939 году, сначала на Финскую, а затем на Великую Отечественную войну. С Кольского полуострова его переправили на Курскую дугу. Участвовал в смертельной схватке против армады немецких дивизий. Танки дробили солдатские кости. Сверху землю утюжили самолеты. Настоящий ад! А Григорий уцелел в том пекле, даже не был ранен и продолжал воевать.

Вспоминал, как пришлось однажды переправляться через реку, а он плавать не умел: «Много было разбитых плотов, присмотрел я бревно потолще, уцепился покрепче, сам весь под водой, только нос чуть выглядывал. Плыву потихонечку, а вода вокруг красная от крови убитых. Снаряды падают, пули со свистом пролетают, и невозможно голову поднять – убьют. Так и добрался до другого берега».

Под Харьковом попал отряд в окружение, но вышел из него. А под Воронежем в августе 1943 года Григорий получил серьезное ранение в ногу. Началась гангрена. Пришлось ампутировать ногу. Состояние ухудшалось с каждым днем, шансов выжить не было. Домой его жене уже похоронку отправили. У таких безнадежных милосердные нянечки спрашивали, чего те хотели бы. Женщины будто последнюю просьбу умирающих желали исполнить. А прадеду моему захотелось тогда квашеной капусты. Принесла сестричка Анечка, накормила. Это может показаться чудом, но пошел на поправку Григорий Васильевич. Сильнее лекарств оказалась капуста, смешанная с добротой.

Не вернутся без вести пропавшие?

Вечным ожиданием томимы,

Связаны тревогою всегда,

В даль времен глядят они... А мимо,

Как призывники, спешат года, –

вспоминаю я строки С. Острового, когда открываю пустую страницу, где ни одного снимка. Только письмо:

«Дорогая Алиса! Ты просишь написать тебе о старшем брате твоей прабабушки – Егорове Михаиле Сергеевиче.

К сожалению, о нем почти ничего не известно. Не осталось от

человека "ни петлички, ни лычки", ни фотокарточки. После войны он так и не вернулся. Похоронок не было. И все верили, что вот-вот и он придет домой. Но время шло, а Михаил не возвращался. Что с ним стало? Мысли одна страшнее другой приходили в голову. Сначала думали: может, погиб в фашистских застенках в страшных пытках? Или сожжен в газовой камере в плену? Может, лежит, сраженный пулей, в какой-нибудь братской могиле? Или где-нибудь среди итальянских партизан затерялись следы русского защитника?

Уже спустя годы Нина отправляла запрос в военкомат, чтобы хоть что-то узнать о судьбе своего брата. Ответ был коротким: «Призвался в 1942 году, имел звание старшего лейтенанта. Был награжден медалью "За боевые заслуги", а окончил службу 23.09.1955 года в Карпатах». Наверное, боролся с бандеровцами. Об их зверствах известно. А сейчас их героями провозгласили... Разве это справедливо?

Обращались в телепередачу "Жди меня" – не нашли ни среди живых, ни среди мертвых. В сердце незаживающая рана жжет, боль не отпускает...

Внукам своим и тебе, Алиса, завещаем найти сведения о Михаиле. Возможно, не вся еще информация доступна для обнародования. Но мы надеемся узнать о его судьбе. А в День Победы не забывайте упомянуть и Михаила. Пусть он будет жив в наших сердцах.

До свидания. Ваша родня.

Послесловие

Перелистывая фотоальбом, я все время думаю: сколько миллионов историй могли бы рассказать те, кто не вернулся домой! В каждую советскую семью шагнула война. Сколько судеб было разрушено, сколько страданий перенес наш великий народ. Нужно, чтобы память об этом хранилась в каждом из нас. Пока помним о войне, не позволим переписать историю.

Как хорошо, что есть старые снимки тех, кого уже нет рядом с нами. Но память – это не книга, а потому я пишу о дорогих мне людях очерки, которые передам своим детям вместе с фотоальбомом. Пусть будущие поколения нашей семьи знают о том, о чем не прочитают в учебниках, – об этих неизвестных, но не менее героических страницах из истории о Великой Отечественной...

**Шнайдер Никита
Александрович
9 класс**

Наставник – Шнайдер Светлана Валерьевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение – Кузнецовская средняя общеобразовательная школа

Новосибирская область

Три тополя

Еще не смеркалось, но полуденный зной уже давно отступил. Солнце лениво клонилось за горизонт, щедро облагрив молодые всходы овса и пшеницы. Сельский пастух, искусанный за день паутами, гнал, прикрикивая на скотину, стадо к водопою. Кузнецовские жители, верные деревенскому обычаю, выходили за ворота на вечерние посиделки. Подул легкий ветерок, и с неба посыпались воздушные хлопья молодого тополиного пуха.

– Началось... – будто распевая, заголосила Галка. – День-два, и ступить будет нельзя от этого пуха! Хоть бы дождик что ли пошел!

– Васильич, руби тополя! Все избавляются от этого сорняка, а ты бережешь, как сокровище, – подключились другие соседки.

– Тьфу на вас! Раскудахтались! – закричал в ответ дед Степан. – Пока я жив, слышите, мои тополя никто пальцем не тронет!

Степан Васильевич, уже привыкший к таким нападкам, сердился для порядка, но на самом деле ему даже льстило, что его тополям оказывалось столько внимания со стороны соседей. Все на краю знали о его странной любви к этим неприглядным деревьям. Многие даже посмеивались украдкой, когда в засушливый год он поливал своих питомцев. И хотя многие уже знали историю трех тополей, с удовольствием слушали, когда Степан Васильевич в очередной раз начинал свой рассказ.

– Я тогда маленьким был, – вздыхал дед Степан и на несколько минут замолкал, как будто собираясь с мыслями. Да, а как будто вчера все это было...

Глаза старика становились влажными, нос краснел, а руки, и без того беспокойные, начинали еще заметнее трястись. Потом он успокаивался и мыслями уносился в далекое прошлое, в пору своего детства.

Степан Васильевич был самым младшим в семье Василия и Акилины Логуновых. Два родных брата и сестра уже давно трудились, как взрослые. Работали и в колхозе, и дома, а Степка еще бегал с мальчишками на озеро купаться или в лес разорять гнезда. Единственная польза от сорванца – полив огорода и встреча скотины с выпаса. Жили Логуновы дружно, с соседями ладили, в общем – как все.

В сорок первом в отдаленное сибирское село черной вороной прилетела страшная весть – началась война. Сначала и верить никто не хотел: колхоз посеялся, сено цветет, тут не до войны. Но когда первых мужиков повезли в райвоенкомат на сборы, стало не до шуток. Полились по Кузнецовке бабьи слезы. Что ни неделя, то проводы. Акилина сначала мужнино плечо залила горькими слезами, а потом и сыновей проводила. Опустела хата Логуновых. Мать да сестра весь день на работе, один Степка по двору скачет, в войну играет. Расстроился Степка, что он слишком мал и что его фашистов бить не берут, да делать нечего.

Порой сядут они втроем, вымотанные после вечерней управы и огорода, поесть, и мать начинает своих мужиков родных вспоминать да плакать. А маленький защитник успокаивает ее: «Все хорошо, мамка, будет, все вернутся, все до единого!» Не понимал Степка боли сердца материнского – оно же все чувствует... Каждый день Акилина ждала весточки с фронта, но почтальон Иван Никитич дом Логуновых всегда обходил. Соседка Ольга уже несколько весточек от сыновей получила, пишут, что все хорошо, фашистов бьют, дом родной не забывают. И рада Акилина за подругу, и завидует немножко.

Наступил сентябрь. Ночами по-осеннему подмораживало, хотя днем еще летали паутинки. В один из таких дней пришел долгожданный гость. Переминаясь с ноги на ногу, он неуверенно подошел к крыльцу, на котором Степка играл в самодельные игрушки.

– Тут, Степан, вам весточка с фронта пришла, зови мамку-то, – промямлил почтальон.

– А она с Нюркой на работе, – обрадовался долгожданному письму Степка и протянул ручонки к желтой бумажке, – давайте письмо, я передам мамке.

Степка прижал листок к груди и улыбнулся. Он хотел сам прочитать заветное послание, но еще не умел. Чтоб не потерять письмо, он

положил его на кухонный стол, а сам каждые пять минут выбегал на дорогу посмотреть, не идет ли мама или сестра домой. Когда вдалеке показались знакомые фигуры, он помчался к матери навстречу.

- Мама! Я ж говорил, что напишут, – кричал Степка на всю улицу.
- Где ж письмо, сыночек? – убыстря шаг, кричала Акилина.
- На кухне, я его на стол положил!

Все трое добежали до калитки, заскочили в кухню, а когда Акилина увидела незапечатанную желто-серую бумажку, опустилась на стул.

- Нюрка, глянь кто, – обреченно сказала мать.

Аня осторожно взяла листок. Пробежала глазами и вскрикнула: «Папка!» Мать и дочь разом взвыли, а Степка не сразу понял, почему не радуются, а плачут мать и сестра. Когда осознал, уткнулся матери в подол и тоже заплакал.

В войнушку Степка играть перестал. Нехитрое деревянное оружие спрятал в кладовку. Аня же прятала не игрушки, а свои горькие слезы. Спрячется от матери и ревет. Акилина после той весточки как-то вся осунулась. Почтальона больше не ждала, пусть уж лучше никаких вестей, чем похоронки. Казалось, что радость навсегда ушла из дома Логуновых.

За осенью пришла зима. Колхоз собрал скудный урожай с полей. Акилина с детьми до последней картошинки убрала огород. Без мужской силы приходилось туго. Степка и Аня почти не выходили из хаты. Вьюжным февралем запечатало дома в деревне, приходилось откапываться. Как-то раз после такой снежной уборки Акилина зашла в дом погреться. Не успела раздеться – стук. Сердце екнуло.

– Логуновы, письмо вам! – раздался знакомый голос Ивана Никитича.

Акилина взяла письмо. На этот раз в конверте. На конверте незнакомым почерком написан их адрес. Акилина разорвала конверт, трясуцими руками достала листок: «Ваш сын, красноармеец Логунов Алексей Васильевич, уроженец деревни Кузнецовки, в бою за Социалистическое Отечество, верный воинской присяге...» Дальше глаза наполнились слезами и Акилина разобрала только «убит». Как и в прошлый раз, завыли в логуновской хате, только теперь уже трое. Степка понял, что письмо опять недоброе.

Последняя похоронка пришла почти через год. До нее младший Николай написал несколько писем. Скудных, коротких, но все же живых. За Николая молились и надеялись, что хоть он вернется живым и невредимым. Но когда Акилина в окно увидела неуверенную поступь почтальона, сразу почуяла неладное. Плакали долго и горько, дети прижимались к матери, а она не находила в себе сил их утешать.

После последней похоронки голова Акилины, как утренним весенним инеем, покрылась сединой.

Весной Степка принес из посадок отростки тополей. Взял сам лопату и выкопал возле дома три ямы. Мать с сестрой, недоумевая, смотрели на маленького неумелого копача.

– Это папка, – важно произнес Степка, показывая на самый большой отросток. – Это Алексей, а вот Николай. Они всегда будут с нами рядом. Они будут нас охранять.

– Какой же ты у меня взрослый стал, Степушка, – сквозь слезы улыбнулась мать и погладила сына.

Саженцы засыпали влажной землей, полили и хорошенько притоптали. Тополя принялись легко, дружно зазеленели, росли не по дням, а по часам. В победный май возле дома Логуновых уже стояли три дюжих молодца – три зеленых тополя.

– Пока я жив, эти тополя никто пальцем не тронет, – подытожил свой рассказ Степен Васильевич и погрозил пальцем.

Вот уж более семидесяти лет возле маленького деревянного домика Степана Васильевича Логунова растут три тополя, напоминая об отце и его славных братьях.

Минаков Кирилл Сергеевич 8 класс

Наставник – Моисеенко Светлана Александровна, учитель начальных классов

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 28 имени П.В. Рыженко» города Калуги

Калужская область

Просто ты умела ждать...

– Читай, Паша, читай...

Сколько раз за последний год она слышала эти слова... Вроде и далеко от фронта их село, а война прошла по нему смерчем, выкосив почти всех мужчин. Вот и стали соседки бегать в ее избенку, чтобы спастись от удушливой тоски. Посидеть на лавке, послушать, как молоденькая учительша читает вслух письма своего мужа-фронтовика, стало единственной отдушиной для женщин села. И Паша знала – сегодня среда, стало быть, скоро раздастся робкий стук в дверь и ее комнатуха начнет наполняться народом. Первой придет бобылка Мотя – высокая, громогласная, достанет из кармана ватника осколок серого сахара, чтобы угостить Пашину дочку, шуструю востроглазую Люську, усядется на лавку, рассказывая о прошедшем дне и расспрашивая Пашу о школе. Следом явится Акимовна – сухонькая старушонка, потерявшая на войне двух сыновей. И последней придет красавица Катюша, получившая всего месяц назад похоронку на мужа.

Паша возьмет с полки большую деревянную шкатулку и достанет пачку Петиных писем – серых солдатских треугольников, исписанных родным летящим почерком. Вопросительно взглянет на притихших женщин и достанет наугад письмо из стопки. Бережно развернет его и начнет: «Здравствуй, ненаглядная моя Пашенька...»

И ведь каждое письмо читано-перечитано, а слушают всегда, как впервые. Чуть запнется – задумается Прасковья, как сразу же ей:

– Читай, Паша, читай...

А когда старенький почтальон новое письмо от Петеньки приносит – радость всей деревне. И на первое прочтение собираются все мужчины. Председатель колхоза качает на ноге хохочущую Люську и весело басит:

– Ну, Лазаревна, читай. Люблю слушать письма от Петра – все с толком объясняет про обстановку, никакого радио не надо.

И она читает. Слушают письмо всегда внимательно и напряженно. Председатель перехватывает поудобнее задремавшую Люську и шикает на безногого бухгалтера, доставшего кисет с табаком.

– Не в конторе! Дите тут – али не видишь?

И тут же к ней:

– Читай, Паша, читай...

Закончила. В избе становится шумно – обсуждают то, что услышали. Особенно горячится молоденький агроном, совсем мальчишечка. Четыре раза просился он на фронт – забраковали его из-за порока сердца. Вот и ходит он по селу, глаза от стыда поднять боится, хотя все про тяжелую болезнь его знают. Никто и словом не попрекнул.

Спорят долго, горячо. Решают, что по весне конец придет войне, потому как немцы уже через всю Европу от Красной Армии удирают. А Паше и в радость их слушать. Значит, скоро вернется ее Петенька. Аккурат по весне, когда птички запоют.

Идут дни за днями. Вот уже и март наступил. Радует Паша – скоро растает снег. И войне конец скоро. Каждый в селе это знает, каждый по-своему счастлив. А мальчишки в школе шкодят – не удержат. Да только Паша не сердает на них, ведь не от озорства пустого шалят – от радости.

Бежит домой после уроков, а навстречу почтальон.

– Здравствуйте, Василь Данилыч, – Паша к нему. А он молчком конверт ей протягивает, в глаза смотреть не решается. Опустила Паша взгляд, а конверт белый, казенный. Рука как каменная сделалась – не поднять. Пальцев не чужала, когда конверт из рук почтальона брала. Сама не помнила, как домой добрела. Села на лавку, не раздеваясь, конверт перед собой положила. Неизвестно сколько времени прошло, прежде чем решила письмо распечатать. А там – сухие строки: «Пропал без вести...» Как мертвая просидела Паша дотемна, пока бобылка Мотя Люську домой не привела.

Увидела Мотя конверт, охнула, зажала рот рукой. Погладила Пашу по каменному плечу и вдруг опрометью кинулась прочь. В избе стояла звенящая тишина, только тикали ходики да тихонько поскуливала Люська, дергая мать за рукав. И вдруг открылась дверь и на пороге

появились женщины. Старушка Акимовна быстро затопила печь, русоволосая Катюша поставила самовар. Мотя тетешкала повеселевшую Люську. Акимовна села рядом с бледной Пашей и погладила ее по руке.

– Ты, Паша, жди. Без вести пропавший – не убитый. Пока ты ждешь, пока надеешься, живой твой мужик. Ты это письмо убери с глаз подальше. А какое старое возьми да почитай.

Паша медленно перевела взгляд на Акимовну и вдруг встрепенулась... Потянулась к заветной шкатулке и вытащила последнее Петенькино письмо, развернула и глухим надтреснутым голосом прочла: «Здравствуй, ненаглядная моя Пашенька...»

С той поры каждый день собирались женщины в избе у Паши. Допоздна горел свет в окошке ее избенки. Может быть, потому и чудо случилось. Ближе к маю, когда снег уже сошел, а на деревьях почки раскрываться начали, вдруг услышала Паша на улице веселый женский гомон. Выглянула в окошко – Катюша и Акимовна обнимали старичка-почтальона, А Мотя бежала к ней со всех ног, и в победно вскинутой ее руке зажат был серый треугольник, подписанный знакомым почерком.

Пока Паша, не различая от слез букв, пыталась развернуть письмо, почтальон, сидя на лавке, рассказывал:

– Вишь, Паша, какая история. Эти трещотки мне проходу не давали. Каждый день встречали – все о письмах для тебя спрашивали. Чуть прятаться от них не начал.

– Ты читай, Паша... – тихонько попросила Катюша. Все выжидательно уставились на Пашу, а она, утерев краешком платка глаза, начала читать. Петенька писал, что был ранен и контужен, почти две недели пролежал в госпитале без памяти. И что сейчас чувствует он себя хорошо, только вот два осколка в спине осталось. Да вот обидно – войну без него закончат. Врачи его из госпиталя не отпускают. Но скоро приедет он домой, чтобы обнять свою ненаглядную жену и любимую дочку Люсеньку.

Дочитала Паша, подняла глаза, а все женщины рыдмь рыдают, слезами захлебываются.

– Счастливая ты какая, Пашенька, – горько всхлипнула Катюша, – дождалась...

А потом был май и по радио объявили, что войне конец. И Петенька домой вернулся. А женщины нет-нет да приходили в ее избу, робко садились на лавку и просили:

– Почитай письмишко, Паша...

И Паша понимающе кивала – в этих фронтовых треугольниках каждая из ее осиротевших подруг слышала голос своего родного человека, ушедшего от нее навсегда...

– Бабуль, – Кирилл стянул с полки старую шкатулку, – можно я этот раритет выкину? Старье какое-то, и внутри бумажки древние.

Он осекся, увидев побелевшее лицо бабушки.

– Кирилл, это не мусор. Это письма твоего прадеда... помнишь, я рассказывала?

– Это те, которые читала соседкам вслух бабушка Паша? – догадался мальчик.

– Те самые.

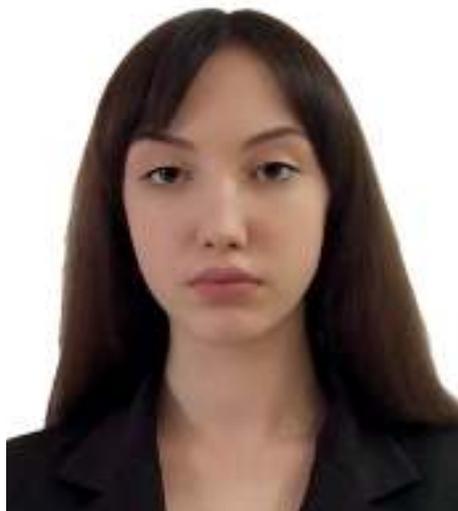
Кирилл заглянул в открытую шкатулку и вытащил ворох истертых солдатских треугольников.

– Бабуль, – вдруг решился он, – а почитай их мне. Ну, как бабушка Паша тогда.

Людмила Петровна бережно взяла одно из писем и вдруг почувствовала, что она снова стала шустрой черноглазой Люськой с измазанными зеленкой коленками. Ей живо вспомнились и вечерние чтения писем в их избе, и вкус сахара, которым угощала ее Мотя, и плюшевый медведь, которого привез ей вернувшийся с фронта отец.

– Ба, ну чего ты? – тихо позвал ее Кирилл. – Ты читай, бабуль...

Людмила Петровна осторожно развернула ветхий треугольник и, взглядываясь в вылинявшие от времени строки, прочла: «Здравствуй, ненаглядная моя Пашенька...»

**Кожаева Екатерина
Вячеславовна
9 класс**

Наставник – Аленичева Анна Владимировна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 5» Рузаевского муниципального района

Республика Мордовия

За Шурочку!..

Я торопливо пытался открыть своими замерзшими пальцами небольшой бумажный треугольник, и в моей голове всплывали родные образы: Любаша, Валюша, Шурочка.

Прилежным, таким знакомым и родным детским почерком был исписан листок из школьной тетради: «Милый мой папа! Это уже третье письмо, которое я тебе пишу, а от тебя нет ни одной весточки. Но я знаю, что ты живой! Я вижу тебя во сне, где ты бежишь мне навстречу! Мама говорит, что тебе не до писем, а сама плачет по ночам...»

Прижав письмо к лицу, я вдыхал его запах и будто чувствовал тот легкий аромат свежескошенной травы, исходящий от волос Любаши, тот запах грудного молока, которым пахла Шурочка, когда я целовал ее пухлые щечки, и тот запах моря, присущий Валюше, любившей с мальчишками рыбачить целыми днями. И в те мгновения, казавшиеся мне вечностью, я не ощущал боли, терзающей все мое израненное тело, голода, от которого постоянно сводило живот, жуткого холода, проникающего в каждую клеточку, от которого уже не чувствовал пальцев ног. Я был счастлив! И это чувство каленым железом жгло мое сердце, согревало душу, вселяло надежду и давало сил. Как я был благодарен тогда почтальону за подаренные мне минуты простого человеческого счастья, за избавление от страха и беспомощности, за напоминание о тех, кто верит в тебя и ждет во что бы то ни стало!

Письма приходили редко. Все понимали: идет война. И когда сообщили о подорванном фашистами грузовике с почтой, все до единого вызвались ползти ночь напролет под обстрелом до разбитого грузовика, чтобы доставить заветные треугольники солдатам. Остов сгоревшей машины мы увидели издалека, и надежды найти там письма не было никакой. Но мы продолжали ползти... Слезы благодарности медленно потекли по нашим запыленным и заросшим лицам, когда мы увидели, что перед смертью почтальон, который знал, как дороги весточки от родных для нас, солдат, накрыл сумку своим телом, что спасло от огня большую часть писем. Да, были на войне и такие герои, которые не держали в руках оружия, не убивали врагов, а лечили душевные раны солдат, поддерживали в них такой необходимый тогда огонек жизни.

Когда желание окунуться в омут счастливых воспоминаний делалось невыносимым, мы по очереди в окопе начинали вслух зачитывать свои старые письма из дома, от которых становилось спокойнее и радостнее и отчего все в роте знали имена жен, детей и родителей своих сослуживцев.

«Дорогой папа! Прости, что долго не писала: нет сил. Очень холодно. Мама заболела, вот уже две недели она не встает с постели. Сухари, которые мы немного припасли и берегли, закончились. Шурочка все время плачет. Если бы не соседка тетя Галя, мы бы все, наверное, умерли от голода. А еще она помогла мне устроиться на завод, где я работаю за токарным станком. Ты же знаешь, я самая высокая в классе, поэтому на заводе никто и подумать не может, что мне нет даже 15 лет. Очень болят ноги. Говорят, что это от тяжестей... Зато теперь у нас есть хлеб...»

«Воробушки мои... родные мои... потерпите... Немцев мы что есть силы бьем... Потерпите немного...»

Много раз я перечитывал тогда это письмо и с холодящим душу ужасом боялся получить новое...

«Папа, 16 апреля умерла мама, а затем Шурочка. Я у тебя осталась одна...»

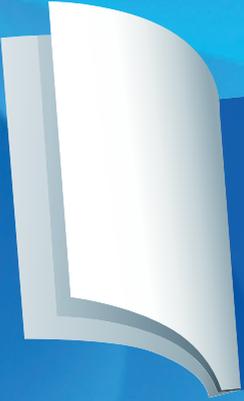
Ни один мужчина, наверное, за свою жизнь не пролил столько слез, как я в тот вечер... Как много раз за все время войны я слышал бередящие душу рыдания, как много раз спрашивал себя: что бы сделал я, если бы горе коснулось меня? И скажу вам, что невозможно удерживать эту боль, она с криком искала выхода, рвала мое сердце, душу! Боль становилась просто невыносимой, и я выпустил ее наружу... Мой вопль накрыл не только наш окоп, но и близлежащие... Рыдания сотрясали мое худое тело, и все вокруг, казалось, вторило им. Я был вне

этой жизни, не замечал ни мелко морозящего дождя, капли которого стекали за воротник гимнастерки, ни холодной мокрой земли, в которую с ожесточением вгрызались мои пальцы, ни братских сочувствующих объятий своих товарищей...

Я смотрел на этот исписанный тем же детским почерком листок и думал... Однажды такой листок подал надежду, подарил жизнь, а сейчас вернул обратно – в ад...

На следующий день наше пехотное подразделение совместно с 5-м гвардейским танковым корпусом должно участвовать в битве под Прохоровкой Белгородской области. Я не слышал в то утро приказа, бежал и не понимал происходящего. Взрывы снарядов, команды, рев танков и свист пуль – все было где-то далеко... Глаза мои застила пелена от пролитых слез, а в голове стоял туман от перенесенного горя. Я падал и вставал, снова падал и снова вставал... Сколько так я бежал – не помню, остановился только после того, как меня за плечи затряс мой сослуживец Ваня Черных: «Очнись, Сашок! Чего на пули прешь!» Я смотрел на него своим невидящим взглядом, пока не заметил за его спиной советский танк с белой надписью на башне: «За Шурочку!». Весь мир тогда перевернулся у меня перед глазами! Кровь закипела в моих жилах! Такую силу я в себе почувствовал, такую мощь, что, разорвав на груди гимнастерку, с криком: «Ребята-а-а!!! Бей врага! За Любушку мою! За Шурочку!» – ринулся в рукопашный бой... И бил я в тот день врага, и душил его голыми руками, и рвал его зубами... Это был мой последний бой...

«Здравствуй, папа! У меня все хорошо. Наш завод эвакуировали далеко на восток, вместе с ним и меня... Пишу тебе письмо, хотя знаю, что тебя уже нет!.. Ты погиб!.. Во сне бегу к тебе, а ты рукой мне машешь, прощаешься со мной... Но я все равно буду ждать тебя! Буду писать тебе!.. Твоя Валюша».

ПРИЗЁРЫ В 3-Й КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Попова Полина Витальевна 10 класс

Наставник – Юсупова Оксана Николаевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 2» г. Перми

Пермский край

Сквозь время

– Ты что такой нарядный и с гармонью?
– В армию отправляюсь. Решили с парнями съездить сфотографироваться.

– Володька, возьмите и меня!
– Садись. В тарантасе место есть.

Шел август 1939 года. Никто не предполагал, что этот их совместный снимок станет последним. Скоро грянет Великая Отечественная. Пятеро из шести парней останутся в земле, по которой беспощадно пройдет война. Лишь румяный деревенский богатырь Володя вернется почти слепым, на костылях, с изуродованным осколками снаряда лицом. Ему удалось выжить вопреки бесчеловечным планам нацистской Германии.

Фотографию сохранила моя прабабушка. Через много лет я встретила взглядом со своим юным прадедом. Рядом с ним сквозь время смотрели его сильные, загорелые, задорные друзья. Сердце мое сжалось от боли. Как жестоко и несправедливо, что война погубила этих полных сил и надежд мальчишек, чья жизнь так прекрасно начиналась. Под снимком были выведены имена. Позднее я узнаю, что Александр и Федор даже не успели создать семью. Николай не увидел родившуюся дочку. Никита и Семен не осуществили мечту поступить в лесной техникум. Именно эта фотография заставила меня обратиться к тому времени, захотелось как можно больше узнать

о судьбе моего прадеда Владимира Александровича Жданова. Из небольших рассказов и воспоминаний родственников, как из мозаики, сложилась для меня картина его военного прошлого...

– Почему так темно?

– На твоих глазах повязка. Постарайся не разговаривать. Ты еще очень слаб, чтобы можно было удалить осколок из глаза. Врач сказал, что один глаз еще можно спасти. Мы уже и не думали, что очнешься. Это надо же – две недели без сознания.

– Где я и кто ты? – слабо прошептал Владимир, чувствуя на своей руке тепло чьей-то ладони.

– В госпитале, в Ленинграде. А я Таня, медсестра. Это счастье, что ты пришел в себя.

Дни в темноте ползли очень медленно. Владимир старался не вспоминать ужасы недавних дней, уносился в мыслях к родному дому. Он не успел вернуться домой после окончания срока службы. Грянула война. Противник быстро продвигался к городу на Неве. Уже в июле шли бои на ближних подступах к Ленинграду. Наши войска несли тяжелые потери. Сражаясь за Красногвардейск, Владимир попал со своим взводом в окружение. Ночью удалось пробраться через болото и присоединиться к другой военной части. Уже через час измученные, грязные бойцы вступили в новый бой. Товарищи гибли один за другим. Постоянные авианалеты, артобстрелы... Не успевали хоронить погибших... Взрывы поднимали их в воздух, смешивая с землей. Вокруг не было ни одного уцелевшего дерева. Прибывали новые батальоны... И все повторялось...

– Танечка, чем таким тяжелым ты придавила меня?

– Матрацы положила поверх одеяла. Отопление в госпитале замерзло. Держись. Скоро принесу тебе горячей воды.

Владимир насчитал за ночь 14 налетов авиации. Днем город также методично обстреливался. Залетевший в соседнюю палату снаряд обрушил стену. Погибло несколько раненых. Уже не осталось целых окон. Их заколачивали досками и закрывали мешками, спасаясь от обжигающего ноябрьского ветра. Питание, и без того очень скудное, с каждым днем ухудшалось. Суда с продовольствием, которые шли по Ладожскому озеру, враг ожесточенно топил. Гитлеровцы делали все возможное для уничтожения Ленинграда.

– Что-то чай сегодня очень горький.

– Это отвар хвои. Надо пить, иначе совсем ослабнете. Похлебки сегодня не будет.

Во дворе госпиталя взорвалась бомба, убив санитаров и вновь прибывших раненых.

Владимира мучили воспоминания. Перед глазами стояла кровавая картина его последних мгновений в недостроенном блиндаже перед тем, как потерять сознание. На полу содрогалось в агонии тело политрука, перерезанного осколком пополам. Сидевшему рядом бойцу оторвало ноги. Володю спасло от смерти бревно, подпиравшее потолочную перекладину. Большая часть осколков застряла в нем. Это было настоящим чудом, что его, истекающего кровью, кто-то смог вынести под перекрестным огнем.

– Почему ты перестала уходить домой, Танечка?

– Нет больше дома. И мамы нет, и сестренки.

Володя слабо сжал тонкие пальчики медсестры. Как же перенести то, что невозможно вынести человеку? Кровати в палате пустели одна за другой. Раненые начали умирать от голода и холода. Медперсонал еле передвигался. Ежедневная пытка голодом была страшнее боли от ран. Некогда богатырское тело Володи иссохло. Раны заживали медленно. Каждый прожитый день был маленькой победой над смертью. Лишь огромное желание увидеть родной дом и обнять маму не давало угаснуть в нем огоньку жизни. В ноябре ударили сильные морозы. Вскоре окреп лед на Ладоге. По этой единственной магистрали могли проехать грузовики с продовольствием. Стали давать хлеб к похлебке из жмыха и еловой коры. Заговорили об эвакуации раненых по Дороге жизни.

– Видишь меня? – снимая повязку с оперированного глаза, спросила Таня.

– Немного. Все вокруг такое красное.

– Пройдет. Подберут тебе большую линзу – и немножко будешь видеть.

– Думаешь, есть смысл жить таким инвалидом?

– Есть! Раз уж ты жив остался в этом аду.

Вскоре стали составлять списки тех, кто мог передвигаться, чтобы отправить в эвакуацию. Володя настоял, чтобы его записали. Он лишь начал немного присаживаться в кровати, но надеялся, что за несколько дней научится вставать. Превозмогая сильную боль, он поднимал себя усилием воли. Первый же шаг на костылях окончился падением. Извиваясь беспомощной гусеницей на полу, он не хотел сдаваться. Приближался день отправки. Ходить Володя так пока и не научился. Хорошо, что подобрали очки и сейчас он мог видеть, в какую сторону ползти.

– Как же мне надеть на тебя гимнастерку и брюки? Рука не сгибается, нога в гипсе.

– Ножницами разрежь их, а потом на мне зашьешь.

– И рукав шинели тоже резать? Может, со следующей партией позднее поедешь?

– Не могу здесь больше, Танечка!

До Ладожского озера путь был неблизок. До железнодорожной станции под артобстрелом раненых везли на автобусе по изрытой снарядами дороге. На каждом ухабе слышались стоны и ругательства. Владимир так закусил губу, что на ней выступила кровь. Если до автобуса он кое-как добрался с помощью Тани, то на станции просто выпал из дверей на снег и пополз за всеми. Вскоре он остался на тропке один. Голоса все отдалялись. Путь ему преградила упавшая от взрыва балка. Перебраться через нее уже не было сил, и заочневшее тело не слушалось. Володя долго лежал, понимая, что замерзает. Послышался скрип чьих-то шагов.

– Кажется, живой.

– Доставай плащ-палатку, дотащим до поезда.

Его закинули в пустой вагон, оставив лежать на полу. Вскоре подвезли новую группу раненых. Глубокой ночью поезд тронулся. Володя лежал под сиденьем, прижавшись к стене. В небе слышался тяжелый гул моторов. Бомбы начали рваться в стороне от поезда. Может, вражеские летчики не заметили среди снегов побеленные для маскировки вагоны. Может, бомбили другой объект. Здоровым глазом Володя увидел, что уже рассветало. Вдруг рвануло рядом с вагоном. Осколки снаряда пробили стену. Сидевшие над ним бойцы замертво упали на пол. Володя чувствовал, как намокает от чужой крови рукав его шинели. А по его щеке текла струйка от вонзившегося оконного стекла. Он снова выиграл в схватке со смертью.

– Накроем вас белыми простынями. Никому не высываться!

– Даст бог, не уйдем под лед.

Беленые грузовики с ранеными колонной двинулись по Дороге жизни. Предстояло проехать 30 километров под налетами авиации, артобстрелом, виляя между пробитыми бомбами полыньями. На больничных машинах и зданиях госпиталей давно никто не рисовал символику Красного Креста, запрещающую бомбить раненых. Фашисты не признавали общечеловеческих законов. К середине пути было потеряно уже больше половины машин. Они ушли на дно вместе с людьми. Кто успел выплыть, замерз на дороге. Все вокруг было густо усеяно трупами. Всего пять машин дошли до берега, но Володя не запомнил этого момента. Трое суток без крошки еды лишили его последних сил и сознания.

– Очнулся, везунчик. До чего ж ты худой-то. Вылитый скелет. Сейчас дам тебе три ложки бульона.

– Щедрые какие.

– Ну-ну, пошути. Больше-то нельзя пока. Эх, отучили вас фрицы от еды. И от бани. Да что там, от всего отучили...

И снова госпитальная палата... уже в тылу. Едва подлечившись, Володя запросился домой. Нога по-прежнему не слушалась, и рука не сгибалась, но он мог пройти несколько шагов на костылях. Из тела до сих пор с кровью и гноем выходили осколки. Да, земляки не сразу узнают в изможденном инвалиде того румяного, плечистого силача. Как-то надо жить... В природе всюду бушевала весна. Гомон прилетевших птиц доносился в открытое окно. Нестерпимая тоска по дому не давала спать ночами. Скоро посевная, женщины снова будут вместо лошадей таскать плуг. А он даже не сумеет помочь. Как же смотреть на это? В одну из ночей приснился сенокос. Как пахла земляничкой скошенная вдоль кромки леса трава! Осталась ли в деревенских дворах скотина? Будет ли нынче кого кормить сеном?

– Володенька, ты ли? Да что же это? – мать с рыданиями бросилась ему на грудь. У стоящей рядом сестренки был растерянный вид.

– Не плачь, мама. Главное – живой.

В зарастающем березками поле стоит небольшой памятник. На табличке выбиты имена тех, кто не вернулся с войны. И хотя давно уже нет их родной деревни, скромный обелиск хранит память о суровом военном времени. Она жива в сердцах тех, кто приезжает сюда поклониться родной земле и погибшим за ее освобождение. И долг старшего поколения – передать эстафету памяти младшему, как и сделали мои родители. Когда-нибудь я привезу сюда своих детей. Я сохраню старую фотографию, с которой снова сквозь время будут смотреть на нас простые деревенские мальчишки, навеки молодые и беззаботные. Каждый семейный альбом свято хранит для будущих поколений страницы такой дорогой и понятной истории, не замутненной и не искаженной временем, в знак памяти и благодарности.

**Илюшкина Татьяна
Александровна
11 класс**

Наставник – Федотова Юлия Николаевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 12 с углубленным изучением отдельных предметов

Московская область

Мама вернулась!

...Теперь уже не помню, где впервые увидела картину Нины Марченко «Мир. Конец войны». Бывают такие произведения искусства, которые буквально впечатываются в память, проникают в сердце и становятся настоящим открытием. Я словно прочитала еще одну страницу Великой Отечественной войны, сумела пропустить поистине всенародную трагедию через свою душу. Что могла говорить и чувствовать девочка, прижавшаяся щекой к матери, вернувшейся с фронта?

Свет проникал сквозь мои веки плавно и медленно. Я жмурилась изо всех сил, лишь бы не лишиться сна и затянуть это мгновение, но все-таки проснулась. Солнечный луч шел из далекого космоса (о котором я так много читала в книгах), проходил сквозь воздух в атмосфере и нашу оконную раму, но все же ясно и упорно стучался в закрытые ставни моих век.

Удивительно, но в этот день я почему-то захотела встать с постели как можно скорее, хотя четыре года уже прошло, как меня будила то зажженная бабушкой свеча, то плач младшего брата, то вой февральской вьюги. Но больше всего мне нравилось, когда именно солнечные лучи щекотали мое лицо и заставляли проснуться. Они напоминали мне маму. Мне кажется, что солнечный луч совсем скоро превратится в нее, самую ласковую и добрую, дарящую тепло.

Ее руки, конечно, были очень нежны и осторожны, когда она перевязывала наших раненых. Я всегда пытаюсь представить ее на фронте, в окопах, склонившуюся над окровавленными бойцами. И всегда, думая о маме, вижу свет. Ее пшеничные волосы отливают золотом, а в ловких руках сияют снежной белизной бинты. Это все фантазии, в бою все не так, это я знаю. Однажды сражение гремело рядом с нашим поселком. Целый день мы просидели с бабулей в погребе. Ушли снаряды, земля гудела, а худые руки бабушки крепко обнимали нас с братом. Ее старое сердце стучало так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. И еще мне чудилось, что после каждого залпа откуда-то из самых недр земных доносится тяжкий стон – стон боли и горя. А после боя в поселок вошли наши солдаты, окровавленные, грязные, уставшие, с почерневшими лицами. Мы с бабушкой топили печь и грели им воду, стелили чистые простыни и все спрашивали про папу и маму: может, что слышали? Но никто ничего не знал...

Одной декабрьской ночью мне приснился сон. Светило яркое солнце, а из волшебного света будто выходила мама, которая ушла на войну четыре года назад. Она улыбалась и смотрела мне в глаза, поправляя волосы. После этого сна я точно знала, что она вернется. Вернется живой. Это я упорно повторяла своему брату Сашке, который каждый день задавал один и тот же вопрос: «Когда? Ну когда мамочка придет?» Бедный малыш, он родителей почти не помнит.

Если честно, были минуты, когда я думала, что вру сама себе. Похоронка на отца дошла до нас уже после того, как миновал месяц после его гибели. А жива ли сейчас мама? Может, холодное и страшное письмо в пути? Эти мысли приводили меня в ужас: я закрывала лицо руками и вспоминала все самое доброе в жизни: мою первую в жизни пятерку, учительницу в любимой школе, ромашки, которые папа дарил маме каждый ее день рождения.

По радио сказали, что всех женщин совсем скоро демобилизуют. Бабушка, услышав это, медленно перекрестилась и прошептала: «Даст бог, дождемся!» И потеплело у меня на душе...

Я встала с кровати и подошла к окну. Бабушка давно проснулась, достала из печи чугунок и налила в него теплой воды, чтобы помыть Сашку. Мне опять стало обидно за него: меня в его годы всегда мыла мама, а вот братишка знает родителей только по фото и по нашим рассказам.

Мою мысль прервала заскрипевшая дверь. Кто-то несмело приоткрыл ее, как будто бы не заглядывая внутрь. Бабушка оторвала взгляд от Сашки и подняла голову. Господи, я так долго ждала этого момента, так часто представляла себе, как это будет, что первые несколько

мгновений боялась повернуть голову к двери и смотрела только на бабушку. Ее лицо вдруг вспыхнуло, осветилось какой-то невиданной радостью, губы тронула улыбка, а в глазах заблестели весенними дождевыми слезы. Саша удивленно открыл рот, поднял свои светлые бровки-щетинки; он что-то хотел сказать... И тут я увидела ее! В наш дом будто бы проникло солнце! На пороге стояла мама! Это сама мирная жизнь пришла в наш дом, прогоняя страх и боль.

Меня будто бы оглушило. Первые секунды я увидела только ее золотистые волосы, которые стали намного короче. Луч, который будил меня своим сиянием, – это был образ ее волос, смотря на которые я засыпала в детстве. Осознав это, я кинулась к маме на шею. В мои веки опять стучался свет – свет любви и нежности, исходящий от этой хрупкой, но сильной женщины. Я чувствовала тепло ее рук, прижимаюсь к порывавшей гимнастерке. Мама вернулась! Мир. Конец войне!

Женщины! Самой природой они созданы для того, чтобы дарить жизнь, наполнять мир добротой и нежностью. В истории нашей Родины были годы, когда женщинам пришлось вместе с мужчинами защищать свою землю, идти на смерть, чтобы победить гнилую фашистскую нечисть.

Картина Нины Марченко оптимистична и светла, но в ней мудрый автор запечатлел и скорбь народную, которую, безусловно, заметит чуткий зритель.

Подвиг нашего народа велик именно потому, что от каждого советского человека он требовал полной отдачи сил и совершался непрерывно в течение долгих 1418 трудных и страшных дней.

Третьяк Мария Викторовна 10 класс

Наставник – Смирнова Лилия
Анатольевна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
городского округа Королев
Московской области «Гимназия № 5»

Слово из шести букв

Пожар за рекой все ярче, кольцо вокруг все туже, и на всех знакомых лицах: между бабушкиными морщинами, на папиной жесткой щеке и даже у мамочки на пальчике – уже видно это слово. Большое и страшное слово из пяти... нет, шести черных и злых букв. Я не знаю, почему я его вижу, его видят все. Оно написано у всех на лицах, рядом с ужасом, который всегда вместе с этим словом. Я уже сама боюсь посмотреть в зеркало – только бы не увидеть его, заплетенное в косе или написанное между бровей.

Немцы сказали нам собраться во дворе у нашего председателя. Я не знаю зачем.

– Тим, иди ко мне!

Мы идем медленно, меня держит папа, а я – Тима. Перед нами прошел толстый солдат с винтовкой. Папа вдруг дернул меня за руку и толкнул с дороги:

– Бегите в лес!

– Папа...

– Сейчас! Быстро!

Маленькие пальчики Тима выскользывают из моих рук, но мы бежим, не оборачиваясь, прямо к тому дальнему холму. Там нас никто не найдет. Сзади раздалась немецкие команды и крики людей, как будто они не люди, а голодные звери и сейчас нас съедят.

Мамочки, нас что, увидели?!

Я дернула Тима за ручку, и мы вдвоем покатались за большой куст сирени. Раньше мы прятались тут от родителей, когда ходили в лес за ягодами. У нас была такая игра: кто последний добежит до этого кустика – несет всю корзину с ягодами домой. Последним всегда прибегал Тим, но мама сжаливалась над ним, потому что ему всего три, а мне уже целых девять.

Тим начал плакать и колотить меня по голове. Глупый, не понимает, что нас могут услышать! Чьи-то знакомые голоса... Мамочка! Мама! Зачем эти немцы заталкивают тебя в сарай? Папа, папа, помоги ей!..

Вот захлопнули дверь и заперли на замок. Высокий немец подошел к стене и написал на ней какое-то слово. Наверное, это и есть то самое слово из шести букв: другого они не пишут.

Толстый солдат теревит что-то между своих пальцев, и у него явно ничего не получается, потому что мешает винтовка на плече. Сейчас немец снимет ее и продолжит нервничать. Он громко ругается и выбрасывает какие-то грубые немецкие слова на своих товарищей, которые хохочут. Высокий немец прикрикнул, подошел к толстому и отобрал у него маленький коробок. Секунда – и на спичке огонь.

Они же сейчас всех сожгут! И маму, и папу, и тетю Надю... Тима, бежим, бежим отсюда скорее. Мамочка, мама!

Но Тимофей, кажется, не понимает, что происходит. Я уже встала с земли и подняла его, как вдруг он вскрикнул:

– Наташа, смотри, Ваня!

Где? Он бежит сюда? Ванька – мой лучший друг – как ты вылез из этого сарая? Теперь мы пойдем втроем, прямо в лес, нас никто никогда не найдет, беги к нам, скорее...

Но тут – выстрел, и Ваня... падает.

Колючие ветки путаются под ногами, шлепают по лицу, царапают Тимкины щеки, и все кажется, что этот толстый с винтовкой бежит за нами, чтобы схватить и тоже сжечь... Сколько еще бежать?.. Господи...

Вдруг сзади хруст. Я оглянулась – чаща.

Начало темнеть, и мне пришлось взять Тима на руки. В правом боку что-то ужасно колет. Проклятые немцы!

Я посадила Тимофея под большое ветхое дерево – кажется, это клен, – и упала рядом с ним. Перед глазами плавают фигура высокого солдата, бросающего факел в сарай; винтовка толстого; смех и крики; Тимина рука, щека и левый глаз; моя мама там... Пусти, пусти меня! Мама! Беги оттуда, они тебя убьют! Поднимается Ваня и падает прямо на меня. Тима-а-а, где ты?..

А он сидит рядом и трясет меня за грязный рукав моего платья.

– Наташа, проснись, Наташа! Мне страшно, там, там кто-то сидит. Это папа, Наташа, смотри!

Я тут же вскочила и начала всматриваться в бездонную темноту – все мертво. Лес мертв, ночь мертва, папа...

– Не бойся, Тим, это птичка спрыгнула с ветки.

Утро раскрашивает небо в яркий оранжево-розовый цвет. Это уже третье утро, когда я пытаюсь найти что-то более существенное, чем горстка малины.

Над головой, разрезая утреннее небо своими острыми, как папина бритва, крыльями, летит косяк журавлей. Это странно, ведь сейчас не сентябрь. Наверное, они тоже бегут, но не от солдата с винтовкой, а от Бабы-яги.

Деревья встают непроходимой стеной так, что приходится изворачиваться, чтобы иголки не били по глазам. Мне кажется, у меня весь нос в крови – я вчера больно упала: просто подумала, где сейчас моя мама?..

Все, не могу больше! Я упала на колени и обхватила руками липкий сосновый ствол. Из глаз вдруг потекли слезы – все, больше не могу!

– Наташа, вставай! Смотри, Наташа, это же поле.

Тим просто не может видеть слез, он их не любит... Но, кажется, там... кончаются деревья.

– Туда, Тим, скорее...

На порог ветхого, покосившегося домика немолодой уже санитарки упали двое изможденных, испуганных детей – мальчик и девочка, чудом убежавшие от толстого человека с винтовкой, от его высокого помощника и от жуткого черного слова из шести букв: СМЕРТЬ.

Джалилова Издаг Давудовна 11 класс

Наставник – Эльмирзаева Издаг Омарасхабовна, учитель дагестанской литературы

Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 8» г. Избербаш Республики Дагестан

Республика Дагестан

Рубиновое колечко

Магомед стоял, виновато опустив черную курчавую голову, и молча слушал наставления отца. Никто и никогда не мог заставить этого дерзкого мальчишку стоять в таком повиновении. Но отца Магомед не то что боялся, отца он уважал и гордился им. На этот раз Магомед ослушался наказа и тайно последовал за отцом в приморский поселок, куда тот приезжал из села каждое лето на заработки на нефтяные промыслы. Ему приходилось нелегко: семья большая, дети один за другим незаметно подросли.

Не успел Джалил-ада отчитать сына и ненадолго отлучиться по делам, как тот уже завел знакомство с рабочими-нефтяниками и приезжими геологами. Его даже не смущало то, что он плохо знает русский язык. Удивительно, но диалог у них не только состоялся, но даже был очень бойким!

Так и остался Магомед с отцом в поселке нефтяников на берегу Каспийского моря и очень скоро полюбился всем за свою расторопность, за веселый и смелый нрав, за желание все познать. После тяжелого рабочего дня любил он вместе со всеми сидеть у костра и слушать разные истории, пытаясь понять каждое слово, иногда донимал вопросами. Уж больно интересно было все.

Проснулся Магомед от какого-то непривычного шума: взволнованные голоса, непонятная суета – все настораживало.

– Ада, а что случилось? – спросил он у отца.

– Война, сынок... – сухо ответил Джалил и, выйдя из барака, направился к конторе, где начали собираться люди.

Через месяц Джалил со старшими сыновьями были в районе на призывном пункте, оттуда ушли на фронт. Каждое утро с первыми лучами солнца отправлялся Магомед на призывной пункт в райцентр, назойливо досаждал там всем, просил отправить на фронт. Но от него отмахивались: «Не мешай работать, приходи через четыре года. А пока помогай в колхозе».

И все-таки Магомед сделал задуманное: никто и не заметил, как среди новобранцев, которых везли на вокзал, в машине-полупортке оказался чернявый подросток. Но и тут не сдался неугомонный сын Джалила. Он взобрался на крышу вагона и залег там, потом, когда стемнело, спустился в товарный вагон, улегся на кучу угля и уснул крепким сном с чувством победы. Когда просыпался, он лежал, заложив руки под голову, глядел в звездное небо и слушал мерный шум стучащих колес. «Вот закончится война, пойду учиться на геолога, а пока надо гнать этих проклятых фашистов с нашей земли», – думал он.

Страшный взрыв и толчок вагона разбудили Магомеда. Спросонья он не мог ничего понять. Кругом все горело, свистело, взрывы слышались то там, то здесь, люди с криками выбегали и бросались в разные стороны.

– Самолеты... Немцы... В лес... Все в лес... – отдавал кто-то приказы командным голосом.

Магомед, увидев в небе самолет, который развернулся и опять готовился обстреливать поезд, спрыгнул с вагона и юркнул в кусты. Как раз в это время за спиной он услышал страшный взрыв, ночное небо осветилось ярким пламенем и все кругом стало гореть. Долго еще сверху сыпал уголь, на котором несколько минут назад он беспечно и сладко спал.

Всю ночь и следующий день бродил по лесу Магомед, грязный, оборванный, голодный. Он шел не зная куда. Вдруг услышал шум машин и рокот нескольких мотоциклов. Внимательно приглядевшись, Магомед понял: «Ах вот вы какие – фашисты!» Они проехали совсем рядом, так что он мог услышать их непонятную речь. Дождавшись, пока они исчезнут из виду, Магомед пошел к дороге, где прочитал: «Ростовская область Сальский кирпичный завод». Он решил дожидаться ночи.

Разбудили Магомеда лай собак, жалобный плач детей и громкие причитания женщин. Ползком подобрался он к обочине, и увиденное бросило его в ужас: у огромной ямы были выстроены старики, женщины с малышами на руках, а напуганные дети прятались за ними

и плакали. Один за другим раздавшиеся залпы подняли в небо напуганных ворон, и в воздухе остались только лай немецких собак и крики улетающих птиц.

Никогда Магомед еще не испытывал такое: страх, досада, злоба, щемящая боль, от которой каждая жила вот-вот готова лопнуть от напряжения. Он плакал, кусая в кровь губы, сжимая до судороги кулаки. Он услышал недалеко от себя легкий шорох: это была девочка лет четырнадцати. Закрыв глаза руками, она плакала, еле сдерживая стоны, и хотела бежать. Магомед успел зажать ей рот и спрятать ее под собой. Немцы слышали шум в кустах. Один, с автоматом наготове, направился в их сторону. Но, побоявшись лезть в чащу, остановился, злобно пролопотал на своем, будто пролаял, и пошел обратно.

– Ты кто? – спросил Магомед, как только все успокоилось.

– Бася, – тихо ответила девочка, еще всхлипывая и утирая слезы. – Нас сдали полицаи. Мой отец – библиотekarь. Он помогал партизанам, прятал в подполе провизию, которую приносили соседи, а ночью забирали партизаны. Когда нас и соседей забрали полицаи, потому что мы евреи, тетя Нюра спрятала меня и ночью велела бежать в лес. Вот я здесь, а все мои там – девочка дрожащей рукой показала в ту сторону, где немцы учинили зверство. Но она боялась посмотреть туда. Он по-братски нежно обнял ее худенькие дрожащие плечики и, совсем не стыдясь своих слез, дал понять, что никто не посмеет ее больше обидеть.

Взявшись крепко за руки, в оборванной одежде, с размазанными лицами, голодные и истощенные, бродили по лесу совсем не знавшие, но так искренне доверившиеся друг другу дети – дагестанский озорной мальчишка и нежная девочка-еврейка. Иногда она начинала навзрыд плакать, Магомед ее утешал и сам не понимал, как находил такие слова. И Бася покорно шла за ним, совсем незнакомым грубоватым и дерзким мальчиком с непривычной для нее внешностью. Он был словно натянутая струна, смуглый, горбоносый. Длинные курчавые волосы спадали на лоб, и из-под них глядели острые черные глаза. В его худых, но жилистых руках была невероятная сила. Магомед крепко держал ее за руку и молча шел впереди, прикладывая палец к губам, выразительным взглядом показывал, куда ступать и в какую сторону идти.

Ночью оба не могли уснуть, и тогда он рассказывал о звездах, о горах, о море, хвастаясь своими знаниями, которых набрался у геологов. А Бася читала ему поэму Лермонтова «Мцыри», которую знала наизусть, и, смеясь, призналась, что он очень похож на этого грузинского юношу. Магомед был очарован поэмой.

– Есть очень много интересных книг. Вот закончится война – вместе почитаем, – сказала Бася и засмушалась.

Так незаметно они уснули, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Магомед проснулся от того, что кто-то заботливо, стараясь не напугать, трепал его по плечу.

– Вот чертяги. От немцев бежали, – слышался веселый басок.

– Подъем, беглецы, – произнес стоящий рядом человек в телогрейке.

– Да это же Бася, Данилова дочь...

Так Магомед и Бася оказались в партизанском отряде, где их накормили, одели и решили отправить в тыл. Что только ни придумывал Магомед, на какие только уловки ни шел, но в отряде Югова под названием «Отважный» все-таки остался. А девочку решили отправить в госпиталь в Ростове и пристроить санитаркой. На прощание Бася поцеловала своего спасителя в щечку и в ладони его оставила маленькое колечко с рубиновым камешком:

– Найди меня после войны. У меня нет больше никого.

Многое повидал Магомед за четыре года, многому научился. И сам бил, и битым был, но головы своей ни перед кем не склонил. Одним желанием горел: Родину от фашиста проклятого освободить и домой вернуться. А еще он хотел девочку Басю найти и к себе в Дагестан увезти. Уж больно глубоко в сердце слова ее залегли. И контуженым был, и раненым, а однажды с того света еле вернули, потому как в боях отличался особой смелостью и отвагой. Но живой и здоровый до Берлина дошел.

Высокий, статный, в плечах широкий, в солдатской шинели с вещмешком через плечо, шагает по улицам Ростова советский солдат Магомед Джалилов, спрашивает госпиталь. Коротко стриженные смоляные волосы еле умещаются под пилоткой с красной звездой, жгучие черные глаза бегло ищут едва знакомый образ, а в большой мозолистой ладони зажато нежно хранимое золотое колечко с рубиновым камнем.

Но, увы... Не суждено было Магомеду надеть это колечко на тоненький пальчик Баси, девочки-еврейки, которую он спас и сейчас хотел увезти к себе в Дагестан, чтобы сделать счастливой. Рассказали ему:

– Полюбилась она всем: ласковая была и добрая, не жалея себя, работала, помогала всем. Во время бомбежки, когда спасала раненых, погибла сама, осталась дочка ее, десяти месяцев от роду. И отец ее погиб, врачом был хорошим. Не посмели девочку в приют отдать, так и оставили в госпитале. Не знаем, что и делать с ней, куда деть.

Всем селом праздновали возвращение строптивного Магомеда. Как ушел на фронт незаметно, так и вернулся неожиданно. Ни писем не

было, ни весточки. Никто и подумать не мог, что таким возмужавшим, обвешанным орденами вернется сын Джалила, да еще и с ребенком – девочкой.

Потекла мирная жизнь своим чередом. Отучился и вернулся в село Магомед, стал в школе работать. Женится, стал старшим в семье, потому как отец и братья погибли, защищая Родину на разных фронтах. Детишки пошли, а Басира – старшая дочь и всеми любимая – высокая, стройная, с черными кудрями и жгучими большими глазами, как у газели, была отрадой и гордостью отца, украшением его большой семьи.

После школы повез Магомед дочь свою в столицу, в Махачкалу, где поступила она на учителя истории учиться. Пять лет, как пять дней, прошли...

Теплый летний ветерок слегка теребит черные кудри, волнами ниспадающие по худеньким плечам девушки. Напротив нее за маленьким столиком в летнем кафе сидит седой смуглый мужчина. Он нежно и с заметной гордостью любит дочь, окончившей учебу с отличием. На лице его в складках морщин появилась скупая мужская слеза. Он протянул руку, и в ладони его блеснуло золотое колечко с камнем рубина.

– Возьми, доченька, надень его. Это все, что осталось от твоей матери.

И рассказал Магомед Басире, кто она, в честь кого ей дал он это имя. Рассказал о том, как фашисты устроили геноцид и зверски уничтожили евреев, о том, что она – еврейка и теперь вправе сделать свой выбор, ведь до сих пор ни она, ни кто другой не знал, что Басира вовсе не дочь Магомеда, что ее родила спасенная им в ростовском лесу еврейская девочка Бася.

Басира Джалилова сделала свой выбор: она – член поискового отряда и участник раскопок кирпичного завода города Сальск Ростовской области, места, которое называют «карьером смерти». Она – член Международной ассоциации борьбы с геноцидом и холокостом.

– Отец, ты говоришь мне сделать выбор? Кто я? Меня родила еврейка. Выкормили и не дали умереть русские женщины. Вырастил и воспитали в дагестанской семье. Что же я должна выбрать? А разве не все равно, кто я. Люди молятся каждый своему богу, но мы ходим под одним небом. Мы говорим на разных языках, не похожи друг на друга, но все одинаково хотим счастья и мира. И что бы мы ни говорили, ни делали, под нами одна общая земля. Тогда о каком выборе идет речь, отец? Я хочу просто жить, быть счастливой, любить и быть любимой. А для этого выбирать не надо... Этого хотят все... Я, как и ты когда-то, выбираю Жизнь, Любовь, Счастье!..

**Шевлякова Валентина
Романовна
11 класс**

Наставник – Лаптева Татьяна Владимировна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение города Новосибирск «Гимназия № 7 «Сибирская»

Новосибирская область

Иди и смотри. Помни. Не пропусти!

Есть произведения, после прочтения или просмотра которых не можешь произнести ни единого слова, потому что ужас сковывает тебя, а сознание не может и не хочет принять то, что ты представил или увидел. Именно такое впечатление оставляет фильм Элема Климова «Иди и смотри», вышедший на экраны в 1985 году и основанный на событиях 1943 года, происходивших во время оккупации Белоруссии немецкими захватчиками – во время партизанского сопротивления карателям, безжалостно уничтожавшим ни в чем не повинных мирных жителей.

Проблема геноцида – массового насилия и уничтожения – стала главной проблемой, которую поднимают в этом фильме знавшие о войне не понаслышке авторы сценария – режиссер Элем Климов и белорусский писатель Алесь Адамович, ранее уже написавший художественную повесть о хатынской трагедии и участвовавший в создании документальной книги «Я из огненной деревни». Показанные в фильме военные действия – реальная, а потому ужасающая картина жестокости войны, леденящая душу история о том, в какого зверя может превратиться человек, когда им движет идея превосходства над другими людьми.

События всего фильма показаны глазами главного героя – деревенского мальчика-подростка Флеры, роль которого исполняет Алексей Кравченко – в период съемки фильма непрофессиональный актер, искренне переживавший все, что происходило в создаваемой реальности. К концу сюжета от жизнерадостного мальчишки ничего не осталось: теперь это седой старик, а на лице – ужас от увиденных издевательств и убийств. С первых же кадров актеры смотрят прямо в камеру – и Флера, и Глаша, девушка, которой хочется жить и любить, «рожать детей», как говорит она сама. Но страх в их глазах передается нам, зрителям, и мы видим все их глазами: расстрелянные жители деревни за сараем, среди которых мать и сестренки-близняшки Флеры, умирающие от голода женщины, мужчины, дети, старики, спасшиеся от озверевших фашистов на острове, обгоревший староста, убитый партизан по прозвищу Рубеж, изнасилованная и обезумевшая молодая женщина, с циничным смехом оставленная на дороге кровать с лежачей, неспособной двигаться старухой, пылающие избы...

Кульминацией картины является беспощадная расправа над жителями деревни, которых загоняют в амбар и заживо сжигают: жутким «аккомпанементом» для душераздирающих криков женщин и детей становятся развеселая немецкая музыка и лай немецких овчарок. Могло ли такое быть? Может ли такое быть вообще? Могло. Было. Важным моментом фильма стало признание одного из карателей – да, именно он сказал людям в амбаре перед их смертью: «Без детей – выходи. Детей оставить». И это не просто бездушие, жестокость, деградация души, это реализация чудовищной антигуманной идеи: «не все народы имеют право на жизнь... вас не должно быть». Этот «защитник» «чистоты немецкой нации», аргументируя свои действия, говорит, что с детей начинается все. И в этом он прав. Вряд ли те советские дети, Флеры и Глаши, которые прошли через ад войны, смогли простить нацистам их преступления – гибель близких и выжженную землю... Да и можно ли простить или хотя бы понять уродливую по своей сути идею террора, возведенного по отношению к гражданскому населению в ранг государственной политики? Как простить, что за три года оккупации жертвами нацистской политики в Белоруссии стали 2 230 000 человек?..

Кроме того, что мы видим в фильме, воздействует на нас и то, что мы слышим: еле уловимая речь и голоса, рычащие, осипшие. Диссонанс звуков, музыки – от песенки из кинофильма «Цирк», звона в ушах контуженного во время бомбежки Флеры до «Реквиема» Моцарта – отражает душевное состояние героев, которые в начале

фильма бросаются из слез в смех и обратно, подчеркивает диссонанс сюжета и идеи в целом, когда молодость, которой «назначено» жить, радоваться, любить, превращается в старость – от пережитого кошмара смерти, от ставшего явью апокалипсиса...

Детали в фильме помогают поставить смысловые акценты. Когда герой поднимает голову, на белом квадрате неба снова и снова пролетает двухмоторный самолет, предупреждающий о скорой беде, – расслабляться нельзя даже на секунду. Этот самолет, почти игрушечный, – смерть. Брошенные посередине комнаты куклы, лежащие лицами вверх, с раскрытыми, «застывшими» глазами, – тоже смерть. Аист с перебитым крылом, который не может летать, – символ невозможного, жестоко разрушенного войной семейного счастья. И сидящая в автомобиле немка, жующая и не обращающая никакого внимания на гибнущих людей, и портрет Гитлера, который расстреливает Флера (но, представив Гитлера ребенком, сделать выстрел не может!), – все это заставляет думать, задавать вопросы. Искать ответы. И ответ один: намеренное, целенаправленное уничтожение человека – геноцид – противоестественно, чудовищно.

Нельзя не отметить профессиональную съемку: отсутствуют статичные кадры, каждый момент пропитан движением, реальным или душевным. Благодаря этому создается ощущение, что ты находишься рядом и видишь весь ужас происходящего. В этом смысл названия фильма – «Иди и смотри». Оператор дает возможность почувствовать, что творится в душах жертв нацистского террора: все внимание направлено на эмоции, переживания героев, которые невозможно не только не заметить, но и забыть. Лицо Флери, его слезы, его плотно сжатые губы, как печать, остаются в памяти, «стоят перед глазами».

Невозможно стереть из памяти и один из последних кадров – на черном фоне красными буквами, кровью погибших, написано: за время немецкой оккупации сожжено 628 белорусских деревень вместе со всеми жителями. Только вдумайтесь: за все годы войны подобные события происходили не в одном десятке тысяч поселений. Страшно? Страшно. Безумно. Трагично. И это ужасающий итог (только часть его!) того процесса, который авторы фильма представляют в ретроспективе документальных кадров: черно-белое кино возвращает нас в прошлое, приводит к истокам – от устрашающих картин немецких лагерей к началу Второй мировой войны, приходу нацистов к власти, выступлениям Гитлера, Первой мировой войне...

Фильм «Иди и смотри» был признан лучшим фильмом 1986 года. В 2019 году американский кинотелепортал Screen Rant составил подборку десяти лучших фильмов о Второй мировой войне: «Иди

и смотри» занял в списке первую строчку. Пожалуй, он и сейчас остается тем фильмом, который нужно смотреть. Смотреть – и помнить о тех кровавых, бесчеловечных, уничтожающих и уродующих человека событиях, чтобы никогда не позволить приверженцам идеи геноцида уничтожить жизнь. Это фильм-призыв: иди и смотри. Помни. Не допусти!

**Тамбовцева Юлия
Александровна
10 класс**

Наставник – Динькевич Татьяна Николаевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное автономное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Шимановска»

Амурская область

Мне было только семь...

Июнь 1941 года... Небольшая квартира на окраине Ленинграда. Солнечные зайчики скользят по столу, накрытом тканой скатертью, прыгают по этажерке с книгами, прячутся в абажуре.

Моя старшая сестра Оленька, которой в мае исполнилось семнадцать лет, режет ароматный хлеб, аккуратно кладет его в корзинку. Веснушки, рассыпанные по всему лицу, светятся в лучах утреннего солнца. Мама помешивает кашу с такой любовью, что даже манные комочки растворяются от ее теплого взгляда. Густые темные волосы спрятаны под платок красного цвета. Губы слегка шевелятся, и я понимаю, что она напевает свою любимую песню «Синий платочек» Изабеллы Юрьевой. Отец, закинув ногу на ногу, вслух читает свежую газету «Правда»: «Летом в Ленинграде будет гастролировать Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР». В моих глазах загорелся интерес. Но тут раздается команда: «Все за стол!»

Счастливое детство, любовь родных, мирное небо... Тогда трудно было представить, что совсем скоро мой мир разорвется на "до" и "после", что из беззаботного ребенка я превращусь в сурового, не по-детски познавшего боль и страх человека.

Война... 23 июня 1941 года отец ушел на фронт. Иногда от него приходили письма-треугольники из обычных тетрадных листков. Для нас это была большая радость. Но вскоре эта связь прервалась: писем больше не было. Мать работала на Обуховском заводе, на который

принимали подростков и женщин. Производили артиллерийские боеприпасы, работа шла днем и ночью. Нам с сестрой приходилось выживать самим. А мне только 6 лет.

Зима 1941 года была особенно суровой. Я проснулся рано утром от холода, посмотрел на замерзшее окно: на фоне бумажных крестов красовался ледяной лис в завитках инея. Мне захотелось его согреть. Подышал на стекло и протер его уголком одеяла — стал виден темный переулок, освещенный одним мигающим фонарем. Уже привычная картина: обледенелый трамвай, остановившийся на перекрестке, мешки с песком, которые защищали витрины магазинов.

Я услышал, как со скрипом открылась входная дверь. Это мама вернулась с работы. Ее ресницы покрыты инеем, лицо бледное, усталое. Из холщовой сумки она бережно достала три кусочка хлеба. Блокадный хлеб, дающий надежду на жизнь. Муки в нем было ненамного больше, чем жмыха, целлюлозы, отрубей. По 125 граммов для детей, а труженикам по 250 граммов. Но сейчас для нас нет ничего дороже. Я делил хлеб на два кусочка, один съедал за завтраком, а другой заворачивал в платочек, оставляя на вечер.

Мама сняла шаль, на поседевших волосах остался красный платок, тот самый, летний. Мое сердце сжалось в маленькую горошинку: вспомнилось счастливое довоенное время.

Чайник на печке-буржуйке засвистел. Оля разлила воду по ледяным кружкам. Я пил кипяток не торопясь, любил чувствовать жар, проходивший сначала по горлу, потом попадавший в желудок, согревая все мое тело. Голод не отступал, только слегка притуплялся.

В городе замерз основной водопровод. Воду носили ведрами из прорубленных в Неве лунок. «Надо бы сходить за водой», — мама медленно встала, сил у нее почти не оставалось. Взяв два ведра в одну руку, сани в другую, вышла из квартиры. «К обеду вернусь», — помнил я ее слова. Но ни к обеду, ни к вечеру она не вернулась. Я не понимал, что произошло, или мой мозг не хотел принять то, что могло случиться. Оленька пришла под утро. В руках она сжимала мамин красный платок. Я понял все...

Оля приняла взрослое решение ухаживать за ранеными защитниками Ленинграда в госпитале, который развернули в здании школы. Хрупкой девушке приходилось трудиться в тяжелейших условиях. Сестра очень изменилась: ее кожа стала фарфоровой, губы сухими и бледными, под глазами появились синяки... Уже два дня Оля не встает с постели. Изнурительный кашель забирает у нее последние силы. Я и сейчас помню ее последние слова: «Ты только живи, братишка...» Так я остался один.

Было пасмурно, небо заволокло дымом от снарядов. В воздухе витал запах едкой гари. Я бесцельно брел по улице, спотыкаясь о замерзшие трупы. Некоторые из них выглядели живыми людьми, просто заснувшими на белой простыне зимы, на лицах читалось некое спокойствие и облегчение. Я хотел такого же умиротворения. «Ты только живи... живи...» От бессилия опустил в сугроб и стал рисовать лиса, которого некогда видел на окне. Рисунки переносили меня из суровой реальности в волшебный мир грез и фантазий. Но ооченевшие пальцы перестали подчиняться. Сказка закончилась быстро.

Казалось, издалека слышался женский голос, кто-то настойчиво тормозил меня: «Меня зовут Мария Федоровна, я воспитатель в приюте. Пойдем со мной». Она протянула мне руку, я схватил ее так крепко, будто падал с высокого обрыва, но, завидев ветку дерева, схватил что есть мочи, чтобы удержаться. У меня появился шанс выполнить волю сестры. Жить!

В приюте я находился уже шестой день. Здесь было чуть теплее, чем в квартире, не из-за огня, горевшего в печке, а из-за атмосферы понимания и сочувствия к осиротевшим ребятам. Наступило 25 декабря 1941 года, мой день рождения. Если бы мама, Оля и отец были со мной в этот день, мне не нужно было бы никаких подарков, лишь видеть родные лица, чувствовать их любовь. Если бы...

Ко мне подошла Мария Федоровна. Потрепав волосы на макушке, она поцеловала меня в лоб, как делала это мама, и протянула вязаные рукавички. «Знаешь, кого ты мне напоминаешь, Ваня? — неожиданно спросила она. Я не знал, что ответить, и лишь часто моргал. — Моего сына... Он сейчас на фронте. Ты очень добрый и смелый, как он. Именно смелый. Понимаешь?..»

В 1942 году всех сирот отправили в срочную эвакуацию через Ладжское озеро. «Мы обязательно увидимся. Слышите? Я вас найду!» — кричал я сквозь слезы Марии Федоровне, ставшей мне дорогим человеком.

Ярко светила луна, будто помогая шоферу найти ледовую дорогу. Огни города таяли вдали. Я посмотрел вперед. Мне казалось, что весь мир в эту минуту остановился, что нет больше на всей Земле ни пуль, ни бомб, ни войны. Мое сердце стучит. Я чувствовал, что живу. Мне было только семь.

**Призенко Святослав
Дмитриевич**
10 класс

Наставник – Кожевникова Ирина
Артуровна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное автономное
образовательное учреждение
«Гимназия (английская)»

Магаданская область

Жаль, что я был ОДНИМ ИЗ вас...

Если бы лес умел говорить, то он бы рассказал людям обо всех ужасах, скрывающихся в его чащах. Мерзкие и отвратительные тайны вылезли бы наружу, а сам он бы горько плакал. Плакал долго, навзрыд, сводя с ума всех окружающих, зазывая их и маня к себе, словно сирены из греческих легенд. И тайн становилось бы все больше... Но лес не умеет говорить. Ему остается только безмолвно наблюдать, скрывая голоса, облики и силуэты от посторонних. Им это знать ни к чему. Он любит скрывать, в этом и есть его предназначение. Расстрелянного немецкого солдата и девочку, которую он пытался прикрыть собой, уже никогда не найдут. Одинокая поляна, где они уснули вечным сном, зарастет мхом, а плюшевый мишка, выпавший из маленьких ручек, станет молчаливым охранником... Лишь изредка холодный мелкий дождь оросит эту поляну, забирая с собой тепло. Но мы никогда об этом не узнаем, ведь лес не умеет говорить...

Кусты зашуршали, на поляну выбежал молодой мужчина в серой форме немецкой пехоты. Его сапоги были заляпаны грязью, а штаны и шинель облеплены желтыми вперемешку с красными листьями. За руку он держал маленькую девочку, лет шести от роду, одетую в ситцевое платьице и чулочки, в руках у нее был плюшевый мишка, незаменимый друг любого ребенка.

– Heilige Mutter Gottes, losgelöst ^{1!} - пробубнил себе под нос солдат. Его рука по-прежнему держала девочку, от чего у той на глаза постепенно набегали слезы.

– Спокойно, kinder², я nicht³ обижать тебя. Я хороший солдат, спасал dich⁴.

Хватка ослабла, девочка резко дернула рукой и отбежала от мужчины на пару шагов. Однако тут же споткнулась и приземлилась на коленку. Немец поднял ее, отряхнул и собрался было снова взять за руку, как девочка заговорила:

– Дядя немец, а где моя мама? Почему мы убежали без нее?

И тут чередой воспоминаний туманом застелила глаза солдату, мельком проносились обрывки фраз лейтенанта и сослуживцев, выстрелы и крики женщин, запах шнапса и горелого сена. Огонь... Много огня, а дальше стоны боли и ужаса. Сердце закололо, дыхание участилось. Солдат не любил огонь...

– Дядя, вам плохо? – раздался звонкий голос девочки, выводя немца из оглушения.

– Nein, es ist in Ordnung⁵. Пойдем, мы müssen⁶ уходить. Здесь nicht безопасно.

Крепкая рука опять взяла девочку за запястье, и они вместе пошли по лесной просеке, думая каждый о своем, не задавая лишних вопросов.

К вечеру дорога привела их к небольшому ручью, утолив жажду, они собрались было переходить вброд, но гул самолетных двигателей прервал их план.

– Ложись, – сказал немец, накрывая девочку своей шинелью и переноса ее поближе к деревьям с размашистыми кронами.

– Intelligenz wird ausgeführt, Sie wollen angreifen⁷, – раздался тихий шепот, служащий скорее констатацией факта, нежели попыткой завести разговор. Удивительно, что девочка будто поняла смысл сказанного на чужом языке.

– Они за нами придут, дядя? – пропищала малышка.

– Nein⁸, – замахал головой немец. – Они искать танки. Надо идти.

¹ Святая Богородица, оторвался (нем).

² Ребенок (нем).

³ Не (нем).

⁴ Тебя (нем).

⁵ Нет, все в порядке (нем).

⁶ Должны (нем).

⁷ Разведку проводят, наступать будут (нем).

⁸ Нет (нем.).

Путь продолжался бы и дальше, однако ночь все быстрее вступала в свои права. Вскоре вместо деревьев и кустов остались лишь черные силуэты, а ветер время от времени заводил свою мерзкую и хриплую оперу. От пережитого стресса девочка спала непробудным сном на плече у своего спутника, а тот, в свою очередь, не мог даже думать об отдыхе. Одна из причин – это ответственность за жизнь другого человека, пусть и незнакомого. Но была и другая, доминирующая над первой. Каждый раз, когда немец закрывал глаза, в его голове начинали роиться несчетные мысли. За доли секунды воображение создавало все более пугающие картины, везде был огонь... Тот самый, который преследовал беднягу постоянно, убивал в нем человека, превращал в загнанного в угол зверя, знающего свою участь, но продолжающего биться в агонии.

Ему было четыре, когда пожар в доме унес жизнь его брата и сестры. Когда исполнилось восемь, его отец был зарезан, ограблен, облит бензином и сожжен. Убийцы были пьяны. А в тринадцать сам немец чуть не стал жертвой пламени. Огонь преследовал его всегда. Паническая боязнь этой стихии со временем угасла, но начавшаяся война вновь раззадорила ее. Рейх нуждался в солдатах, а страх перед огнем не был причиной не идти на фронт. Вскоре немец оказался в 61-м пехотном полку 7-й дивизии вермахта. Пройдя через Францию и Бельгию, казалось, он увидел все ужасы войны, но это была ошибка. К июлю 1941-го 61-й полк оказался на юге Белоруссии, огромное количество взводов было направлено на захват мелких поселков и деревень, поиск продовольствия и топлива. Немец в звании фельдфебеля санитарной службы получил приказ присоединиться к 16-му взводу, оккупировавшему безымянную деревню неподалеку. Однако лучше бы он умер...

Еле заметная тропинка вывела солдата к чуть покосившейся от времени хатке. Однако она не пустовала – в ней горел свет! Аккуратно уложив спящую девочку на крыльцо, он собрался было уходить, но свист сзади и упершееся в голову дуло не позволили ему даже развернуться.

– Вот те на! Немчура в такой глуши. Не дергайся, паря, я стрелять не больно-то хочу, но если понадобится – шмальну.

– Я nicht собираться вредить. Я принести kinder, спасти от немцы. (Далее на немецком.)

– И зачем же тебе ее от своих же и спасти? Что-то ты скрываешь.

– Откуда вы знаете немецкий?! Я все мог...

– Откуда надо! Я еще раз спрашиваю, что ты в глуши лесной за был? Шпионишь небось?

– Я дезертир. Убежал из деревни с этой девочкой. Не смог... Не смог оставить ее. Отпустите меня, я уйду сразу же, только не стреляйте!

– Успокойся, я в безоружных не стреляю, не то что вы, чертовы оккупанты. Повернись хоть, дай посмотреть на тебя.

Холодный металл перестал касаться затылка, немец повернулся и увидел перед собой невысокого мужчину с седыми волосами и шрамом через правую щеку и глаз. На вид ему было не больше пятидесяти. Еще одной отличительной особенностью мужчины было полное отсутствие русского акцента. Каждое немецкое слово произносилось правильно и четко.

– Чего стоишь? Бери девчонку и заходи в дом, я вернусь через несколько минут.

Из уст мужчины эта фраза прозвучала как приказ, отчего немец невольно захотел встать по стойке смирно. Однако невежливо отказываться от приглашения. Через пару минут девочка оказалась на кровати в доме, а солдат – на кухне. Его взгляд бегал между двумя табуретками и кухонной утварью, сложенной кучей на столе. Не решаясь сесть, он продолжал стоять в дверном проеме до тех пор, пока не пришел мужчина.

– Бери табуретку и садись. Говорить с тобой будем. Долго, – слышался из-за спины хриплый голос. – Самогонку будешь?

– Буду.

– Правильный ответ! Я Николай Степаныч, но ты называй Клаус. Все так зовут... А ты кто?

– Я не помню... Кто я сейчас?

– Дезертир, очевидно, но вот по какой причине ты стал им, мне интересно. Расскажешь? Ты выпивай, так полегче станет.

Немец залпом опорожнил полстакана, в горле запершило, а по телу разлилось приятное тепло. Переживания чуть отступили, но вскоре ему придется окунуться в них снова. Началась история...

После прибытия в безымянную деревню он стал обследовать всех бойцов на наличие ранений и других недугов. Здесь им предстояло задержаться ненадолго, на подходе был танковый батальон, вместе с ним пехоте предстояло прорываться дальше по территории Белоруссии. Первое, что удивило немца, это то, с каким презрением бойцы относились к мирному населению. Отовсюду были слышны выкрики: «Русская свинья», «Урод», «Грязный ублюдок». К вечеру офицерский состав стал отмечать начало войны на Восточном фронте. Запах шнапса разлетелся по всей деревне, то и дело раздавался хохот. Но немец не пил с ними. Сказав, что пойдет спать, он на самом деле уселся за старым сараем, пытаясь разглядеть в густой тьме что-либо необычное.

Чья-то рука коснулась его плеча, от неожиданности немец дернулся, но успокоился, увидев, что это обычная женщина.

– Вы врач? Моему ребенку нужна помощь! Умоляю вас!

Немец поднялся с сырой травы, взял медицинскую сумку и пошел спасать чью-то жизнь.

Пройдя в дом, он сразу же насторожился от запаха крови, постепенно усиливающегося. На кровати лежал подросток лет четырнадцати, точнее, что-то похожее на него. Все тело было в кровоподтеках, правая рука вывернута в локте, ребра, судя по неравномерному поднятию грудины при вдохе, были сломаны. Лица как такового не было. Вместо него была одна большая рана, внутри которой еле прослеживались рот и глаза, наполненные животной болью и мукой. Немца замутило, рвота подступила к глотке, но не от вида крови или увечий, а от осознания того, как эти травмы были получены. Мальчика били, били нещадно, били без разбора, куда придется. Надев перчатки, немец попытался обработать хотя бы раны на теле, но, наклонившись, пересекся взглядом с подростком. Некогда голубые глаза приобрели все более красный цвет, рот изогнулся в попытке произнести слово, но запекаясь кровь помешала открыть его. Он умрет в течение нескольких минут, спасти никак не удастся. Только обезболить. Немец открыл сумку, вынул пузырек с прозрачной жидкостью и шприц. Морфий. Помочь избавиться от невыносимой боли – единственное, что может сейчас сделать беспомощный врач. Набрав шприц, он аккуратно ввел его содержимое в руку подростка. Рот исказила гримаса, изображающая что-то среднее между радостью и печалью. Глаза закрылись, грудь все медленнее подымалась, пока не замерла вовсе. Пульс перестал прощупываться, пациент умер...

Немец не помнил, как выходил из дома, глаза застилала пелена из слез. Бредя почти что вслепую, он вскоре наткнулся на дом, в котором праздновали офицеры. Сейчас там было тихо. Рука потянулась к двери и тихо отворила ее. В сенях лежало пьяное тело, принадлежавшее унтер-офицеру, в дальней комнате расположились остальные пятеро, включая лейтенанта. На столе среди пустых бутылок стояла свеча. Ее огонек весело сверкал во тьме перед немцем, приглашая его присоединиться к веселому и беззаботному кутежу. Прежде боявшийся огня, солдат впал в транс. Лицо обдало жаром, немец поморщился. Глаза уже привыкли к темноте, теперь, помимо одинокой свечки, его внимание привлекал другой предмет – нож. Мысли все сильнее давили, плодясь в его бедной голове. Когда увидел свое отражение в лезвии, пазл из мыслей собрался окончательно. Нужно бежать...

Раздумья прервал скрип входной двери. Кому-то не спится... Перехватив нож поудобнее, немец собрался было напасть на незваного гостя, но в сенях стояла всего лишь маленькая девочка, сверкающая своими глазенками. Жестом показав ей не шуметь, солдат вышел с ней на улицу, все еще держа нож в руке.

– Дядя немец, где моя мама? Ее увели в этот дом, и она не вернулась.

– Я найду твою mutter. Ты иди спать, – он показал сложенные ладони под щекой и хрюкнул, изображая храп. Девочка хихикнула.

– Вы смешной, не злой, как другие дяди! – прошептала она. – Но я останусь здесь, пока вы не найдете мою маму!

Причинить вред беззащитному ребенку немец не мог, а пытаясь увести ее насильно, можно разбудить всю деревню. Пришлось отправиться в дом на поиски. На кухне немец увидел очередное тело. Только на этот раз не пьяное, а мертвое. У женщины была разодрана одежда, на скулах кровоподтеки, а на шее отчетливый синий след от руки. Ублюдки задушили ее. Нож, до сих пор сжимаемый в руке, снова блеснул от огня свечки и отразил лицо немца.

– Спокойной ночи, зверье, – прошептал он.

Смоченные слюной пальцы потушили свечу...

Ночь тихая – ни один куст не шелохнется, только сверчки изредка цыкнут где-то в траве. Все спят, спят крепко и сладко: кто-то на полу, кто-то на сене, но шестеро офицеров уснули навсегда. Две темные фигуры: одна высокая, а другая – маленькая удалялись от деревни и вскоре окончательно растворились в ночной тьме.

– Вот значит, как... Дерзко, но правильно. Молодец, что не бросил ее.

– Я не имел права, она ведь ни в чем не виновата...

– Ты закусывай, закусывай!

– Хорошо. Клаус, расскажи теперь о себе.

– Мне и рассказывать-то нечего. Пятьдесят два года, жены, детей, родственников нет. Дед был немцем, служил при дворе Александра III, отсюда немецкий и знаю. Научил он меня ему, говорил, в жизни пригодится. Позже работал писарем в канцелярии. Как Первая мировая началась, добровольцем пошел на фронт. Там был ранен и ослеп на один глаз. Когда домой вернулся, меня прозвали Клаусом, я и против не был. А как вы напали, в глушь отправился. Наш-то город прямо на границе с фронтом, боялся, если захватите, то полицаем сделаете. Вот в лесу и живу уже месяц. Ружье есть, дичь тоже. Протяну...

– Опасно здесь, очень скоро наступление будет, нужно уходить.

– Нет, никуда я не пойду. Нужно будет, руками задушу нацистскую гадину, а потом пулю себе в лоб. Ну, не будем о грустном. Переночуйте у меня.

– Хорошо. Спокойной ночи.

Немец вышел из кухни, но вдруг остановился в проеме и обратился к мужчине:

– Да, еще кое-что. Можешь звать меня Немец.

Ночь прошла спокойно, чего нельзя сказать об утре. Обитателей дома разбудил шум двигателей. Наступление немцев в самом разгаре... Похмелье сняло как рукой. Немец забежал в комнату к девочке, взял ее на руки и вышел на улицу. Клаус уже заряжал свое ружье, попутно роясь в вещмешке.

– Держи, тебе пригодится, – сказал он, протягивая Немцу пистолет и гранату. Люгер 9-миллиметровый, наградной, с выбитым именем на рукоятке, и дополнительный магазин. – Этого, конечно, мало, но лучше, чем ничего. Идите.

– Спасибо, Клаус, спасибо за все. Прощай.

Они пожали друг другу руки, в последний раз встретились взглядами и расстались навсегда. Девочка не проронила ни единого слова. Ей было слишком страшно, чтобы что-либо говорить. Через несколько минут прозвучали первые выстрелы: сначала из ружья, затем из винтовок и автоматов. Прогремело два взрыва, а после них – тишина. Через секунду ружье выстрелило в последний раз. Бой был окончен, но наступление продолжалось.

Задыхаясь от бега, Немец то и дело спотыкался, чуть ли не падая, но продолжал нести драгоценный груз, преодолевая себя. Кочка прервала его усилия. Стараясь упасть боком, он вывернул лодыжку из сустава, кувыркнулся и потерял сознание.

В его сне не было ничего кроме забора из колючей проволоки, за которым сидел солдат в немецкой форме рядом с множеством мертвых тел. Он качался из стороны в сторону, то ли смеясь, то ли плача. Немец подошел поближе, и узник моментально кинулся на забор. В его глазах горел огонь, а лицо выражало животную ненависть и злобу. Мерзкий волчий оскал не сползал с лица, пары зубов не хватало, но это не мешало безумцу улыбаться во всю ширь. Немец смотрел сам на себя...

– Привет, – прошипел он, – я жаждался тебя, то есть себя. Неважно, проходи, повеселимся!

Солдат, не задумываясь, выхватил пистолет и выстрелил сумасшедшему в голову. Огонь в глазах того быстро потух, исчез оскал.

– Я никогда не стану тобой... Ты чудовище, зверь... Ничтожество...

Постепенно он приходил в сознание. Девочка плакала и колотила своими маленькими ручками по его груди. Он попытался встать, но тут же припал к земле. Лодыжка не просто вывернута, она сломана.

Здесь путь и окончится. Тем временем гул двигателей все сильнее давил на уши, казалось, из-за соседнего дерева сейчас выедет бронемашина с солдатами. Девочка висела на шее у Немца. Ясно, что она никуда не уйдет. Придется принять этот неравный бой...

Послышались фразы на немецком. Рука потянулась к пистолету, сняла его с предохранителя.

– Восемь, – подумал Немец. – Как там говорят русские? «Двум смертям не бывать а одной не миновать»? Да, что-то такое.

Девочка уже спряталась за спиной своего спасителя. Гул невыносимо давил на барабанные перепонки. Из-за сосны показалась чья-то голова. Выстрел... Прямо в цель!

– Семь, – прошептал Немец

Следующие выстрелы он не запомнил, какие-то попадали в противника, а какие-то лишь царапали кору на деревьях. Магазин закончился... Очередь из автомата прошла его живот. Кровь ручейками потекла изо рта. Раздался плач, но вторая очередь прервала его практически моментально. Сознание Немца угасало, последнее что он успел сделать – открутить крышку гранаты. Подошедшие нацисты были уверены в его смерти. Пальцы дернули шнур, граната взведена.

– Прости, прости за все, – обращался Немец к уже мертвой девочке. Слезы текли из его глаз.

– Мне жаль, что я был одним из вас, гнусные звери – прошептал он подошедшим солдатам. Граната сдетонировала...

P.S. Нацисты вероломно вторглись на нашу землю, принося лишь горе и слезы. Война, длившаяся четыре года, унесла несчетное количество жизней как солдат, так и мирных жителей. Нацизм – это зло, но не каждый немец становился нацистом. Например Оскар Шиндлер, нацист, спасший несколько тысяч евреев во время Холокоста. А сколько еще неизвестных солдат и офицеров ушло в подполье, чтобы остановить Рейх – безумного зверя, жаждущего крови. Эти люди заслуживают уважения. Они победили зверей внутри себя, не потеряли лицо и помогли другим. Как говорил Ф.М. Достоевский: «В самом деле, выражаются иногда про «зверскую» жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток».

Василенко Арина Андреевна
11 класс

Наставник – Ивашева Ирина Ивановна,
учитель русского языка и литературы

Средняя общеобразовательная школа
при Посольстве России в Бельгии

Память – продолжение ЖИЗНИ

*Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.*

*Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.*

А. Твардовский

Я редко заходила к бабушке. С каждым годом времени становилось все меньше и меньше, а на простое «привет» вскоре и вообще не осталось. Я помню, как в детстве радостно вбегала в старенькую квартирку и обнимала ее. И вот я снова иду по узким и разбитым улочкам между домов. Уже показался небольшой сад, который с особым трепетом высаживала возле дома бабушка. Я поднимаюсь по лестнице старой пятиэтажки, подъезд которой пропах сыростью, но даже в этом запахе есть что-то родное. На пороге квартиры я нежно обни-

маю самого близкого человека. Бабушка, по своему обыкновению, начинает хлопотать, расспрашивает об учебе, даже не ожидая никакого ответа: ей просто в радость наконец встретиться с любимой внучкой. Мы вместе проходим в гостиную, где до сих пор сохранилась старая советская мебель со стеклами, за которыми красовался фарфоровый сервиз. Над пухлым диваном висит все та же пыльная картина Шишкина «Мишки в сосновом бору», а рядышком разместился старинный комод, потемневший от времени. Мой взгляд остановился на фотографиях, которые стоят на комод. Все люди на них были мне знакомы, кроме одного человека. Это мужчина лет сорока, в старой одежде, но с широчайшей улыбкой. Сама фотография мятая, с обгоревшими краями.

– Бабушка, это кто на фотографии? – удивленно спросила я.

– Это, внученька, – бабушка тяжело вздохнула, взяла в руки фотографию, а затем присела рядышком на диван, – это мой отец, а твой прадедушка. Герой нашей семьи.

Прадедушка? Странно, что я никогда до этого не слышала ничего о нем, не имела ни малейшего представления о его подвигах. Я снова начала расспрашивать бабушку, сгорая от нетерпения узнать больше.

– Пожар тогда погубил все вещи, что были в доме. Но знаешь, что, внученька, никогда не сгорает? Память. Она остается навеки.

Бабушка провела дрожащей рукой по старой фотографии, разминая обгоревшие края, а затем закрыла глаза. Она дотронулась до моей руки, а затем крепко-крепко сжала ее. Мгновение... и мы очутились уже не в уютной старенькой квартирке...

Ночь. Глубокая воронка от снаряда. И два человека. Их лиц почти не видно, но зато слышны тяжелые вздохи лежащего и то, как второй пытался хотя бы словами облегчить страдания своего товарища. «Держись» и «прорвемся» отчетливо вырывалось из уст мужчины, а умирающий лишь только кивал, тихо постанывая. Их голоса заглушал свист пуль, что сыпались дождем на несчастных окруженных, но те держались до последнего. Вскоре затихли и стоны. Мужчина еще раз глянул на уже бездыханное тело товарища, а затем начал выбираться из воронки под градом пуль. Вот показался лес, единственное место, где можно было затеряться, скрыться от врагов, но молодой человек не успел. Свет фонаря. Крики немцев. И снова темнота. Мгновение... Страх, ужас... боль! И перед глазами – концлагерь, что был переполнен мукой и унижением солдат, мирных жителей, матерей и детей. Лютый голод и рабский труд. Тысячи людей жались в переполненных бараках, спали стоя, особо ловкие забирались под крышу, чтобы не быть растоптанными. Затем снова все мелькнуло короткой вспышкой,

и вот уже виден холм и бегущий худой солдат, что под покровом ночи вырвался прочь из адского места. Австрия, Чехия, Польша, Белоруссия – страны сменялись одна за другой, сотни километров летели как один, а солдат бежал, уповая лишь на доброту встречавшихся ему людей. Так и случалось. Неравнодушные делились с босым солдатом хлебом, кто-то отдавал старые вещи, пытаюсь оказать хоть какую-то помощь сбежавшему. Прошли месяцы, когда мужчина добежал до Украины, где принял решение продолжить сражаться и приближать победу страны над жестоким врагом, который терзал родную землю и глумился над ней.

События снова замелькали перед нами, быстро сменяя друг друга. А затем крик... Но это был не страшный крик, полный горечи и потери. Это были возгласы, переполненные счастьем, что наконец закончились страшные годы. Долгожданная победа! И вот солдат стоит на пороге родного дома, живой... А имя тому солдату – Коломыц Иван Дмитриевич.

Бабушка отложила фотографию в сторону. На ее глазах были слезы от всех воспоминаний, что пришлось снова потревожить и пережить. Я посмотрела на бабушку, а затем крепко-крепко ее обняла.

Теперь каждый раз, когда я прихожу к ней, смотрю на ту самую обгоревшую фотографию. Но с нее мне улыбается не незнакомец, а родной человек, один из миллионов героев нашей страны. И я горжусь им!

**Розумейко Виктория
Евгеньевна
10 класс**

Наставник – Рожкова Наталья
Викторовна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная
школа № 13»

Ставропольский край

Василек

«Какая знакомая шкатулка», – подумал я, осматриваясь на чердаке бабушкиной дачи. В ней лежали какие-то бумаги, связанные старой потертой ленточкой. В этих бумагах затерялась черно-белая, пожелтевшая от времени, обломанная по краям фотография красивого статного мужчины в советской военной форме. Этот строгий, но в то же время ласковый и мягкий взгляд... Я когда-то его уже видел... Спустившись с чердака, я отложил свою находку на вечер, чтобы спокойно ее рассмотреть.

В двенадцатом часу, когда в доме воцарилась полная тишина, которую прерывало лишь тихое сонное сопение членов семьи, я заварил себе чаю, уселся за стол и осторожно взял в руки шкатулку. С веревочкой возиться не пришлось: время сделало свое дело – от легкого прикосновения она рассыпалась. Стопка, как я считал, непонятной бумаги на самом деле оказалась настоящим сокровищем. Это были аккуратно сложенные и завернутые в пожелтевшую бумагу фронтовые письма-треугольники. Я даже не знал, за какое взяться. Мне казалось, что только я к ним прикоснусь – и они сразу развеются как пыль на ветру. Затаив дыхание, я осторожно взялся за уголок одного из писем, развернул и принялся читать. Письмо было написано химическим карандашом, каждая буква была выведена старательным, четким, но твердым мужским почерком. Некоторые буквы были размыты: вокруг них были заметны чернильные разводы химического карандаша. Это следы от слез, читавших эти письма...

«Моя голубоглазая Мила! Посылаю тебе василек... Представь себе: идет бой, кругом рвутся вражеские снаряды, оставляющие после себя глубокие воронки... А здесь, на изрытом металлом островке земли... растет цветок... И вдруг – взрыв... Василек беспомощно повис вниз головой... Я его поднял, согрел в руках, положил в карман гимнастерки и в пылу боя забыл о нем. Вечером к нам на передовую приехала фронтовая бригада. Девушки-артистки звонко пели знакомую до слез песню:

Что ты, Вася, приуныл, голову повесил,
Ясны очи замутил, хмуришься, невесел?
С прибауткой-шуткой в бой хаживал, дружочек,
Что случилось вдруг с тобой, Вася-Василечек?
Ой, милоч, ой, Вася-Василек! Эх!

И тут я вспомнил о васильке в кармане гимнастерки. Он уже завял. Аккуратно положил я его между страницами книги, а сам все ходил и думал о судьбе этого полевого цветка... Цветок рос, тянулся к солнцу, но его сорвало взрывной волной, и, если бы я его не подобрал, его бы затоптали солдатские сапоги: война... Тут неожиданная мысль пронзила меня... Я понял, понял, доченька, что папа будет биться с фашистами до последней капли крови, до последнего вздоха, чтобы фашисты не поступили с тобой так, как с этим беззащитным цветком. Люблю тебя, мой прекрасный василек. Твой папуля».

Мила... Мила Дмитриевна... Бабуля Мила... Это же моя бабушка, совсем недавно она ушла из жизни. Я улыбнулся. Слеза прокатилась по моей щеке, оставляя за собой горячий след. Я вспомнил, кого напоминали мне этот строгий, но ласковый взгляд, статная фигура и добрая улыбка военного с пожелтевшей фотографии.

В памяти высветилось улыбочное лицо бабушки, вспомнилась ее любимая прибаутка:

Не к лицу бойцу кручина, места горю не давай.
Если даже есть причина, никогда не унывай.
Места горю не давай, никогда не унывай, не унывай!

А вот и ее ласковое обращение ко мне: «Ой, милоч, ой, Вася-Василек!» Теперь я понял, почему меня называли Василием. Понял, почему отец при любой возможности привозил бабушке букетик полевых васильков, а старенькие обои с нежными васильками в ее комнате отец и сейчас не разрешает переклеивать.

Я отложил письмо в сторону и принялся читать следующее, а за ним еще и еще. Некоторые даже припомнил: бабушка иногда читала мне их наизусть перед сном, когда я был совсем маленький. Помню улыбку на ее лице, помню, как блестели ее покрасневшие от слез гла-

за. Помню, с какой любовью она собирала васильки летом на даче, тогда я этого не понимал, а сейчас понял, как они были ей дороги. И до того мне стало тепло и в то же время тоскливо, что, казалось, сердце вот-вот не выдержит и лопнет.

Я не заметил, как просидел за письмами всю ночь. Спать не хотелось. Включил телевизор. Ансамбль песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова исполнял песню С.Я. Алымова и композитора А.Г. Новикова «Вася-Василек»:

Нынче больно – не тужи, завтра твой денечек,
Выше голову держи, Вася-Василечек.
Ой, милоч, ой, Вася-Василек! Эх!

**Мохнаткина Диана
Владимировна
11 класс**

Наставник – Козьмина Наталья Васильевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Пинежская средняя школа № 117» муниципального образования «Пинежский муниципальный район»

Архангельская область

Неуловимый образ

15 июня 1941 год

Мне еще 14, а ты на целых три года старше! Сегодня моему брату исполнилось 17 лет. Ты стал совсем взрослым, закончил школу и мечтаешь прославиться на всю страну. Родители только еле заметно улыбаются, а я всегда восторженно слушаю все твои планы и надеюсь, что когда-нибудь стану похожим на тебя. Высокий рост, темные вьющиеся волосы и невероятно точно передающие твоё настроение глаза. Ты очень похож на папу, могу поспорить, что к 45 тоже отрастишь усы, став почти его отражением!

20 июня 1941 год

Какое все-таки прекрасное время года – лето! Можно купаться, загорать и гулять, правда, тебе разрешают веселиться намного дольше, ведь ты старший... Хотелось бы мне хоть на день стать старшим братом и послужить примером для тебя!

22 июня 1941 год

Сегодня по радио передали о нападении германских войск на нашу страну. Мне трудно в это поверить. Мама постоянно плачет. Отец безостановочно измеряет квартиру своими длинными, но уже не очень уверенными шагами. Ты заперся в собственной комнате и отказываешься разговаривать со мной даже через белую, еще пахнущую свежей краской дверь.

Через пару часов, проведенных в подобной обстановке, мама, до этого сидевшая на диване в гостиной, нашла в себе силы позвать нас ужинать, наливая в глубокие тарелки вчерашний суп.

Ели молча. Мне кажется, находиться на кухне в этот момент было физически тяжело. Тиканье настенных часов и постукивания ложек об посуду сливались в один долгий, тягучий, пронизывающий тишину звук.

После ужина все опять повторилось по новой: широкие шаги, запертая дверь, только мама уже не плакала, а просто изучала своими воспаленными от слез глазами незамысловатый узор кухонных стен.

23 июня 1941 год

Громкий, стремительно набирающий обороты разговор вынуждает меня проснуться, а тонкое и слишком легкое одеяло не служит желаемым укрытием от шума. Мамин звонкий голос стеклянным скрипом проникает прямо в ушную раковину. В грубом отцовском боссе, вероятно, впервые за жизнь слышится предательская дрожь, перекрывающая ценность всех сказанных утешений.

– Ты мне здесь, дома, нужен! Границу другие защитит смогут, а нас с мальчиками кто защитит? Миша, я прошу тебя, подожди хотя бы пару недель! Ты ведь учитель – НЕ ВОЕННЫЙ! Ты оружие ни разу в жизни в руках не держал! – кричала мама, наверняка опять плача.

– Научат... Не волнуйся.... Все будет хорошо.... Я обязательно вернусь... Дети уже взрослые, они тебя, себя тем более, в обиду не дадут, – сказал отец четко, ясно, исключительно по делу – все в его духе.

И снова резко раздался гул стеклянных завываний.

Уже через пару секунд я, сильно растрепанный после сна, стоял в небольшом, плохо освещенном коридоре и внимательным взглядом изучал собственного отца, в тот момент казавшегося совершенно чужим: худое скуластое лицо с перекошенным от невозможности выразить какие-либо эмоции ртом слишком сильно напоминало неудачно сделанную гипсовую маску, а вся его фигура будто пропиталась холодом и отчуждением. Одет был до неприличия просто, в руках держал старый мешок из-под картошки, почти пустой.

Разговора с отцом, может быть, даже к счастью, не получилось. Через несколько минут обоюдного молчания он приблизился ко мне, протянул руку в знак прощания и вышел за дверь...

5 июля 1941 год

Уже почти две недели идет война. Почти две недели отец на фронте. Мама написала для него около десятка писем, каждое из которых осталось без ответа. Мне тяжело видеть ее в таком состоянии... Хорошо, что ты можешь оставаться спокойным и рассудительным, утешая нас, без тебя было бы не справиться.

12 августа 1941 год

С сегодняшнего дня на швейной фабрике, где работает мама, увеличили продолжительность рабочего дня для всех сотрудников на несколько часов. Неудивительно, сейчас не хватает всего: одежды, лекарств, рабочей силы и даже еды...

Ты целыми днями пропадаешь на улице в попытках помочь всем, спасти каждого, кто в этом нуждается.

28 сентября 1941 год

Через несколько дней по нашему адресу наконец доставили грязно-белый треугольник, сложенный из бумажного листа средних размеров. Развернув незамысловатую конструкцию, мы прочитали всего лишь три слова, выведенные знакомым, вытянутым в длину почерком: «Все хорошо. Скучаю».

Но даже такое немногословное и сухое послание от дорогого человека невероятно приободряет.

17 ноября 1941 год

Сегодня ты вернулся домой намного раньше обычного. Торопливо снял верхнюю одежду и решительными шагами подошел ко мне.

– Я пойду добровольцем. Мне 17, имею право, – отчеканил так, будто досконально продумал предстоящий разговор вместе со всеми моими репликами.

– Мама знает? – глухо спросил я.

– Еще нет. Я оставлю ей письмо, не смогу сказать лично... Не выдержу ее слез снова... Там я полезнее буду, чем здесь... – сыпал отдельными фразами ты, после чего резко повернулся на 180 градусов и направился в свою комнату, явно не желая продолжать очень непростой, но слишком необходимый диалог.

Через минут 20 ты вышел: так называемая рабочая одежда, мешок и неровно, максимально коротко остриженные, вероятно, кухонными ножницами, кудри. Аккуратно прикрепив над большим круглым зеркалом, висящим у входной двери, свою записку, ты молча покинул квартиру, как отец пару месяцев тому назад...

Обнаружив оставленное послание и прочитав его, мама не кричала и не плакала – она тихо сидела за обеденным столом, пока слезы из ее глаз крупным градом скатывались на злополучный лист бумаги, превращая буквы в чернильные пятна.

25 февраля 1942 года

Мама очень сильно похудела, она много работает, почти не ест и с нетерпением ждет писем от вас. Мне страшно, но я уверен, что с тобой и папой все в порядке.

23 августа 1942 года

Нам опять доставили бумажный треугольник, отличавшийся от прошлого лишь немного другим оттенком используемой бумаги.

«Ваш муж Токарев Михаил Александрович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит в августе 1942 года». Быть такого не может... Внутри что-то рухнуло, а в горле резко образовался ком...

2 декабря 1942 года

Маме стало совсем плохо. После получения похоронки на отца она окончательно превратилась в живого мертвеца: огромные синяки под глазами, все руки в глубоких царапинах, она почти всегда мерзнет, отказывается от еды и часто рассматривает старые фотографии в семейном альбоме, при этом тихонько плачет. Она полностью опустошена и физически, и морально.

26 марта 1943 года

Мама умерла две недели назад... Получается, теперь только мы есть друг у друга.

Скорее бы встретить тебя опять. Надеюсь, у тебя все хорошо.

7 июля 1944 год

Весь прошлый год я проработал в госпитале для тяжелораненых солдат: менял простыни, перевозил больных из одной палаты в другую. Персонал работает достойно, упорно борясь за жизни людей! Когда закончится война (здесь говорят, что до нашей победы осталось совсем немного), ты обязательно должен попробовать выучиться на врача!

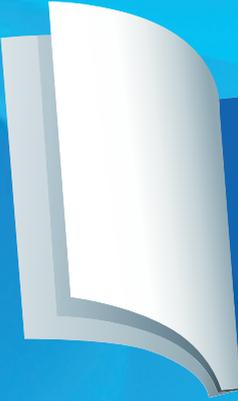
9 мая 1945 год

Победа! Наша победа!

15 июня 2001 года

Замечательный солнечный летний день. Ты невероятно много сделал для нашей победы и прославился на всю страну благодаря своему упорству и истинному патриотизму! Родители бы очень гордились своим сыном!

Так жаль, что мы с тобой не смогли встретиться, жаль, что провели так мало времени вместе. Мне уже 74, я отрастил усы и сам удивляюсь схожести с нашим отцом. Сегодня, 15 июня 2001 года, моему старшему брату снова 17 лет...

ПРИЗЁРЫ В 4-Й КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

**Селезнева Ирина
Александровна
I курс**

Наставник – Пальчикова Елена Васильевна, заместитель директора по воспитательной работе

Тамбовское областное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Котовский индустриальный техникум»

Тамбовская область

Солдатские имена, открытые поиском

*Мы извлекаем Память из земли,
Останки тех героев, что легли,
Легли в сырую землю, в тишину,
Закрыв свою грудь всю страну.
Леонид Кульматов*

Аллея Бессмертного полка в Парке воинской славы – святое место для котовчан. С портретов солдат Великой Отечественной войны смотрят на нас лица молодых ребят, не пришедших с полей сражений, смотрят и лица седовласых ветеранов, возвратившихся с Победой домой. Девять Героев Советского Союза воспитала и вырастила Котовская земля, а сколько мы еще не знаем имен безвестных героев, которые, совершив свой подвиг, пропали без вести, сгинули в фашистских лагерях, погибли в партизанском подполье...

Все дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, но память не дает нам забыть, она вселяет в нас веру, придает нам силы, предостерегает и призывает... Память о погибших в Великой войне приводит нас в поисковые отряды.

Будучи студенткой, я познакомилась с деятельностью поискового отряда имени Героя Советского Союза А.Р. Посконкина, который действует на базе нашего Котовского индустриального техникума, познакомилась и поняла – мое место здесь, среди этих сильных ребят, для которых чувство долга – не пустые слова...

За плечами поискового отряда ежегодное участие во Всероссийской Вахте памяти, десять экспедиций на места боев Великой Отечественной войны, среди которых экспедиции в Ленинградскую, Ростовскую области, Республику Крым; сотни поднятых и перезахороненных с воинскими и христианскими почестями солдат и офицеров Красной Армии, десятки установленных судеб и только единицы найденных родственников...

Как помочь солдату найти «путь домой, в семью, на родину», из печальных сводок «пропал без вести» перейти в разряд «погиб, защищая Родину на N-ском направлении». Именно этой очень нужной и важной работой занимается общественная приемная «Судьба солдата», действующая на базе нашего поискового отряда.

Листаю страницы с именами солдат, пропавших без вести: Ерохин Дмитрий Степанович, Корнеев Петр Ильич, Баранов Михаил Федорович... – всех их искали когда-то мать, жена, сын, дочь, а теперь ищут правнуки, ищут поисковики. Ведь каждый из них хочет установить судьбу пропавшего без вести, гордиться своим героем прадедом, который в годы тяжелых испытаний для страны встал в ряды ее защитников.

И вот мой первый поиск – судьба летчика Николая Саранова и техника по вооружению Михаила Бармина, погибших в районе аэродрома на станции Платоновка Рассказовского района Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны.

Сначала изучаю материалы о летчиках на официальных сайтах «ОБД «Мемориал», «Память народа», по крупицам собираю сведения о мужественном экипаже самолета, затем вместе с поисковиками отправляюсь в поселок Зеленый Рассказовского района и в сельском парке нахожу памятник, посвященный летчику Николаю Ивановичу Саранову и технику по вооружению Михаилу Васильевичу Бармину. Мы возлагаем цветы и затем молча стоим у обелиска.

Основной поиск завершается, и скупые строчки ложатся на бумагу: Саранов Николай Иванович родился в декабре 1915 года в Сталинградской области. В 1934 году, окончив фабрично-заводское училище, поступил в Сталинградскую военную школу летчиков. В архивных документах написано, что служил летчиком, затем командиром звена.

В первый год Великой Отечественной войны Николай Иванович закончил Военную академию командного и штурманского состава Военно-воздушных Сил Красной Армии. В октябре 1942 года лейтенант Саранов прибыл для дальнейшего прохождения службы в 24-ю авиационную дивизию дальнего действия. 15 января 1943 года, получив задание по бомбардировке окруженных фашистских войск в районе Сталинграда, его Ил-4 в сложных метеоусловиях потерпел катастрофу, а летчик, старший лейтенант Саранов Николай Иванович, погиб.

А вот что удалось узнать о судьбе старшины Бармина Михаила Васильевича. Михаил Васильевич родился тоже в 1915 году, но в Тверской области. В 1937 году был призван в ряды Красной Армии. С июля 1941 года в составе 24-й авиационной дивизии дальнего действия участвовал в боевых вылетах. В сентябре 1942 года старшина Бармин был награжден медалью «За боевые заслуги». В наградном листе читаем: «Старшина, техник по вооружению Бармин Михаил Васильевич обеспечил без отказов стрелково-пушечного вооружения свыше 350 боевых вылетов самолетов». В ночь с 27 на 28 декабря 1942 года старшина Бармин Михаил Васильевич погиб при бомбардировке фашистским самолетом "Юнкерс-88" аэродрома на станции Платоновка.

Мой поиск продолжается, ведь хочется найти родственников погибших солдат. И следующий этап поисковой работы – это запросы в Волгоградскую, Тверскую области, а пока я смотрю на портреты летчиков и думаю, ведь они были чуть старше меня, а так много сделали для Родины...

Приближается великий праздник – День Победы, а вместе с ним – шествие Бессмертного полка. И в четком строю шествия среди фотографий наших прадедов – защитников Родины мы понесем еще портреты солдат, судьбы которых были открыты поиском. Это те герои, которые почти через восемьдесят лет вернулись наконец домой с Победой! И я думаю, что если каждый из нас включится в поиск, установит имя и судьбу хотя бы одного неизвестного солдата, то тогда, я уверена, новые имена героев осветятся памятью, а подвиг станет бессмертным.

**Иванникова Вероника
Сергеевна
III курс**

Наставник – Калинина Татьяна Владимировна, учитель русского языка и литературы

Государственное профессиональное образовательное учреждение Тульской области «Болоховский машиностроительный техникум»

Самое обычное детство...

*Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей.*

Н. Тихонов

Существует мнение, что у войны нет лица, пола, возраста, что детство человека, совпавшее с войной, – это убитое, отобранное детство, а ужас и боль, испытанные маленьким человеком, меняют его судьбу навсегда.

Наверное, это так. Но все же случаи бывают разные. И как хорошо, что живы очевидцы страшных, святых дней Великой Отечественной войны, а мы можем узнать об их судьбе, их непростом детстве.

Один из таких очевидцев – Павел Иванович Шевченко, ветеран труда, житель города Богородицка Тульской области, родившийся в сибирской глубинке в далеком 1929 году.

В 1941 году ему было одиннадцать лет.

Война обрушилась на родную деревню неожиданно, в одночасье круто и навсегда изменив привычную жизнь. Мужчины ушли на фронт, заботы колхоза легли на плечи женщин и детей. Нужно было убирать урожай, пахать, сеять, косить, ухаживать за животными.

Первой военной осенью Паша Шевченко и его друзья возили зерно на подводах за сто километров от деревни в районный центр Камень-на-Оби (ныне село Панкрушиха). Там было зернохранилище.

В дороге мальчишки дважды останавливались на ночевку, но об отдыхе думать не приходилось. Прежде всего распрягали лошадей, осматривали их, кормили, спутывали... И только потом – похлебка у костра и интересные истории.

Трудно было в этих поездках одним, без взрослых. Но никто не жаловался. Не ныли даже тогда, когда тащили мешки к горлу элеватора по лестнице, поднимаясь на уровень современного пятиэтажного здания. Павел Иванович до сих пор помнит сорок одну ступеньку до цели... Так было тяжело. Но и гордость переполняла, потому что задания выполняли в срок, никогда не подводили свой колхоз.

Летом на детях лежала работа по ремонту колхозных построек, ведь страшные зимние бураны разрушали здания, ломали заграждения. Материалом для ремонта служила желтая глина с местных болот. Мальчишки перевозили ее в деревню, заливали водой в двухсотлитровых бочках, размешивали, доводя до нужной кондиции (помогали любимые кони, двигая по кругу специальное приспособление). А потом полученной смесью ребята заделывали щели в стенах.

Удивительно, но эта нелегкая, грязная работа была всем в радость. Хохотали друг над другом без злобы: ведь все были перемазаны глиной с головы до ног; иногда кидались этой самой глиной, устраивая шуточные бои. Но это были игры друзей. Страшных драк не было вовсе. Редким минутам отдыха дети были так рады, что не было мысли высмеять кого-то или еще как-то обидеть.

Зимой лично перед Пашей Шевченко стояла другая задача. Он возил муку за несколько километров от амбара до дома, где его мама Агафья Архиповна пекла хлеб для всего колхоза (запах этих хлебов, укрытых рушниками, Павел Иванович помнит до сих пор).

Любимый пес Моряк с удовольствием помогал своему хозяину. Запряженный в санки, он вез Пашку, барином возлежавшего на соломе. А обратно они уже вместе – мальчишка и верный пес Моряк – везли муку до дома.

Четыре мучительных года продолжалась война. Четыре года в дома Пашкиных односельчан шли не только добрые вести с фронта, но и похоронки – скорбные известия о погибших.

Евдокия, жена дяди Петра, ушедшего воевать, служила на почте, разнося по домам письма. Жители деревни – все родня друг другу, и живые, и погибшие. А те, имена которых стояли в похоронках, были роднее всех... Сердце Евдокии не выдерживало этой непростой доли – быть вестником смерти. Она рыдала вечерами, буквально сходя с ума.

Павел взял на себя эту горькую ношу: летом верхом, зимой в санях он объезжал окрестные села, доставляя людям почту.

Весной сорок второго года в Сибирь прибыли эвакуированные из Ленинграда. У Пашки появился друг – Ванька Питерский (так его прозвали местные ребята). Вместе мальчишки пасли колхозное стадо, в котором была корова Сова, отличавшаяся необыкновенно сонным видом и добрейшим нравом.

Ленинградец Иван постоянно страдал от голода, и Паша выдаивал у Совы для друга кружку молока прямо на лугу. Сова благосклонно позволяла это делать, видимо, понимая, как важно поддержать пережившего блокаду мальчика.

Много лет спустя оказавшись в Ленинграде, Павел Иванович отыскал друга военного детства Ивана.

– Иван, ты меня помнишь? – спросил Павел Иванович.

– Нет, не помню...

– А Сову помнишь?

– Сову?.. Помню!.. Пашка, ты!

Это была очень счастливая встреча. И воспоминания друзей о той тяжелой поре их жизни были светлые.

Прошло семьдесят семь лет со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Павлу Ивановичу сейчас девяносто три года. О детстве своем он говорит как о самом обычном, точно таком же, как и у многих его сверстников. Он не видит ничего героического в том, что они делали тогда. А ведь не было бы Победы без труда этих детей, сумевших вынести все, что легло на их плечи.

Уже много лет он живет и работает в городе Богородицке, но родная Сибирь не отпускает его сердце.

Активный и целеустремленный по натуре, Павел Иванович решил узнать судьбу своих земляков, погибших на фронтах минувшей войны. Началась серьезная поисковая работа, результаты которой ошеломили. Шесть неизвестных героев, похороненных в братских могилах Болохово, Тулы, Еловой, обрели имена, увековеченные теперь навсегда на мемориальных досках монументов. Оказалось, что земляки Павла Ивановича – отцы и братья его друзей детства – сложили головы, защищая Родину на Тульской земле. Так в судьбе человека соединились в одно целое два замечательных российских края – Сибирь и его новая маленькая родина – Тульский край.

На девяностолетний юбилей внуки подарили Павлу Ивановичу замечательный современный велосипед, на котором он с удовольствием разъезжает по улицам Богородицка, по лесным и полевым дорогам...

Пусть будет здоров Павел Иванович и живет еще долго. Судьба его – легенда. Пример нам, молодым. А мы постараемся честно трудиться и хранить свою страну так, как хранило ее поколение Павла Ивановича.

**Мокрушенко Валерия
Сергеевна**
III курс

Наставник – Быкова Ольга Викторовна,
преподаватель русского языка

Областное государственное
автономное профессиональное
образовательное учреждение
«Валуйский колледж»

Белгородская область

Бойцами были на войне, учителями были в школе

Мы с вами находимся в музее Валуйского колледжа. Сегодня, в день освобождения города, наша экскурсия посвящена одной из самых героических и трагических страниц в истории учебного заведения – Великой Отечественной войне.

Давайте же прикоснемся к истории и представим, как это было. 21 июня 1941 года... Выпускники и преподаватели собрались на торжественный вечер в зале. Сколько веселья, радости, шуток! Танцы до утра! А сколько планов на будущее! Они собирались посвятить свою жизнь самой мирной на земле профессии. Завтра они разъедутся во все уголки страны: кого-то ждут школы Хабаровского края, кому-то ехать в Молдавию, Белоруссию, кто-то в родных краях будет учительствовать. А утром они узнали, что началась война...

Перед вами фотография выпускников 1941 года. Самый большой довоенный выпуск. Вот Петр Волконитин. На фронте с первых дней войны. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Александра Невского за умелое руководство батареей и орденом Красной Звезды за личное мужество. Об этом свидетельствуют представленные здесь наградные документы.

А это Николай Полухин. Прошел с боями от Москвы до Берлина, был тяжело ранен. О своем военном прошлом рассказал в книге

«Тревожная юность», которую он подарил нашему музею. Прочитайте повесть, пройдите вместе с ее автором военными дорогами, почувствуйте то, что чувствовал он: горечь отступлений и поражений, радость победы, счастье, что остался в живых.

Алексей Чужин. О его мужестве, бесстрашии рассказывают награжденные документы. Вот копия наградного листа к ордену Красного Знамени: «В бою т. Чужин показал исключительную храбрость и отвагу по уничтожению немецкого фашизма. Своей храбростью и отвагой вел свою роту в бой по уничтожению врага». После войны А.И. Чужин связал свою жизнь с педагогической профессией, был первым директором Валуйского дома учителя.

Иван Аладьин. Николай Остроущенко. Георгий Щербак. Михаил Бахир. Ефим Шеметов. Различны их воинские биографии, но есть то, что их объединяет: после войны большинство из них возвратились к своей самой гуманной профессии. Их, учителей, первыми демобилизовали из армии. Почему? Потому, что школе нужны были учителя-мужчины. Они восстанавливали полуразрушенные школы, заменяли детям отцов, убитых на войне.

Всмотритесь в лица на фотографии рядом. Выпускники сорок первого года 40 лет спустя. Десять человек. Выживших на той войне, не сломленных болезнями и горем утрат. «В нашей группе в педучилище было 16 юношей, а после войны в живых осталось трое», – читаем в воспоминаниях Ивана Аладьина.

С этой фотографии на нас смотрит совсем мальчишка – семнадцатилетний боец партизанского отряда. Алексей Будник только окончил первый курс. За четыре месяца овладел навыками стрельбы из винтовки и ручного пулемета, научился рыть траншеи и окопы, ездить на лошади, а потом добровольцем ушел в действующую армию. В феврале 1942-го при выполнении очередного задания разведчик Будник и его товарищ оказались в засаде. Раненный в плечо и в ногу, он пытался вынести с поля боя однополчанина, но попал в плен. Его отправили в концлагерь Braunshweig. Несколько раз Алексей пытался бежать, но его возвращали и жестоко били. Только в четвертый раз попытка оказалась удачной. И снова в строй. После освобождения Алексей Петрович возвратился в родные места, работал учителем – сначала в Валуйской средней школе № 3, а затем в родном педучилище.

Этот стенд посвящен генералу Алексею Васильевичу Батлуку. После завершения учебы в 1920 году стал он кадровым военным. Когда началась Великая Отечественная война, полковник Батлук уже командовал стрелковым полком. Орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Суворова II степени и Отечественной войны I сте-

пени, 10 медалей, звание генерал-лейтенанта, должность командира дивизии – свидетельство его таланта командира, личного мужества, безупречной службы. По представлению советского командования А.В. Батлук был удостоен ордена Почетного Легиона Соединенных Штатов Америки. Прочитаем документ о награждении: «Настоящим удостоверяется, что президент Соединенных Штатов Америки в соответствии с приказом, изданным Джорджем Вашингтоном от 7 августа 1782 года в Ньюбургском штате Нью-Йорка, и согласно акту конгресса наградил орденом Почетного Легиона (офицерским) полковника Красной Армии СССР Алексея Васильевича Батлука за беззаветную преданность и исключительно отважное поведение при выполнении важных военных заданий».

В деревне Ясены Ровеньского района установлен бюст генерал-майора Алексея Васильевича Батлука – первого учителя Ясеновской земской школы. Подробно о жизни нашего знаменитого выпускника рассказывает рукописный альбом «Летопись Победы».

Какие ассоциации у вас возникают, когда вы слышите: «первый учитель»? Конечно, вы представляете молоденькую или не очень учительницу. Да, еще вчера они стояли за учительским столом, еще вчера у них была самая мирная на земле профессия – учитель. Война изменила их привычную жизнь. В историю Валуйской земли яркой строкой вписаны имена выпускниц педучилища – активисток партизанского движения.

Одной из активных подпольщиц стала выпускница 1932 года Елена Махортова. К тому времени она уже окончила физико-математический факультет Симферопольского учительского института и работала учительницей в Валуйской средней школе № 1. Когда немцы заняли Валуйки, Елена сняла квартиру в Уразово, недалеко от железной дороги, и устроилась чернорабочей на железной дороге. Родным она запретила приезжать в Уразово, объяснила: «Так надо». Ей поручались самые ответственные задания: сбор сведений о передвижении транспорта, о расположении войск. Но однажды, когда она выполняла очередное поручение, ее схватили фашисты и заключили в тюрьму. Елену держали под строжайшим надзором, подвергали зверским пыткам, добываясь сведений о партизанах и подпольщиках. Она молчала. Об этом свидетельствуют воспоминания Ирины Григорьевны Ступниковой из Принцевки: «В 1943 году 12 января меня вместе с другими подозреваемыми арестовал местный полицейский. Когда нас привели в тюрьму, там нас сразу затворили в камеру, где уже сидели три женщины. Одна из них обратила на себя особое внимание: избитая и вся в крови. Мне она объяснила, что ее непрерывно водят на допросы, а там бьют. Утром

двух женщин отпустили, а ее оставили и тут же опять повели на допрос». В середине января 1943 года тридцатилетнюю подпольщицу расстреляли в лесу севернее Валук. На фотографии вы видите памятник учительнице.

Вспомним также активных участниц подпольной группы Анну Колесникову, Наталью Кузнецову, Анну Бабенко, расстрелянных фашистами. До войны лишь год успели они поработать учителями.

Что же двигало этими девушками, решившимися на самопожертвование? Только ли ненависть к врагу? Безусловно, нет. Желание защитить родной дом и близких людей, нравственные идеалы, чувство долга – все то, что является основой патриотизма.

На встрече выпускников 1941 года Анна Колесникова сказала: «Во время войны работала там, где нужно. Таково было требование времени». Так о своем военном прошлом могли сказать многие учителя.

Романова Татьяна работала телеграфистом в полку связи, с боевыми друзьями участвовала в освобождении Гомеля, Минска, Варшавы, в обороне Сталинграда. Победу встретила в Берлине.

Лякина Полина с начала войны работала в Валуйках в Главном управлении военно-восстановительных работ Юго-Западного фронта. За четыре года работники управления объехали тыловые границы всех фронтов. Возили горючее, перевозили раненых, восстанавливали железные дороги.

Фронтальная биография Анны Галыгиной также началась в родном городе. Здесь в 1943 году находился штаб 310-й авиационной истребительной дивизии, в политотдел которой требовался секретарь со знанием немецкого языка. Через Анну Ивановну проходила вся секретная информация, ее нужно было обработать, оперативно перевести, не допустив ни малейшей ошибки.

Макрищева Нина, окончившая педучилище в 1941 году, начала работать в Селивановской школе учителем начальных классов. Когда фронт стал приближаться к родным местам, ушла с отступающей частью на восток, сначала помогала на кухне, потом работала счетоводом – на войне всякие профессии важны. Орден Отечественной войны II степени, медаль «За оборону Сталинграда» – свидетельства тому.

Басова Мария была связисткой, домой вернулась инвалидом третьей группы и многие годы работала в Тулянской школе Валуйского района в необычной для женщины должности – военрука.

Прошли по дорогам войны Клименко Анна, Рязанова Вера, Безлепкина Юлия и многие другие выпускницы педучилища.

Нелегко было и тем, кто только готовился стать учителем. Помещение педучилища было занято под госпиталь. Уроки проходили

в небольшом здании в центре города. «В момент налета фашистских самолетов все немедленно покидали здание и бежали к траншеям, которые были вырыты неподалеку», – вспоминала Дашкова Зинаида Капитоновна. Бомбежки становились все чаще, и занятия решено было прекратить. Возобновили их в 1943 году, после освобождения Валук от оккупантов.

Архивные документы свидетельствуют: за период оккупации с июля 1942 года по 19 января 1943 года немецкими захватчиками был нанесен огромный ущерб: от немецких бомб пострадало основное здание, где мы сейчас находимся. Повреждены и уничтожены хозяйственные постройки. Мебель, хозяйственный инвентарь уничтожены более чем на 50%. Сохранилось всего 70 парт и несколько стульев и шкафов. Из библиотеки, насчитывавшей до оккупации 15 тысяч книг, сохранилось 4782.

В 1944 году госпиталь выехал, занятия стали проводиться в собственном здании. Воспоминания выпускников, собранные поисковым отрядом колледжа, помогают понять, в каких условиях проходило обучение. Давайте перенесемся в то время и представим картину: окна заложены кирпичом, свет едва проникает сквозь щели в окнах, «га-сюрка» (фитиль, вставленный в стакан с маслом) едва освещает помещение, посреди класса печка, сделанная из металлической бочки, но она почти не дает тепла. Чтобы заготовить топливо, собирали хворост в соседнем лесу, связывали и тащили волоком. Малюкова Нина вспоминает: «Бумаги не было, писали в книгах между строчками. На базе одна тетрадка стоила 25 рублей, лист бумаги – 10 рублей, а стипендия – 140 рублей. Учащиеся покупали листы и шили тетрадки. Так было дешевле, чем покупать готовые». А это воспоминание Конотопова Василия: «Студентам выдавалась продовольственная карточка, по которой полагалось 500 граммов хлеба в день. Его пекли из ячменя, проса вместе с кожурой и картофеля. Хлеб был похож на кусок хозяйственного мыла. На месяц также выдавали 400 граммов сахара, 400 граммов подсолнечного масла, 400 граммов соли, кусок мыла, спички». Но их не пугали трудности, которые закаляли характеры будущих учителей, делали сильнее. Сами полуголодные, учащиеся собирали средства для раненых солдат, отправляли подарки на фронт, выступали с концертами в госпитале.

Великая Отечественная война явилась проверкой высоких нравственных качеств наших выпускников. Наша экскурсия подошла к концу, но работа поискового отряда студентов по сбору материала о выпускниках, вписавших свою строку в летопись Победы, продолжается.

Беляева Диана Андреевна I курс

Наставник – Андреева Марина Леонидовна, преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Псковской области «Опочецкий индустриально-педагогический колледж»

Псковская область

Новогодний букет

Зима. Холод. Блокадный Ленинград.

– За что нам все это? – сказала Катя, деля последний кусочек хлеба с братом.

– Мы всегда будем вместе, Катя, мы справимся, выдержим все! У нас впереди счастливое будущее, – прошептал Леша и обнял сестру...

– Съешь еще кусочек и засыпай... Конечно, все будет хорошо, ведь сегодня новогодняя ночь, и если загадать желание про счастливое будущее, оно обязательно исполнится... – сказала Катя, целуя брата слабееющими от голода губами.

У них не осталось никого из родных. Это были два беззащитных маленьких человечка с большой силой духа, которые выдержали восемьсот сорок пять дней и ночей блокады. Если бы они знали, что осталось продержаться меньше месяца, наверное, это грело бы их изнутри и давало какие-то неведомые силы жить... Но этого никто не знал... Кате было десять лет, а Леше в Рождество должно было исполниться семь. Они были как два маленьких ангелочка, сильных духом и верой!

Наступило утро. Дети, окоченевшие от холода, еле-еле вставали. Только проснувшись, они начали собираться, чтобы пойти на реку и набрать хоть немного воды...

– Катя, долго нам еще идти?.. – спросил Леша дрожащим голосом.

– Лешенька, дорогой мой братик, потерпи чуть-чуть, сейчас водички наберем, сходим за хлебушком и сможем покушать... – сказала Катя и поцеловала брата в его маленький, красный от холода носик.

Спустя сорок минут дети с трудом добрались до реки. Казалось, будто весь город «ходячих мертвецов» собрался тут. Эти ужасные картины, которые должны были бы напугать детей в прежние времена, давно не вызывали никаких эмоций. Казалось, что это продолжается целую вечность, один день похож на другой...

Проснулись, сразу на речку, потом за хлебом, затем разделить его на кусочки, чтобы покушать в обед и поужинать перед сном. Позавтракав крошками от этих кусочков, нужно сразу, пока есть силы, начать поиски того, чем можно развести огонь. В своей квартире уже давно были разломаны и сожжены все стулья, столы и шкафы, приходилось искать в развалинах домов, оставшихся после артобстрелов.

Новогоднее утро ничем не отличалось от предыдущих. После завтрака Катюня поцеловала брата и, поправляя на нем шапку, сказала: «Лешенька, теперь пойдём искать что-нибудь, чтобы согреться».

Два самых дорогих друг другу человека обнялись и прижались друг к другу. Они еще не знали, что в этой жизни они видятся в последний раз, что это их последние объятия.

Они нашли совсем мало дров и обгорелые после бомбежки обложки книг. Леша отдал их сестре и сказал деловито: «Иди, начинай разводить огонь, а я еще кое-где поищу». На самом деле он задумал сделать сестре подарок – сорвать в городском парке веточку ели, а если повезет, то найти несколько ягод рябины. Этот новогодний букет будет утолять голод несколько дней, ведь иголки можно разжевывать медленно-медленно, в них витамины, придающие силы.

Лешеньке повезло, он нашел несколько ягод рябины и украсил ими маленькую еловую веточку. Он уже был у дома, видел Катю в окошке, сестра махала рукой. Он поднял из последних сил руку с новогодним букетиком и хотел помахать в ответ... Но силы его покинули и мальчик упал на снег.

– Леша! – кричала Катя, подбегая к брату. – Лешенька, дыши, дыши, мой маленький!

Брат не отвечал, лицо его было белым как снег, на губах застыла улыбка, а посиневшие ручонки крепко сжимали еловую веточку с алыми, как капли крови, ягодами рябины.

Катя осталась совсем одна, она не представляла, как будет жить без брата. В этом ужасном мире ее больше некому было согреть любовью и улыбкой...

Зимой тысяча девятьсот пятьдесят пятого года у Екатерины Андреевны родился сын, и она назвала его Алексеем... Теперь это самый дорогой ее человек.

Страшный день гибели брата часто снится ей во сне. Она его любила, любила по-настоящему! Но не уберегла. А его новогодний подарок – еловая веточка и горькие ягоды рябины, которые она разжевывала во рту и плакала – спасли ее, дали сил дожить до конца блокады...

Поэтому в Новый год, наряжая елку, она незаметно вытирает слезы и благодарит Лешеньку за каждый подаренный ей год, веря в то, что он стал самым добрым Ангелом.

Курейчи Фатима Сидиевна II курс

Наставник – Красногрудская Ольга Анатольевна, преподаватель русского языка и литературы

Майский филиал государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Кабардино-Балкарский агропромышленный колледж им. Б.Г. Хамдохова»

Кабардино-Балкарская Республика

Чтобы помнили...

«В 1941 году, когда мне было двенадцать лет, на нашу родную Смоленщину пришли немцы. Мы, будучи детьми, не могли сидеть сложа руки, видеть, как враг безнаказанно сеет горе на нашей земле. Я пошел в партизаны, выполнял задания, которые давали мне старшие товарищи. Но однажды все пошло не по плану: нас схватили немцы. После долгих допросов, сопровождаемых избиением, меня посадили в товарный поезд, который повез меня в неизвестность.

Моя дорогая внучка! Я молчал об этом всю жизнь. Пытался забыть, потому что воспоминания приносили невыносимую боль. Не рассказывал, потому что не хотел, чтобы и вам было больно. Но всегда понимал: об этом ужасе должны знать все, потому что больше никогда не должно повториться то, что пережил я и миллионы таких же несчастных».

С удивлением я читала строки письма, найденного в вещах моего дедушки. Он прожил долгую и, казалось бы, счастливую жизнь в окружении любимой жены, детей и внуков. И оказывается, не всегда его жизнь была наполнена счастьем. Были те два года, о которых он не хотел вспоминать.

«...Везли нас пятнадцать дней в невыносимых условиях. Кормили один раз в два дня, чтобы не умерли с голоду. Привезли в Освенцим, на платформах которого нас встречали эсэсовцы со злыми овчарками, вышки и колючая проволока. Сначала мне не было страшно. Думал,

что найду какую-либо возможность убежать. Но жизнь распорядилась по-другому».

Как-то мой дедушка произнес такую фразу: «У меня нет друзей детства». Я тогда не поняла ее смысл, думала, что просто потеряна связь, а оказалось, у него не было этой возможности, его лишили и друзей детства, и самого детства.

«Нас привели в помещение, где было много людей, накололи пятнадцатый номер. Потом погнали в баню, постригли наголо, дали одежду и поместили в барак. Здесь было много детей разных возрастов. Они плакали, им было страшно. Кто-то подсказал мне, что надо соврать про возраст и сказать, что мне шестнадцать лет. Как я потом понял, это спасло мне жизнь: всех, кто был младше, отправили в газовую камеру, а меня определили работать в каменоломню. Вообще здесь работали даже пятилетние: носили камни, копали землю.

Жили мы в бараке, где не было окон, и не были защищены ни от жары, ни от холода. Спали в тех же робах, в которых работали. Все время хотелось есть, потому что нам давали похлебку из брюквы, кусочек хлеба и чай. Помню, как немец штыком заколол мальчика, потому что он плакал от голода. Дети недоедали, поэтому многие из тех, кому удалось выжить, вернулись домой с рахитом и куриной слепотой.

Видел я и тех детей, которые стали жертвами экспериментов доктора Менгеля. Рядом с нашим был барак, где находились близнецы и еврейские дети. Близнецы были подопытные и в связи с этим имели привилегии: получали улучшенное питание, освобождались от тяжелой физической работы. Сначала мы завидовали их положению, но, как оказалось, зря. Над ними проводили какие-то эксперименты, в результате которых многие умирали. Других просто убивали, а органы извлекали для дальнейшего изучения. У еврейских детей забирали кровь для раненых немецких офицеров. Некоторые умирали сразу после этой процедуры, некоторые жили еще несколько дней. И даже трупы нужны были немцам: с них состригали волосы, которые впоследствии шли в текстильную промышленность Германии. Детские волосы, как более мягкие, шли для набивки подушек.

Кроме работы и ужасов концлагеря, дети Освенцима не видели больше ничего. Со мной в бараке жил мальчишка пяти лет, который на вопрос о том, где он жил до войны, где его мама и папа, ничего не мог ответить, потому что все, что он помнил, – это жизнь в лагере. Что может быть ужаснее, моя дорогая внучка?! Дети Освенцима если и играли во что-то, то это были игры в селекцию для газовых камер, стояние на аппеле, смерть. Женщины пытались хоть как-то организовать учебу: читали по памяти стихотворения, обучали счету. Но все это было очень трудно.

Сам я не знаю, как продержался в этих нечеловеческих условиях два года. Наверное, помог молодой здоровый организм. Помогли люди, которым были безразличны страдания детей. Многим другим не повезло: от голода и холода в Освенциме погибло около тысячи детей, полторы тысячи младенцев были утоплены сразу после рождения.

Освобождение пришло 27 января 1945 года. Помню, как в тот день советские войска вошли на территорию лагеря. Помню их глаза, смотревшие на нас с жалостью и болью. Они стали свидетелями жуткой картины: дети со вздутыми от голода животами, тоненькими ручками и ножками, огромными головами. Когда мы поняли, что свободны, мы плакали, но слез не было. Мы терли глаза, но они были сухими.

Потом было долгое возвращение на Родину, возвращение к жизни, где лучше было молчать о том, что со мной произошло. Я долго привыкал к другой жизни, старался забыть Освенцим и все, что с ним связано. Сейчас в моей жизни все хорошо, но я понимаю: чтобы так было всегда, я должен был рассказать тебе и всем о той беде. Прожив долгую жизнь, я понял, что доброта сильнее зла, она в любом случае победит. Но в будущем нельзя допускать таких жертв, поэтому помни обо мне, береги это письмо и передай его своим внукам».

Читаю, и слезы, не останавливаясь, текут из глаз. Слезы по миллионам людей, погибших во время войны, детей, потерявших семью и детство, и дедушке, который всю жизнь носил тяжесть воспоминаний и только перед смертью смог от нее избавиться. Плачу и обещаю: мы обязательно будем помнить вас! Помнить вечно...

Нотарев Амин Умарович II курс

Наставник – Баймурзова Ирина
Каншаубиевна, преподаватель русского
языка и литературы

Карачаево-Черкесская республиканская
государственная бюджетная
профессиональная образовательная
организация «Аграрно-технологический
колледж»

Карачаево-Черкесская Республика

Жизнь, спасенная песней

«Течет река памяти, связывая в волшебный водоворот прошлое, настоящее и будущее, связывая жизнь каждого человека, семьи в одну большую реку – историю нашей Родины, хранящую в себе воспоминания о людях, являющихся совестью своего народа, о людях, чья жизнь – пример для подражания», – так всегда говорит нам, внукам, наша лучезарная, мудрая бабушка Нуржан. Для меня каждая встреча с ней – это живая связь с прошлым, новое открытие имен наших близких. Вот и сегодня бабушка, медленно перебирая четки, кажется, входит в эту полноводную реку памяти. Она рассказывает так, что я невольно становлюсь участником тех далеких событий.

Октябрь 1941 года. Станция Невинномысская. Забитые битком воинские эшелоны. Как протиснуться сквозь толпу провожающих, отъезжающих и отправиться на фронт, когда тебе всего 17?! «Я должен!» – промелькнуло у Азрета в голове. В это время угрюмый седовласый майор заметил и схватил паренька за шиворот:

– Ты-то куда собрался, малой? Топай-ка отсюда!

– Дяденька, пустите! Умоляю вас... Лучше погибнуть на фронте, чем нести крест «брата врага»! А ведь он был самым честным, лучшим! Никто из нашей семьи не отказался от него! Пустите, пожалуйста...

Глаза паренька излучали горе, решимость и ярость! Они тронули сердце повидавшего уже многое командира! Глубоко вздохнув, майор призадумался:

– Ладно! Помогу тебе! Только о брате ни слова! Ты теперь Андрей Дмитриевич! Понял? Будешь танкистом...

– Вот так и стал Андреем Дмитриевичем мой брат Матакаев Азрет Джумаевич, – продолжила свой рассказ бабушка.

Лето 1943 года. Судьбоносная Курская битва. Кромешный ад, в котором оказался и 18-летний паренек. Скрежет металла, нескончаемые залпы орудий. Враги подступают к танку со всех сторон. Экипаж погиб. В строю лишь радист Азрет Матакаев! Он взял управление на себя и от горя за погибших друзей, безнадежности ситуации и злости на врагов во весь голос запел на своем ногайском языке прощальную песню, которую, как ему казалось, должна была обязательно услышать его мама Зулихат. И кто бы мог подумать, что в такой ожесточенной битве эту отчаянную песню на родном языке услышит его земляк Баисов Алибек?!

– Кто ты? Где ты? Как мне тебе помочь? – неожиданно по-ногайски раздалось в наушниках Азрета. Прорвавшийся сквозь вражеский заслон на своем танке смельчак спас жизнь бойца. Вот так встретились на Курской дуге два парня из соседних аулов. Дошли до Берлина. Стали друзьями. Но все это было потом.

Жесточайший бой следующего дня стих только к вечеру. Ряды бойцов поредели. После боя Алибек отправился на поиски земляка, которого никак не мог отыскать среди техники, раненых, убитых. Внезапно до него донесся какой-то еле различимый шепот. Он осмотрелся по сторонам. То, что увидел Алибек, поразило его настолько, что он оторопел от неожиданности. Возле танка лежал полностью обгоревший человек. Это была такая страшная картина, что Алибек невольно воскликнул:

– Да лучше бы тебя вражеская пуля сразила, хоть не испытывал бы таких страданий!

– Воды, пить, – еле слышно прошептали обгоревшие губы.

– Сейчас, потерпи немного, – с этими словами Алибек открыл крышку своей фляжки и приложил ее к губам раненого, который, захлебываясь, пил, стараясь, кажется, заглушить всю свою боль. Взор Алибека привлекли ослепительно-белые зубы танкиста. Внезапная догадка осенила его:

– Азрет, Азрет, это ты?

– Да, – еле слышно проговорил танкист.

– Азрет, я сейчас, я быстро, – с этими словами Алибек побежал за помощью.

Через несколько минут он вернулся с санитарями, которые, увидев раненого, возмущенно закричали:

– Что ты отнимаешь наше драгоценное время? Видишь же, что не жилец! Есть бойцы, которым еще можно помочь!

Алибек взорвался: «Да как вам не стыдно? У вас совесть есть?» Вытащив из кобуры пистолет и угрожая скорой расправой, он заставил санитаров уложить Азрета на носилки и отнести к самолету, который должен был забрать всех тяжелораненых бойцов. И пока самолет не взлетел, Алибек находился рядом, стараясь хоть как-то облегчить невероятные страдания своего друга. А потом для Азрета начались долгие месяцы лечения в различных госпиталях, восстановления и возвращения в строй.

Войну Азрет закончил капитаном, был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями. Но самой дорогой для него была «За отвагу», полученная за сражение на Курской дуге, которую он называл "медаль Алибека".

– Авай (бабушка), а как же Алибек? Твой брат встретился с ним? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Фронтовые дороги Алибека были тоже непростыми: бессонные ночи, нелегкие сражения, тяжелые ранения, потери друзей. О нем не раз писали фронтовые газеты, его подвигу посвятил свое стихотворение знаменитый поэт И. Френкель. А встретились они уже после войны. Их радость была безмерной, потому что судьба подарила им счастье новых встреч, каждая из которых начиналась с песни, познакомившей их, с песни, спасшей жизнь Азрета.

Бабушка пытается незаметно смахнуть с лица слезы, навеянные воспоминаниями. Я же, взятый в плен ее рассказом, невольно задумываюсь о воле случая, который дал возможность встретиться двум совершенно незнакомым парням в разгар одной из жесточайших битв времен Великой Отечественной войны, о мудрости бабушки Нуржан, которая через свои воспоминания пытается сохранить в наших сердцах эту память о великих событиях в истории нашей Родины и мужественных людях, верных долгу и чести. Я невольно проникаюсь глубоким уважением к людям, которых никогда не видел, но которые теперь стали для меня родными, и понимаю, что эта река памяти теперь течет и во мне.

**Шайгарданова Юлиана
Маратовна
I курс**

Наставники – Иваненко Александр Сергеевич, преподаватель истории, Тихонова Ирина Алексеевна, преподаватель русского языка и литературы

Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Мурманской области «Мурманский педагогический колледж»

Мурманская область

Где растет иван-чай – там человек погиб

Фрагмент первый: Австрия, 2012 год.

«Гутен таг. Вы из России? Я не был там 70 лет. Проходите и садитесь, а Марта принесет вам кофе. Или вы желаете шнапс? Под Мурманском я только их и пил, а сейчас нельзя ни того ни другого».

Так началось наше интервью со стариком австрийцем, бывшим горным егерем, когда-то воевавшим под Мурманском.

Он родился в семье врача в Вене. Потом 1938 год, аншлюс. Рассказывает, как полк СС прошел через его город. Тогда все говорили про красивую форму, четкость действий и преданность своему правителю. Многим было достаточно услышать это, чтоб принять решение о вступлении в гитлерюгенд. Там подготавливали будущих нацистов. Потом пошли по странам, побежденным городам, многим сдавшимся без боя. И все тогда чувствовали себя победителями.

А затем была Россия... Там война на неделю позже началась. И все, кто из Мурманска, это знают. Немецкие войска совсем рядом базировались, а так и не зашли в город.

«Мы шли по сопкам, и, дойдя до границы, обер-лейтенант нашей роты выслал вперед разведку... там был и мой друг Хельмут. Мы с ним были одноклассники и вместе прошли два года службы... Я часто бывал у них в гостях, его мама угощала нас отличным айсбаном. Хельмут был добродушным, мы часто шутили над ним. А он только отмахивался... Мы всегда держались вместе, а вот в тот день он ушел в разведку с утра без меня», – рассказывает австриец. Это был последний раз, когда он видел своего друга живым. А потом были выстрелы, после – давящая тишина...

На сопку солдаты поднимались бегом. Там их и встретили русские, и началась яростная схватка. До этого элита Германии встречала слабых противников, а тут равные по силе и ярости. Но победу все равно одержали горные егеря. Когда рота построилась, было видно, как мертвые русские лежат на сопке, но рядом с ними лежали и его немецкие камрады. Их мертвых было здесь больше, чем рота потеряла за два предыдущих года войны в Европе.

Даже тогда немцы искали своих разведчиков. Они были чуть дальше остальных, и Хельмут был среди них. Когда-то они брали в плен солдат Британии и Франции, гуляли по городам Европы и никто не смел перед ними глаза поднять. А сейчас они лежат мертвые, застреленные русскими. Оставалась только месть.

Обер-лейтенант приказал привести двух пленных, которые чудом уцелели. Один из них шел спокойно, зато второй...

«О, даже сейчас я вижу его лицо. Он встал перед нашим командиром, уперев руки в бока, глядя надменно и с вызовом. Так же и отвечал на вопросы: "Да, мы устроили засаду и застрелили немцев, которые шли первыми, как глупых тетеревов". Это он про моего брата по оружию!

Их приказали подвести к камню, прицелиться. Все ждали мольбы о пощаде, сломленный дух. Но красноармейцы оставались такими же стойкими, несмотря на направленные на них винтовки. Их расстреляли... прямо у того камня. Может, они до сих пор там».

После этого ветеран рассказывал про свои бесчисленные сражения за три года, многие из которых уже и не помнит. Но после того первого дня боя он знал: в Мурманск немцы так и не войдут.

По окончании интервью нам дали фотографии того расстрела...

Фрагмент второй: Мурманская область, Россия, 2013 год.

Где растет иван-чай – там человек погиб. Старая примета поисковика. Вот он, тот здоровый камень, про который рассказал австрияк, рядом поляна вся в иван-чае. Здесь мы – поисковики из «Заполярного рубежа», здесь наши лопаты, наши сердца и наши мысли. Неужели

найдем – их, двоих расстрелянных в страшном июне сорок первого? Металлоискатель обшаривает место расстрела. И наконец звенит – сигналом надежды...

Лопата вскрыла землю. Ремень, куски шинели, кошелек... медальон! Удача редкая, невероятная – из двадцати тысяч погибших бойцов, которых мы нашли за десятки лет здесь, только у пятисот находили футляры, где была информация о бойце. Неужели?!

И вот футляр вскрыт – бережно, нежнейше. Строки – Сергей Макарович Корольков, Тверская область, деревня Ноздрино. Семья, дочке был третий год, когда отца немцы расстреляли.

Жива ли она? И горькая мысль – второй медальон не нашли...

Фрагмент третий: Тверская область, деревня Болотово, 2014 год.

Вот, папа, я тебя и встретила. Всю жизнь после войны мама в военкомат писала, в архивы, да только никто ей ответить толком не мог, так и скончалась, ничего не узнав. Числился ты, папа, без вести пропавшим, и я тебя не помню. Всю жизнь прожила я без тебя, и всю жизнь, как и мама, искала. Надежду потеряла. Но дозвонились до меня в прошлом году ребята-поисковики из Мурманска, рассказали про то, как ты погиб, и привезли твои останки. Не одна я пришла к тебе, шесть детей со мной и их дети – твои правнуки. Живы мы, папа мой, и ты теперь рядом. А товарищ твой безымянный так на Севере и остался. Вечно хранить он будет тот край, как вечно гореть будет огонь на сопках.

Захаркин Матвей Игоревич I курс

Наставник – Воробьева Ольга
Владимировна, преподаватель истории

Областное государственное
бюджетное профессиональное
образовательное учреждение
«Спасский политехнический техникум»

Рязанская область

Солдатское письмо

Алексей очнулся от своих мыслей, услышав приглушенный разговор командиров взвода и отделения. Было раннее утро. Август. Всю ночь шли бои. Алексей понимал, что надо поторопиться, чтобы успеть написать и отправить письмо, пока затишье, которое продлится недолго. Карандаш он приготовил еще с вечера, перед боем. Его он попросил у командира отделения: свой отсырел. Алексей старательно разгладил тетрадный лист в клетку и начал писать: «Здравствуй, Катя! Письмо твое от 6 августа получил. Не могу описать тех чувств, которые оно вызвало. Новость настолько ошеломила меня, что я три дня не мог собраться с мыслями...» Как много хотелось рассказать милой Катеньке! Но рядовой Фоменко знал: важно продумывать каждое слово. Он снова посмотрел на плакат, висящий на стене, который знал наизусть, и вслух произнес: «Не пиши в письмах того, чего не должен знать враг».

Алексей Фоменко весной сорок первого года сыграл свадьбу, а в июле ушел на фронт. В мае сорок третьего по невероятному стечению обстоятельств им с Катенькой посчастливилось свидеться. И вот теперь он узнает, что станет отцом.

Два года на войне научили Алексея верить вопреки всему, но теперь им овладели совершенно иные чувства: он хотел во что бы то ни стало прогнать ненавистного врага с родной земли ради светлого будущего своих детей.

Наган лежал на столе рядом с листочком в клеточку и незаметно подергивался. Вы наверняка решили, что речь идет о револьвере? А вот и нет. Наганом звали солдаты отделения сержанта Кравченко химический карандаш. Это уважительное прозвище он получил с тех самых пор, как был помещен в гильзу от револьвера системы Нагана.

Карандашу не терпелось уже приступить к работе, однако рядовой Фоменко почему-то не торопился начать письмо. Но тут разговор командиров вывел его из задумчивости, руки солдата бережно разгладили лист бумаги, согрев своим теплом, и карандаш коснулся влажного языка Алексея. Наган бойко заскользил по поверхности. В бумажных жилках запульсировала жизнь, родившаяся благодаря любви, с которой было написано каждое слово солдата. Наган уже привык, что его «сотрудничество» с бумагой приводит к рождению письма в руках солдата, но каждый раз он радовался этому событию с новой силой, понимая, как важно отправить весточку близким, ведь письмо – это доказательство того, что боец жив.

Карандаш поставил точку в последней строчке и лег на стол. Он знал, что сейчас руки солдата будут складывать письмо в треугольник. Мелко исписанный и сложенный втрое, бумажный лист оживился. Наган не удивился. Так происходило всегда. Карандаш написал адрес и адресата. Пришло время расставания. С некоторых пор Наган начал завидовать письмам. Конечно, он по долгу службы многое знал, но его все сильнее влекло путешествовать. Много раз он представлял, какой увлекательный и опасный путь совершают письма.

Письмо с нетерпением ожидало, когда боец Фоменко встанет из-за стола и наконец направится к почтовому ящику. Впереди был долгий путь.

В почтовом ящике Письмо томилось вместе с другими треугольниками. Враг был слишком близко, поэтому Илья Ильич Крутов письма сослуживцев вынимал вечером, когда начинало темнеть. Ждать оставалось несколько часов. Письмо отлично видело через круглые отверстия ящика, как солнце клонилось к закату. В ящике было тесно. Писем много. Шли ожесточенные бои, и каждый солдат торопился отправить весточку домой, возможно, в последний раз.

Почтальон собирался в путь. Основательно, неспешно. «Ильич, – окликнул Алексей Фоменко почтальона. – Легкого пути!» Крутов

кивнул, перекинув через плечо винтовку, своего надежного товарища, не раз выручавшего на протяжении уже полутора лет.

Письмо было плотно прижато с одной стороны к внутренней стенке сумки, а с другой налегали такие же треугольники. Несмотря на тесноту, положение было завидное: приятное прикосновение потертой кожи к бумаге давало легкую прохладу. Сумка видала виды, поэтому во многих местах порвалась, благодаря чему Письмо могло отлично разглядеть, как Ильич пересек овраг, отдаляясь от позиции бойцов. Оно слышало, как за спиной шуршали взволнованные треугольники. Всем им хотелось добраться до адресата...

Августовское ночное небо поражало своей красотой: на темном фоне сверкали, словно драгоценные камни, звезды. Земля была обезображена взрывами, а небо, нарядное и безграничное, вселяло надежду на скорейшее окончание войны. Письмо любовалось им сквозь трещины в сумке, как вдруг прозвучал выстрел и Ильич всем весом своего тела навалился на сумку. Все сжались и замерли. Почтальон спас их. Но не ценой ли своей жизни?! Ждали. Страшно. Минуты тянулись болезненно долго.

У Крутова давно уже вошло в привычку спасать в первую очередь не себя, а письма. Вот и в этот раз он своим телом накрыл сумку, словно это был самый дорогой для него человек.

Ильич не торопился вставать. Важно сейчас выждать, тогда немцы решат, что им показалось.

Бумажные путешественники тоже боялись шевельнуться, ведь каждый из них понимал, что в эту минуту решалась их судьба: пощастливится ли им быть прижатыми к сердцу любящих солдата матерей, жен, сестер... И только Письмо было спокойно. Оно отчетливо слышало, как совсем рядом бьется сердце Ильича. Почтальон жив. Значит, есть надежда!

В ту ночь Крутов так и не решился подняться на ноги и до леса добирался по-пластунски. У первых берез Илья Ильич, оглядевшись, поднялся и оправился, проверил содержимое сумки. Убедившись, что важный груз цел, успокоился. Утро выдалось пасмурным, около семи часов начал накрапывать дождь. Крутов бережно спрятал сумку за пазуху. По его подсчетам, приблизительно через час он должен был добраться до станции.

Вплоть до утренней звезды Письмо любовалось небом, которое хорошо было видно, пока почтальон по-пластунски совершал свой путь, закинув сумку и винтовку на спину. Ночь выдалась долгой и опасной. А утром начал накрапывать дождь, и Письмо впервые пожалело о своем положении: в трещины сумки вот-вот могла просочиться вода и тогда слова, написанные с такой любовью, потеряли бы очертания. Опасения были напрасны. Ильич и об этом позаботился.

В телогрейке было темно и тепло. Письмо погрузилось в тревожный сон.

Илья Ильич Крутов добрался до военно-почтовой станции уже к девяти часам утра. Свою задачу он выполнил. Впереди обратный путь в воинскую часть. А письмам предстояло пройти стандартную процедуру контроля почтово-телеграфной корреспонденции.

Письмо опустилось на деревянную столешницу, и тут же на него посыпалось еще с десятков таких же бумажных треугольников.

Сквозь шум железнодорожной станции гулко раздавались удаляющиеся шаги Ильича. Дверь захлопнулась. Было слышно, как шуршала бумага, а потом раздавался удар. И снова шуршание – удар. Письмо почувствовало, как холодные шершавые руки, сильно пропитанные махоркой, грубо развернули треугольник, обнажив содержание. Минута. Вторая. И на лице проверяющего появилась мягкая улыбка. Тепло, исходящее от строк, обращенных к «милрой Катеньке», не оставило его равнодушным. В треугольник эти же руки складывали бережно и аккуратно. А затем Письмо почувствовало удар штемпелем, а рядом с адресом красовалась печать полевой почты с пятизначным числом. Затем снова удар – «Просмотрено военной цензурой».

До военно-почтовой базы добирались в мешках на ЗИСе-5. В грузовике трясло, мешки подбрасывало на неровной дороге, но было душевно. Солдаты, у которых в ногах разместили мешки с корреспонденцией, расселись по периметру кузова и под гармонь пели песни. Особенно приятны были строчки:

*Письма твои получая,
Слышу я голос живой.
И между строчек синий платочек
Снова встает предо мной...*

Захар Иванович, как ласково называли бойцы грузовик ЗИС, энергично преодолевал препятствия на дорогах. Колеса уверенно справлялись с непроходимой грязью, образовавшейся после утреннего дождя.

Уже на базе корреспонденцию отсортировали по направлениям, после чего передали на военно-почтовый пункт для рассылки по адресам. Один мешок сменился другим.

Всего шестнадцать часов железнодорожного пути отделяло наше Письмо от почтового пункта, указанного в адресе.

Добирались в вагоне с солдатами, демобилизованными из-за ранения. Бойцы много курили, шумно разговаривали и пели песни. Одним словом, время пролетело незаметно.

Письмо почувствовало, как скорость снизилась и кто-то открыл дверь вагона. Затем мешок на ходу выбросили на перрон. До станции корреспонденцию тащили волоком. Видимо, старик. Это было понятно по шаркающим шагам. А затем последовала уже знакомая процедура сортировки и ожидание на пыльной полке.

Тоску развеял солнечный зайчик, проникший сквозь окно. Добравшись до полки, он игриво пощекотал бумажные бока. Настроение заметно поднялось.

Неожиданно по деревянному полу энергично застучали каблучки, и звонкий девичий голос прокричал: «Здрасьте, тетя Глаш! Для меня есть что-нибудь?» Появилась робкая надежда...

В главном отделении сумки почтальонки важничали газеты, в которых сообщалось, что «войска Красной Армии нанесли противнику сокрушительный удар». В боковом же кармашке места было мало и поместиться целиком не получилось, но зато прекрасно было видно, как Шурочка удалялась от станции. Она приняла решение не ждать председателя колхоза, с которым приехала, а бежать напрямки через лес. Ее не смутило, что на пути окажется непроходимое болото. Уж очень хотелось побыстрее доставить письмо подруге. Шура знала, с каким нетерпением Катерина ждет ответ от мужа, которому лишь спустя три месяца сообщила радостную новость. Каждый день молодая женщина выходила на дорогу встречать почтальонку Шурочку в надежде получить письмо.

Девушка добежала до лесочка и двинулась по едва приметной тропе. Вскоре Шурочка продолжила путь с длинной палкой, местами наступая на мох, набухший от воды. Дорога становилась все опасней, а шаги девушки – осторожней. Вдруг сумка опустилась на землю, и Письмо с любопытством выглянуло узнать причину. В двух шагах от вынужденного привала кустики клюквы переплелись по-

бегами, образовав настоящий ковер. А между мелкими листочками местами красовались спелые красные бусинки – ягоды, к которым тянулась Шурочка. Не смогла пройти мимо угощения отважная девушка! «Письмо да еще горсть полезной ягоды – это же двойная радость», – думала она, складывая ягоду в платочек. Почтальонка собирала ягоду, местами проваливаясь, но все же удачно выбираясь на более сухие участки...

Лес поредел. Сквозь деревья виднелось село. На дороге одинокая фигура вглядывалась в даль, даже не догадываясь, что весточка от родного мужа прилетит из леса...

Акаева Марьям Хасбулаевна III курс

Наставник – Дагирова Ухуржат
Шарабутдиновна, преподаватель
русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение «Республиканский
педагогический колледж
имени Расула Гамзатова» (г. Буйнакск)

Республика Дагестан

Есть память, которой не будет забвенья...

Вы когда-нибудь видели, как плачут взрослые мужчины?

За свои семнадцать лет я впервые увидела слезы, боль, отчаяние в глазах дагестанских мужчин на мероприятии «Есть память, которой не будет забвенья...», организованном школьным отрядом следопытов «Поиск». На школьное мероприятие были приглашены семьи тех, чьи родные погибли во время Великой Отечественной войны или считались без вести пропавшими.

Из моего родного села Халимбекаул (Буйнакский район) ушли на фронт более 300 человек: больше половины не вернулись, 125 из них пропали без вести.

Будучи членом школьного отряда «Поиск», я вместе со всеми вела исследовательскую работу по установлению мест захоронения погибших земляков. Нам удалось найти могилы более 70 человек.

Плакал весь зал, когда поседевшим аксакалам вручали свидетельства, в которых были указаны места, где покоятся останки их родных. Получив документ на руки, многие целовали его, как святыню. Мне до сих пор тяжело об этом вспоминать. Никогда не забуду, как слезы текли ручьем по лицу моего соседа, дяди Абдусамада. К сожалению, мы не нашли могилу его отца. Он ни разу не видел его живым. Родился после того, как отец ушел на фронт. В своем выступлении дядя Абдусамад просил нас, членов поискового отряда, найти могилу отца.

Сколько горя и несчастья принесла проклятая война в каждую семью... На каникулах я ездила к бабушке и рассказала о нашем трогательном мероприятии. Бабушка прослезилась и достала старый альбом. Оттуда она вынула пожелтевшую фотографию и, погладив ее, начала свой рассказ:

«Это мой отец, твой прадед, он тоже не вернулся с войны. Мои родители поженились в январе сорок первого года совсем молодыми. Война разом перечеркнула их надежды на счастливое будущее, разлучила навсегда два любящих сердца. Мама так и осталась навсегда верной мужу, до самой смерти ждала любимого.

После того как не стало мамы в июле тысяча девятьсот девяностого года, в ее доме я нашла связку писем. Оказывается, моя мама каждый год Девятого мая писала письма отцу, в которых рассказывала о своей любви и надежде на встречу».

Меня очень тронули эти письма. Их было сорок пять... Вот отрывок из письма, написанного 9 мая 1945 года:

«Дорогой мой Магомед! Наконец-то закончилась эта война. Я верю, что ты живой и вернешься домой. Не может судьба быть так несправедлива к нам. Не может наша любимая дочь Асият расти без отца, она уже спрашивает о тебе.

На прошлой неделе вернулся с войны наш сосед Али, его тоже считали погибшим, но он вернулся, правда, без руки. Я верю, что и ты к нам вернешься, родной! Я буду ждать и приму тебя любим! Наш пес Алабай все эти годы каждый день бегаёт на дорогу, по которой ты уехал на фронт. Мы все ждем тебя с нетерпением...»

Письмо последнее. 9 мая 1990 года:

«Магомед, так и не пришлось больше нам увидеться в этом мире, но я надеюсь, что на том свете мы точно будем вместе. Пора уже и мне к тебе. Чувствую, как с каждым днем силы покидают меня. Но я ни о чем не жалею. С чистой совестью предстану перед тобой. Могу уйти со спокойной душой. Я достойно воспитала нашу дочь, и у нас прекрасные внуки. Асият стала уважаемым доктором в селе. Недавно женили нашего старшего внука Магомеда, он тоже, как и мама, стал врачом, подрастают и младшие дочери. Магомед вылитый ты, такой же красивый и мужественный. Я уверена, что он с честью носит твое имя. Дай Аллах, чтобы наши дети и внуки никогда не видели ужасов войны, чтобы никогда не пережили того, что пришлось нам пережить.

Магомед, говорят, что души мужа и жены на том свете соединяются. Недолго осталось нам ждать... До скорой встречи, мой дорогой...»

В День Победы я гордо несла портрет моего прадеда в рядах Бессмертного полка. Я и мой прадед... Сердце наполнялось гордостью от

осознания причастности к наследию Великого подвига. Со мной рядом шагали сотни таких, как я, с портретами родных и близких. В одно мгновение мне показалось, что прадед словно шепнул мне: «Спасибо за память!» Я постараюсь найти могилу прадеда и обязательно привезу горсть земли на могилу прабабушки... Я должна это сделать! Есть память, которой не будет забвенья, и слава, которой не будет конца...

Волков Владимир Игоревич III курс

Наставник – Беликова Наталья Юрьевна, преподаватель русского языка и литературы

Областное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Рязанский политехнический колледж»

Рязанская область

Земляника за колючей проволокой

Я родился 9 мая в городе Михайлове Рязанской области. И самый главный праздник для меня – День Победы. Утром мы всей семьей отправляемся к братской могиле на Черной горе, несем цветы воинам 10-й армии Голикова, освободившим мой город. Идем в рядах Бессмертного полка с фотографиями моих прадедов, защищавших Родину в военные годы. А вечером по семейной традиции едем в Захарово к маминей однокурснице по университету. Путь пролегает по известной мне с детства дороге Михайлов – Рязань, Захарово как раз где-то посередине. И, как всегда, 9 мая я думаю о дорогах войны, потому что наша Рязанская область в 1941 году приняла на себя удар врага, и именно отсюда врага этого и погнала советская армия прочь с родной земли.

Вот и граница Захаровского и Михайловского районов, которые война в Рязанской области затронула сильнее всего. На этом месте установлен Штык Славы – символ победы над врагами.

Небольшой районный центр утопает в зелени, маленькие частные домики приветливо улыбаются чистыми окнами. Все здесь тихо и спокойно, как в тысячах небольших городков нашей страны...

Май... В саду терпко и радостно пахнет землей и нарциссами, на яблоньках – розовые бутоны еще не распустившихся цветов. Мы сидим в саду на плетеных креслицах с главой семьи Пиляевых – Сергеем Дмитриевичем, отец налаживает удочки: завтра будет рыбалка. У дяди Сережи и отца много общего: оба бывшие сотрудники полиции, участники боевых действий в Чечне. И, как обычно, вечер обещает быть интересным, наполненным воспоминаниями и планами на будущее.

Ветерок игриво колышет белоснежную скатерть, мама и Елена Валерьевна ставят самовар, хлопочут, накрывая на стол. Ужинать теплыми майскими вечерами в саду под переливы и щелканье соловьев, вести неспешные разговоры, когда так уютно светит лампа и на ноги накинута плед, давно стало нашим излюбленным занятием.

– Володь, – выдернул меня из мягких раздумий голос маминой подруги, – сбегай на террасу, там где-то лучина для розжига лежит, принеси, а то самовар никак не запалю.

Я встал, потянулся, вдохнул полной грудью ароматный майский воздух и пошел к дому. На террасе стояли стеллажи, внизу небольшой ящичек с аккуратно наструганной лучиной. Взгляд падает на стопку аккуратно сложенных старых газет, беру одну наугад, чтение захватывает меня... Я читаю историю жизни маленького мальчика во время Великой Отечественной.

– Володя, лучину неси!

Иду, одной рукой прижимая к груди пожелтевшую от времени газету.

– Елена Валерьевна, я статью увидел...

Тетя Лена – редактор газеты «Захаровский вестник» – бережно берет странички из моих рук, разглаживает, кладет на стол.

– Я расскажу вам сейчас одну историю... Про нашего односельчанина, Александра Викторовича Колокольцева...

Сергей Дмитриевич наливает из пузатого медного самовара темно-вишневый чай в красивые фарфоровые чашки, мы придвигаемся ближе...

...Они бежали быстро и безмолвно. Старики старались не издавать ни звука, не выдать себя кашлем или одышкой, подростки были сосредоточены на извилистой тропе, матери прижимали к себе маленьких детей. Малыши не плакали, как будто понимали, что цена молчания – жизнь. Трехлетний Саша крепче жался к маме, обвиняя ручонками ее жаркую, соленую от пота шею, лето выдалось душным, на болоте было полно мошкары, страшно шипели потревоженные гадюки, под ногами скользили ужи. Глоток воды, печеная картошка, луковица –

скудная пища, то, что успела схватить со стола в суматохе мать. Утро, день, ночь... Иногда на болоте приходилось жить несколько дней.

... Деревенские мальчишки установили дежурства на высоченной ветле у околицы и в случае опасности стучали в каждый дом: «Немцы!» Спастись можно было на островках в болотах, через топи пройти могли только местные. Так жители Замошья Себежского района Псковской области уже несколько раз избежали плена, когда фашисты устраивали облавы по деревням, вывозили людей в Германию.

Так прошло лето 1941 года. Начались заморозки, теперь уж на островках не спрячешься... Зимой немцы плотно обосновались в Замошье. Саша с бабушкой и мамой жили в баньке у соседей, все дома были заняты врагом. Смутно помнит он, как приходил к ним высокий белокурый Ганс, гладил детей по головкам, угощал галетами и леденцами, приносил лекарства, показывал фотографии своих дочек. Каждый день приходил. А как-то не пришел. Его расстреляли за общение с русскими и помощь им.

Однажды под утро в дверь бани постучали. «Свои, свои», – молил за дверью хриплый детский голосок. «Батюшки... Племяш!» – мама во локон втащила обессилевшего босого мальчишку. Виктор был родом из Пожинок, соседней деревни, жители которой оказывали помощь партизанам. На рассвете каратели выволокли все население на улицу, выхватывали из толпы стариков и мальчишек. Мать Вити быстро сорвала с головы платок и повязала на младшего сына. А старшего вместе с отцом и еще двадцатью односельчанами фашисты повели на расстрел. Поставили в две шеренги у подножия горы. Отец успел сказать сыну, чтобы с первыми выстрелами падал под него. Паренька ранило в ногу, он лежал на снегу под отцом, которого, еще живого, добивали нелюди. Затем немцы стянули со всех валенки и верхнюю одежду и ушли. Все стихло. Раненый мальчишка добрался до Замошья.

Как-то Саша проснулся от страшного шума: лай собак, одиночные выстрелы, крики людей. Мама трясущимися руками надевала всю имеющуюся одежду на сына: «Молчи, сынок, молчи». На улице были все жители деревни, фашисты, орудуя прикладами ружей, заталкивали людей в сани, чтобы везти на железнодорожную станцию Идрица.

В товарном вагоне холодно и страшно. Жуткий бабий вой сливается с детским плачем и перемешивается со стуком колес. Увозят... Куда? В неволю...

В Латвии, в глубоком тылу, людей сортировали: более молодых и сильных гнали дальше, в Германию. Стали приезжать латыши, выбирать себе работников из оставшихся. Сашу, маму и бабушку забрал

пожилой мужчина, хозяин хутора Кекки. Местное население снабжало немецкую армию провиантом, нужно много работать.

Хозяина Субриса и его жену Янину, молодую веселую польку, Саша помнил потом всю жизнь. Познакомившись поближе с русской семьей, латыши приняли их в свою: ели за одним столом, бабушка принимала роды у хозяйки, была нянькой. Как-то ночью мужчина разбудил русских: «Вставайте, Москва говорит!» Затаив дыхание, слушали по старенькому приемнику еле уловимые звуки родной речи, русские песни.

Два раза русскую семью забирали жандармы и помещали за колючую проволоку, в тюрьму. Саша помнил, что колючка была повсюду, длинные узкие коридоры на улице – и все-все в колючей проволоке. Однажды за ней мальчик увидел землянику: спелые красные ягоды вызывали жуткое слюноотделение, голова кружилась от близкого сладкого запаха: людей почти не кормили. Детская ручонка, слабая и худенькая, свободно проходила между заграждением, но никак не дотягивалась до лакомства – маленькие пальчики лишь царапали землю и вырывали траву...

Оба раза Субрис вызволял Сашу и его родных, потом кормил, лечил от чесотки. Когда жандармы пришли в третий раз, спрятал в подвал. Фашисты лютовали – фронт упрямо двигался на запад. И немцев на хуторе было много. К малышу подошел военный не в зеленой, а в черной форме, схватил за шиворот, поднял в воздух: «Русский?» Мальчик громко закричал. Выскочила из дома пани Янина, выхватила, прижала к себе. «Русские есть?» – повторил вопрос немец. «Нет, это мой сын!» – по-латышски ответила женщина. Найденных русских расстреливали. Сашу и его родных спасла латышская семья.

Ясным мартовским утром грохнул взрыв. Затем еще один. А потом раздалась канонада, начался кромешный ад: земля содрогалась от гула, бомбила авиация. Советские войска выбивали отчаянно сопротивлявшихся немцев из латышских хуторов. Люди спрятались в каменном хлеву и сидели почти сутки без пищи и воды. Бабушка истово молилась, мама плакала от радости.

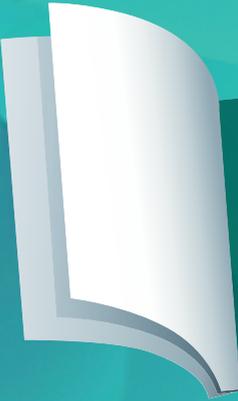
Ночью дверь отворилась. Наши! Боец натянул Саше ушанку на голову: «Носи, сынок!» Далее пути латышской и русской семей разошлись: Александр в мае 1945 года вернулся на родную Псковскую землю.

В Псковской области в годы войны было стерто с лица земли 4 тысячи деревень, из которых около 300 – деревни Себежского района. Жители угнаны в неволю, сожжены, расстреляны... Замошье чудом уцелело.

Спустя почти 30 лет Саша, теперь уже Александр Викторович Колокольцев, проживая в Захарово, куда перебрался сразу после армии, разыскал свою спасительницу Янину Язеповну, ездил к ней в Латвию, они писали друг другу письма... Александр Викторович имел статус несовершеннолетнего узника фашистских концлагерей. Умер в 2017 году, похоронен в Захарово...

Елена Валерьевна замолчала. Наступившая тишина колоколом ударила в уши. Лишь спустя некоторое время до меня донеслось пение соловьев, ноздри дернулись, почуяв вдруг весенние ароматы земли. Чай в чашках давно остыл, в нем отражалось безмятежное, мирное звездное небо. Мое лицо было мокрым, я плакал. Перед глазами застыл кадр: маленькая ручонка, детская, слабенькая, тянущаяся из-за колючей проволоки концлагеря к спелой землянике... Наверное, где-то на генетическом уровне так тянутся люди, находящиеся в неволе, к свету, к миру, к Родине. Мы молчали...

Вдруг небо затрепетало: один за другим стали вспыхивать и расцветать в ночи диковинные цветы, рассыпаться разноцветными брызгами. Салют! Салют в честь великой Победы над фашизмом! Мы молча встали. И стояли. И смотрели в праздничное небо. Мы – внуки и правнуки той страшной войны.

ПОБЕДИТЕЛИ В НОМИНАЦИЯХ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Номинация «За активную гражданско-патриотическую позицию»

Филиппова Дарья Витальевна
I курс

Наставник – Шалунова Людмила
Анатольевна, преподаватель русского
языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение «Профессиональное
училище № 13 имени дважды Героя
Социалистического Труда В.И. Штепо»

Волгоградская область

От имени Земли... От имени детей...

*...Но как Земля не сможет позабыть,
Где вы легли за жизнь и за свободу,
Так у народа память не убить,
Когда такие дети у народа!*

Иван Савельев

Вот уже 77 лет мы живем без войны... и 77 лет помним ее. Каждый ее день, от первого до последнего. Помним расплавленные камни Бреста и Сталинграда, овраги Дубосекова и поля Прохоровки, пепел Хатыни и Саласпилса...

Во имя вечного продолжения жизни проливали кровь в боях с врагами наши солдаты... Во имя будущего вершился титанический подвиг военного тыла...

И детей не минула война. Да и не могла минуть, если на бой с врагом встал весь народ. Вспомните ленинградскую блокаду – первыми

начали умирать дети... Вспомните сотни юных героев, полковых сыновей, павших за Победу... Вспомните разбомбленные эшелоны, газовые камеры концлагерей... Фашизм воевал и с детьми тоже. Но так и не победил... Только у каждого из них отнял какую-то часть детства.

Наша страна всегда старалась вернуть эту часть своим детям. Им отдавалось все лучшее, что у нас было, – таков один из главных законов нашей жизни. Уже в пять лет дети знают о минувшей войне, о детях, погибших в блокаду, о военном подвиге советских солдат. Так должно быть... Так нужно. Чтобы память росла с ними вместе. Чтобы потом дала им силы для мирного подвига. И ратного – если потребуется...

Сейчас, к сожалению, вновь очень много тревоги витает вокруг нашей страны... Страны-победительницы в одной из самых жестоких войн... Страны, принесшей освобождение и мир многим государствам... Страны, всегда провозглашавшей мир во всем мире. Одним из символов этой тревоги стали и те, кто до недавнего времени были нам роднее родных: я имею в виду Украину, а также поддерживающих ее представителей из бывших союзных республик.

Недавно, работая над рефератом по истории, я наткнулась на интереснейший материал, опубликованный в старом номере западногерманского журнала «Шпигель». Это серия репортажей, общая направленность которых – «настроение нации». В репортажах приводились результаты опросов, мнения о минувшей войне.

Большей частью люди, с которыми беседовали журналисты, с волнением вглядывались в прошлое, говорили о том, чтобы оно никогда не повторилось. И тут же... еще несколько откровенных строк, цитаты из публичного выступления лидера одной из партий Германии: «..Народ, добившийся таких огромных экономических достижений, как немцы, имеет право на то, чтобы не желать и слышать об Освенциме или других каких-то прегрешениях...»

«Не желать и слышать...» Не слышать, как звонят колокола Хатыни? Как вскрикивают по ночам чудом оставшиеся в живых узники застенков гестапо, концлагерей и лагерей советских военнопленных? Как скрипят протезы на перебитых в этих лагерях руках и ногах? Не слышать, как плачет в русской избе Мать по загубленному войной ребенку? Этого не слышать?!

В междуречье Волги и Дона, на берегу речки Донская Царица, лежит казачий хутор Вербовский, вобравший в себя при переселении на новое место во времена строительства Волго-Донского канала другой такой же хутор – Аверинский. В 1942 году, в 25-ю годовщину Октябрьской революции, здесь офицерами и солдатами фашистской полевой жандармерии было совершено чудовищное преступление, расценить

которое нельзя иначе как акт вандализма. Аверинская трагедия кровоточит живой раной в сердцах людей, не только живущих в Вербовке.

Вблизи малой хуторской площади под скромными деревьями, посаженными школьниками, стоит за оградой памятник. На нем 10 имен: Аксен Тимонин, Тимофей Тимонин, Василий Егоров, Николай Егоров, Семен Манжин, Константин Головлев, Никифор Назаркин, Емельян Сафонов, Василий Горин, Иван Махин. Старшему, Аксену Тимонину, было четырнадцать лет, самому младшему, Семе Манжину, – девять.

Они живут в легендах донских казаков, о них написана книга... Они навеки остались юными!

Аксен Тимонин увлекался авиамоделизмом. Костя Головлев любил рисовать, Вася Егоров мечтал стать зоологом...

*Совсем юнцы, совсем мальчишки,
Но бились в них сердца солдат.
И верили, что фрицам – крышка,
Что им могила – Сталинград!
В логах, в кустарниках, в бурьянах
Искал враг партизанский след,
Но жили рядом партизаны –
От роду по двенадцать лет...*

Мысленно стою у этого страшного своей святостью памятника и вновь возвращаюсь к прочитанным мемуарам нацистских завоевателей. В них повествуется об испытанной под Сталинградом солдатами вермахта горечи поражения, об их страданиях, жертвах. Часто они выглядят даже героями на чужой земле или воспеваются как невинные мученики.

Если бы камни заговорили... Но они молчат, поникли цветы на могиле... За них говорят документы и очевидцы садистской расправы в хуторе Аверинском...

Из акта Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов на территории Сталинградской области: «...4 ноября 1942 года в хут. Аверинском немцы, запуганные действиями неизвестных партизан в районе хуторов Вербовский, Ляпичево, Аверинский, заподозрили в этих действиях ребят, бывших школьников, и предприняли облаву на мальчиков хутора. Они врываются в дома, силой брали детей и избивали их палками, нагайками, резиной и ногами. Затем выбрасывали на улицу и, опять избивая, требовали, чтобы каждый из детей оговаривал кого-либо из своих товарищей. Избив детей до потери сознания, бросили их в холодную крытую автомашину...»

Немцы в течение трех дней по несколько раз устраивали допросы мальчишек... и били, били, били... Дети были в крови, с опухшими от побоев лицами, все в синяках. После трехдневных издевательств в автомашине было оставлено десять ребят, приговоренных к расстрелу. Днем, 7 ноября, измученных пытками детей начали выводить связанными по пять человек к силосной яме возле МТФ, где и расстреляли их под смех и шум пьяных немцев, страшным диссонансом которым были крики отчаяния и неизбывной боли обезумевших от горя матерей, на глазах которых произошла эта казнь...

В документах Чрезвычайной комиссии много разных свидетельств беспримерных по своей жестокости и подлости злодеяний фашистов. В ту машину вместе с детьми-заложниками были посажены их родители. Когда я читала их вымученные родительской болью воспоминания, слезы застилали глаза, строчки сливались... хотелось крикнуть на весь мир: «Слушайте, люди, эту страшную правду... Помните, люди... Будьте людьми! Берегите свою жизнь, жизни тех, кто рядом... Жизни детей берегите... Мир берегите!»

Из воспоминаний родителей юных героев... Д.И. Головлева: «В машине было сильно холодно, кругом ведь железо, а на дворе – ноябрь... Посадили нас всех раздетыми. Костик прижался ко мне, дрожит, зубы стучат. Обнялись мы с ним, я его собой накрыла, и ждем смерти. Вы думаете, легко это матери? Лучше бы меня убили...»

Н.В. Семенова рассказывала: «...Как бросили меня в машину, стала оглядывать ребят, ищу сынка, Антона. Не нахожу... а знаю, его сюда же посадили... Он откликнулся... сидит у стенки, я на него гляжу и не могу узнать: волосы на голове не его... – белые! Седой стал, а ведь ему 10 лет было...»

Д.И. Головлева: «Я по ночам Костика вижу до сих пор... Сплю и чувствую, будто он ко мне прижимается, как тогда в машине... и просит согреть его...»

В этих документах – только факты, только протоколы... но сколько в них человеческой боли, страданий!.. Они словно вызывают к нашим сердцам, словно стучатся в них: не забывайте, помните цену мирного счастья, знайте истинный лик фашизма, под какой бы благозвучной приставкой «нео» или в каком другом облики он ни вылезал из щелей на свет сегодня... Как много сейчас молодых людей, которые в свастику видят какой-то иной, добрый смысл... Как много несправедливости, оскорблений слышим мы в адрес солдат-освободителей, которые сражались и за тех, кто сейчас, переиначив, искажив историю, глумится над памятью героев...

Снова и снова память возвращает меня к драме в хуторе Аверин-

ском. Ее помнят люди и никогда не забудут не только здесь... О героях «Босоногого гарнизона» – так назвал свою документальную повесть о юных казачатах писатель Виктор Дроботов – знают в России, знают в других странах.

Люди не забудут ни того, как мужественно эти ребята, совсем еще дети, приняли пытки и смерть... Не забудут люди и имен чужеземных преступников. В документах, изученных мною, чаще всего звучали имена фашистских офицеров Гука и Асмуса.

Возмездие настигло одного из них – обер-лейтенанта Гука. Он понес заслуженное наказание. Следы унтер-офицера Иоганна Асмуса затерялись. А может, его и не искал никто... Сейчас уже не найдем ответа... Но часто думаю: если кто-то из них еще жив – не будят ли их по ночам детские голоса, крики?... Как смотрят они в глаза своим внукам и правнукам... что рассказывают им о войне?

Люблю домашние семейные вечера! У нас есть традиция – обязательно все вместе смотрим итоговые выпуски новостей... Но все чаще в тишину семейного уюта стали врывать тревожные сообщения о том, что где-то страдают и гибнут люди. Нельзя эти новости слушать и видеть без содрогания... Знакомый почерк! Разве нет?

Сегодня очень правомерно повторить предостережение, с болью выдохнутое перед казнью в гестаповском застенке чешским патриотом Юлиусом Фучиком: «Люди! Будьте бдительны!»

У поэта Ивана Савельева есть потрясающее стихотворение «От имени Земли...». Строчками из него я хочу закончить свои размышления о войне и мире, о маленьких героях Вербовки, в душах которых жила огромная любовь к стране, к людям... к жизни!

*Земля, твоих рассветов не любя,
К судьбе всего живого безразличны,
Жрецы войны упрямо, методично
В упор готовы расстрелять тебя...*

И еще:

*Пускай отныне каждый твой рассвет
Течет в глаза им пролитую кровью.
Жестоко? Да.
Но в круговерти дней
Верши, Земля, над ними
Суд суровый этот,
Чтоб никогда не умирали дети,
Верши свой суд от имени детей!*

Дунайцева Анна Павловна
11 класс

Наставник – Ткаченко Елена Леонидовна, учитель истории высшей категории, учитель-методист

Донецкий медицинский
общеобразовательный лицей –
предуниверсарий ГОО ВПО ДОННМУ
ИМ. М. ГОРЬКОГО

Донецкая Народная Республика

Военные преступления нацистов и их пособников против мирных жителей на оккупированной территории города Сталино (Донецк) в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

О войне говорить сложно... О войне говорить можно. О войне говорить нужно!

Преступлений нацистов на территории СССР в годы Великой Отечественной войны бесчисленное множество. Наверное, не существует ни одной семьи, которая бы не пострадала от действий гитлеровцев. Немецкие войска не только разрушили экономику, привычную, налаженную жизнь и дома, но и погубили миллионы мирных жителей – граждан Советского Союза. Нацистская Германия и ее союзники занимались истреблением советского населения в чудовищных масштабах. Примеров множество: уничтожение нацистами больных детей на Северном Кавказе, детского дома в Ейске, Корюковская трагедия, Хатынь и многие другие. Весь мир знает о трагедии Бабьего Яра в Киеве, где за годы фашистской оккупации было убито более 150 тысяч человек, но мало кто слышал о «шахте смерти» в Донецке, тогда еще городе Сталино.

Немецкая оккупация города Сталино продолжалась 700 дней – с 21 октября 1941 года по 8 сентября 1943 года. В годы оккупации Донбасс понес огромные материальные разрушения, чудовищные человеческие жертвы. По неточным подсчетам, в Донецкой области было уничтожено 220 тысяч мирных жителей, в том числе 30 тысяч евреев, 150 тысяч военнопленных, 252 239 жителей были угнаны в Германию и стали остарбайтерами. Символами трагедии Донбасса стали Стена плача в меловой штольне города Артемовска, Белый карьер и шурф шахты № 4/4 бис в городе Донецке.

Город Сталино заплатил чудовищную цену за освобождение, а антифашистское подполье было одним из крупнейших на оккупированных территориях СССР, сопоставимое с одесским. За время войны население нашего города пережило страх, ужас, голод, пытки оккупационного режима. Именно тут, в моем городе, произошло одно из самых зверских преступлений нацистов – на шахте № 4/4 бис жестоко и аморально фашистами были убиты и сброшены в шурф 75-100 тысяч человек: евреев, партизан, военнопленных, подпольщиков и просто мирных граждан. Это второе по массовости место казни гражданского населения и захоронения жертв фашизма после Бабьего Яра.

Донбасс – шахтерский край. В начале Великой Отечественной войны овладение Донбассом вошло в число приоритетных задач, поставленных Гитлером перед вермахтом. После оккупации города Сталино войсками фашистской Германии, немецкими специалистами были обследованы все действующие и законсервированные шахты Донбасса на предмет возможности восстановления и организации добычи каменного угля.

До начала Великой Отечественной войны шахта № 4/4 бис находилась в затопленном состоянии. Немцы признали ее непригодной к восстановлению. Именно поэтому шурф шахты стали использовать оккупанты как место казни и захоронения советских граждан. Сюда привозили тела уже убитых людей или казнили на месте, сбрасывали в шурф и живьем. Если выявляли коммунистов в концлагере (он находился в Ленинском районе Донецка), то их расстреливали, а евреев мыли в бане железными щетками и увозили на шахту. Оккупанты сбрасывали в шурф целые семьи. Люди просто умирали заживо на телах убитых соотечественников.

Немцы рачительно использовали пространство, поэтому слои человеческих тел стали пересыпать каустической содой для их уплотнения и утрамбовки. Это стало одной из причин, почему после освобождения города опознали только чуть более ста пятидесяти человек. Их фотографии сейчас находятся в Донецком музее Великой Отече-

ственной войны. Из светлого зала, сделав буквально один шаг, можно попасть в шахту, ступая на неверное основание клетки. Сверху пробивается свет и на тонких лесках трепещут снимки тех, кого смогли опознать. С фото смотрят детские лица. Раздается звук капающей воды. Спаситься удавалось единицам. Известна история горного инженера Александра Положенцева – его сбросили в шурф живым. Падая, он ухватился за канат и, раскачавшись, перебрался в стенную нишу, в которой спрятался до наступления темноты.

Несмотря на жесточайшие репрессии, покорить жителей Донбасса нацистам так и не удалось – сопротивление продолжалось в течение всего времени оккупации. Отступая в сентябре 1943 года, немцы взорвали шахтный ствол, завалив его остатками производственных зданий и конструкции копра. На глубине около 55 метров образовалась плотная «пробка» из мусора и грунта толщиной несколько метров. После освобождения пришлось разбирать толстый слой мусора и конструкций, прежде чем получилось добраться до разложившихся тел погибших, находившихся в воде. Останки десятков тысяч человек до сих пор так и покоятся в шурфе. Ужас, который испытывали несчастные люди, даже трудно себе представить...

Нет оправдания этим преступлениям! Нет срока давности у этих преступлений! Сохранение исторической памяти о таких трагедиях мирного населения – жертв военных преступлений нацистов в период Великой Отечественной войны и установление новых обстоятельств страшных преступлений против мирного населения городов и сел – одна из главных задач молодого поколения.

Я, как и многие жители Донбасса, тоже столкнулась и до сих пор живу с войной, с военными преступлениями, которые начались в 2014 году. Местные жители пытались остановить Вооруженные силы Украины и добровольческие батальоны, рвавшие на Донбасс; неумело строили баррикады, которые бы затруднили передвижение бронетехники; становились живым щитом, чтобы защитить Донецк. Но не допустить жертв мы не смогли. Наш город уже 8 лет живет в состоянии гражданской войны. Мирные жители ежедневно подвергаются обстрелам, получают ранения и гибнут. Тяжело, когда ты боишься не только за свою жизнь, но и за жизнь близких тебе людей.

Война – это ужас и страх! На примере собственной жизни я могу сказать: мы, дети, ощущаем страх перед украинскими неонацистами, но знаем, что никогда им не сдадимся. Эта война стала мерилom ценностей, которые нам дороги. Юноши и девушки Донбасса против фашизма!

Номинация «За поиск и привлечение в качестве источников архивных документов»

Иванова Марфа Борисовна
8 класс

Наставник – Слеповая Александра Валерьевна, учитель русского языка и литературы

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Академическая гимназия № 56» Санкт-Петербурга

г. Санкт-Петербург

Чтобы не прервалась связь времен...

26 июня 2020 года

Прошло два дня, а я мысленно возвращаюсь в 24 июня. Это был особенный день. Мне и брату посчастливилось быть гостями на параде в честь 75-летия Победы. Все вызывало волнение: важные слова о связи поколений, которые транслировались через динамик, песни военных лет и прежде всего ветераны, которые сидели на трибунах. Мне больше всего запомнился наш сосед-ветеран, очень старенький дедушка. Было видно, как ему тяжело переносить жару летнего дня, как он устал. Мы предложили ему воды... Но тут заиграл марш и мимо нас пошла очередная колонна. Видимо, в этих войсках и служил наш сосед. У него загорелись глаза, он встал, отдал честь... Это был очень трогательный момент. В то мгновение я поняла, что парад – это не только ритуал, связанный с историей страны, и не только символ победы в страшной войне, парад – это прежде всего дань уважения тем, кто победил, и напоминание для тех, кто родился и живет в мирное

время, то есть для нас. И то, что почувствовали мы, находясь рядом с этим мужчиной, должно испытать все наше поколение! Это были гордость и бесконечное уважение!

27 июня 2020 года

От этой питерской жары никуда не спрятаться. Очень трудно дышать через маску.

Сегодня навещали дедушку. Я рассказала ему о том, как прошел парад. Дедушка внимательно выслушал, а потом вытащил из шкафа старую-старую металлическую коробку, которая почему-то была закрыта на ключ, достал из нее орденскую планку с военными наградами и сказал: «Вот медали и ордена твоего прадеда, кадрового морского офицера, батальонного комиссара. Я думаю, он был бы рад увидеть этот парад. И то, о чем ты мне сейчас рассказала, наверное, его бы тоже очень растрогало».

Я держала в руках награды и чувствовала, какие они тяжелые, холодные и какие-то... настоящие... Это чувство я испытала впервые. Дед показал орденскую книжку. В ней два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, медаль «За оборону Ленинграда», медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Японией», медаль «За победу над Германией». «Каждая боевая награда, – сказал дедушка, – имеет свою историю, но самой дорогой наградой отец всегда считал вот этот орден Красного Знамени, полученный в 1942 году».

У меня осталось слишком много вопросов. Почему эта награда была так дорога моему прадеду? Какой подвиг он совершил? Как развивались события в том далеком 1942 году? А еще мне хочется заглянуть в тот таинственный металлический ящик, который дедушка назвал «офицерским» сейфом. Мне кажется, что там есть ответы на многие мои вопросы.

Я чувствую себя Шерлоком Холмсом.

1 октября 2020 года

Итак, я решила начать поиски информации о своем прадеде Усанкине Анатолии Гавриловиче. В нашей семье всегда была добрая память о нем, но он ушел из жизни задолго до моего рождения и многих подробностей я не знаю.

Какой план действий? Нужно изучить семейный архив (чувствую, что «офицерский» сейф хранит много информации), расспросить всех родственников о том, что они помнят о прадеде, обратиться за помощью к интернету и написать запросы в Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

15 октября 2020 года

Сегодня посвятила день интернет-поиску. Как только забила в поисковую строку данные прадеда, сразу вышли сайты: «Память народа» и «Подвиг народа». На них нашлись картотека наград прадеда по годам и неполные данные наградных листов. Также я узнала, что прадед в 1942 году принимал участие в Усть-Тосненском десанте, именно тогда он и был награжден орденом Красного Знамени, которым так дорожил. Информация есть, но ее недостаточно. Данные из интернета подсказали, как и в каком архиве искать личное дело Усанкина Анатолия Гавриловича. В пандемию работа с архивами только по записи. Решила не терять времени и написала письмо в архив. Наверное, долго придется ждать...

21 октября 2020 года

Поездка к бабушке.

Описать чувство, с которым я брала ключ и открывала «офицерский» сейф, очень сложно! Сердце учащенно билось, а руки выдавали волнение: ключ никак не хотел дружить с хитрым замком. А когда сейф открылся, я почувствовала сладковатый запах старых вещей, пожелтевшей бумаги и духов «Красная Москва», которые почему-то оказались в сейфе. Дедушка пояснил: «Мамины. Любимые». Старые фотографии, черновик послужного листка прадеда, поздравительные открытки, морской кортик, офицерская фуражка, наградные командирские часы и уже известные мне ордена и медали – таково было содержимое «офицерского» сейфа.

Послужной листок и фотографии считаю особо ценными находками. Дедушка разрешил взять их с собой. Теперь я могу представить, каким был мой прадед и где он служил. Фотографии требуют внимательного изучения.

25 ноября 2020 года

Ответ из архива пришел! Завтра с мамой идем на Миллионную, 36, где располагается Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Без сопровождения взрослых детей туда не пускают. Мама очень поддерживает меня в моем поиске. Мы создали семейную беседу ВКонтакте и отправляем туда все, что удастся найти в интернете и может иметь отношение к прадеду. Купили планшет бабушке и научили его им пользоваться. Освоил быстро! Он теперь тоже в нашей группе. Чувствую, как ему приятно то, что мы делаем.

26 ноября 2020 года

Архив.

Сегодня был прекрасный дождливый день! Такой по-настоящему питерский! Колючий и мокрый! Именно такая погода как нельзя луч-

ше подходит для посещения архива. Архив был тоже мокрый, то есть МОРСКОЙ. Как в нем вкусно пахло стариной! А какие там интересные, запретные для фотографирования интерьеры! Ну, не совсем запретные, так как с особого разрешения сотрудников кое-что нам сфотографировать разрешили: двери, таблички, замки... Побывать в этом старинном архиве – большая удача. Удача сопутствовала нам и в поисках. Нам удалось ознакомиться с личным делом Анатолия Гавриловича Усанкина и найти его автобиографию, характеристики, протоколы комсомольских и партийных собраний. Многие находки раскрыли тайны найденных в «офицерском» сундуке фотографий.

Анатолий Гаврилович Усанкин родился 1 марта 1908 года в городе Инсар Мордовской АССР в семье бывшей батрачки и рабочего. В «офицерском» сундуке была фотография Гаврилы Яковлевича и его жены. Теперь я знаю, чем они занимались. Удивительно, но даже сквозь три поколения узнаю знакомый прищур глаз. Обратила внимание на руки родителей прадеда, большие и натруженные. Очевидно, что семья зарабатывала себе на жизнь физическим трудом.

Мне показалась очень интересной трудовая биография прадеда до призыва в Красную Армию: возчик кирпича и булыжников, сторож на складе, подменный рабочий, пожарный, начальник склада нефтепродуктов. Уверена: семье жилось непросто, потому что он брался за любую работу. Но я вижу, как постепенно в его работе требуется все большая и большая ответственность. Доверить молодому человеку заведование нефтескладом – значит действительно ему доверять. А ведь через 10 лет он поведет за собой в бой опытных солдат и новобранцев, беря на себя ответственность за их жизни!

Война застала батальонного комиссара Усанкина на учебном судне «Комсомолец» в должности заместителя командира по политчасти. 22 июня 1941 года корабль находился в дальнем походе рядом с полуостровом Ханко. Возвратившись в Ленинград, «Комсомолец» встал у причала. Вся команда сошла на берег, чтобы защищать город, а на борту корабля разместилась школа боцманов. Во время одного из артобстрелов в сентябре 1941 года прадед был контужен. После выздоровления назначен военкомом в 17 дивизион тральщиков, где служил до марта 1942 года. Только за 1941 и 1942 годы враг выставил более 25 тысяч мин. Надо было разминировать десятки тысяч квадратных километров опасной воды... В этом есть и заслуга моего прадеда.

15 декабря 2020 года

Сегодня очень довольна собой! Не зря я люблю книги о Шерлоке Холмсе.

Меня давно волновала одна военная фотография из «офицерского

сундука» прадеда без даты съемки. Придумала, как можно идентифицировать это фото!

Изучив интернет-источники и книгу «Униформа Красной Армии», я проанализировала внешний вид военной формы, в которую был одет прадед в момент фотографирования, и смогла определить период, когда этот снимок был сделан.

Три нашивки соответствуют званию батальонный комиссар, а звезда с серпом и молотом, нашитая на обоих рукавах выше обшлага, говорит о том, что перед нами политработник. Из документов я узнала, что это звание было присвоено прадеду в ноябре 1939 года. Все нашивки с формы были исключены в сентябре 1941 года. Следовательно, снимок сделан в период с ноября 1939 по август 1941 года. Скорее всего, в момент службы на учебном судне «Комсомолец». Я – Шерлок Холмс!

28 декабря 2020 года

Завтра у мамы день рождения. Мне почему-то захотелось еще раз взглянуть на одну фотографию из «офицерского» сейфа. Когда ее взяла в руки, поняла почему. На фото прадед в штатской одежде и заливчатской кепке. На обороте – надпись: «Мамочке от сына Анатолия Усанкина 21.06.29». 1929 год... Прадеду 21 год! Он отправляет маме фото с такой ласковой подписью. Приятно ей было? Думаю, да! Возьму на заметку. Если распечатать свою самую любимую фотографию и сделать душевную надпись, как на фотографии у моего прадеда, то наверняка тому, кто получит подобный подарок, будет очень приятно. Мама! Завтра тебя ждет сюрприз! Долой СМС!

29 декабря 2020 года

Сделала фото с надписью для мамы. Сюрприз удался! Мама чуть не заплакала. Пообещала всегда носить эту фотографию с собой. Спасибо, прадедушка, за идею!

9 января 2021 года

Каникулы. Уехали с мамой на Сестрорецкий курорт. Все свободное время читаю в интернете статьи о блокаде. Ищу хоть какое-нибудь упоминание о прадеде. Пока ничего.

Чем больше узнаю о первом годе войны, тем больше понимаю, каким тяжелым был этот год. Особенно для политработников нашей армии. Какая огромная ответственность лежала на этих людях! Отступление, огромные потери, страх неизвестности... Комиссары отвечали за боевой дух в армии, за объяснение текущей ситуации на фронте, когда успешных операций почти не было. Но ведь и комиссарам, наверное, тоже было страшно. Опять вспомнила про фотографии из

«офицерского» сундука. Именно к этому периоду относится та, на обратной стороне которой – надпись: «Симульке, Юрке, Тольке от папы Усанкина. 21.09.1942 год». Уверена, что эта фотография не просто красивый портрет. Эта надпись носит глубокий смысл: так прадед прощался со своими близкими и дарил фотографию как вечную память о себе, понимая, что в любой момент его могут убить.

Страшно.

21 января 2021 года

Интернет напоминает океан, который с каждой волной приносит новую воду и никто не знает, что будет выброшено на берег в следующую минуту. Сегодня я впервые нашла упоминание о своем прадеде! Небольшая статья в местной газете «Pro-Отрадное» двухгодичной давности рассказывала об Усть-Тосненском десанте и об участии в нем военных моряков. Без деталей. Короткое упоминание. Один раз. Решили с мамой, что в местной библиотеке могут быть подшивки старых газет. Утром будем туда звонить. Не спится.

22 января 2021 года

С трудом дождалась начала рабочего дня! Позвонили. Ликованию нет предела! Все газеты есть в читальном зале Отраденской городской библиотеки! Но самое главное – в библиотеке есть краеведческая экспозиция, посвященная Ивановскому пятаку, а из разных источников я уже знала, что Ивановский пятак был захвачен в результате разработанной командованием фронта Усть-Тосненской операции. Решено! Мы едем в Отрадное!

29 января 2021 года

Сегодня мы ездили в город Отрадное Ленинградской области, который расположен в устье реки Тосно. Именно здесь в годы войны была проведена операция по высадке десанта. По документам мой прадед был ее военкомом.

На берегу Невы – мемориал, в центре которого высечены слова: «В память ожесточенных боев 19–25 августа 1942 года». Имена погибших на плитах из черного гранита. В наградном листе прадеда упоминаются те же даты. Красные гвоздики, которые мы привезли с собой, возложили к памятнику Неизвестному Солдату.

В Отраденской библиотеке нам выдали нужные газеты, а также две книги с воспоминаниями ветеранов – участников десанта. Специально для нас заведующая провела экскурсию по краеведческой экспозиции. На одном из стендов мы обнаружили знакомую фамилию – Усанкин! Это наша первая серьезная находка: упоминание Анатолия Гавриловича. Удача!

12 февраля 2021 года

Пытаюсь восстановить события в день высадки десанта. Помогают книги с воспоминаниями ветеранов из Отраденской библиотеки.

Утром 19 августа 1942 года погода была теплой: воздух прогрелся до 22 градусов, светило солнце. Для доставки десанта из 330 бойцов было выделено 16 катеров типа ЗИС-5, 15 катеров типа КМ-7, а также 6 бронекатеров и 1 «морской охотник». Первыми следовали бронекатера БК-102 и БК-101, их ласково называли «ижорцами», потому что изготовлены они были на нашем Ижорском заводе. На бронекатере БК-101 и находился военком высадки Усанкин Анатолий Гаврилович, мой прадед. Наградные листы, подписанные прадедом, описывают подробности операции и помогают представить происходившее.

Бронекатер БК-102 под командованием старшего лейтенанта Александра Потужного следовал первым. За ним – бронекатер БК-101, командир – старший лейтенант Еськин. На его борту и находился военком высадки Усанкин Анатолий Гаврилович.

Радист бронекатера БК 101 – старший краснофлотец Аверкин, несмотря на возникшие в ходе боя повреждения радиации, обеспечивал четкую радиосвязь с флагманским командным пунктом и катерами десанта.

Боцман рулевой Арацков управлял движением катера так, что это создало возможность для высадки десанта.

Бронекатер БК-102, пробив завесу артогня, подошел на дистанцию 30–60 метров к берегу противника и прямой наводкой уничтожил опасные огневые точки: крупнокалиберный пулемет и противокатерную пушку. Проходя всего в 30 метрах от вражеских позиций, он прочесал берег картечью, выбивая автоматчиков и корректировщиков.

Затем командир Александр Потужный вывел группу во вторую операцию по высадке десанта, прикрыв катера дымовой завесой. При отходе один из катеров сел на мель. Бронекатер 102 закрыл его дымзавесой, сдернул с мели и дал возможность выйти из-под огня своим ходом.

Благодаря героизму и профессионализму этих и многих других бойцов высадка десанта состоялась.

24 марта 2021 года

У моего папы тоже есть семейные воспоминания, связанные с Анатолием Гавриловичем. Одно из них он хранит с самого детства. Это рассказ прадеда о мальчишке, «сыне полка», который отличился в бою. Когда ему вручали медаль, то вместо положенного по уставу ответа: «Служу Советскому Союзу!» – юный герой ответил: «Буду бить немцев за маму и за папку!» Его родителей расстреляли немцы. Анатолия Гав-

риловича так поразила боль юного героя, что он запомнил его на всю жизнь.

Каково же было мое изумление, когда в приказе № 59 КБФ от 04.09.1942 я неожиданно нашла имя: Ширмаков Борис – воспитанник БК-102. Смотрю на наградной лист, а на нем подпись моего прадеда. Скорее всего, это и есть тот самый мальчик! А вот описание его подвига: «Во время боя заменил недостающего краснофлотца... бесперебойно подавал снаряды к орудию... четко выполняя приказы командира... Показал себя как настоящий комендор. При разрыве снарядов в башне и ранении комендоров Ширмакову обожгло лицо. Он протер глаза и, не обращая внимания на боль, стал подавать снаряды раненым комендорам еще выше, потому что они не могли из-за ранения нагибаться. Темп стрельбы благодаря усилиям юного комендора снижен не был». Масса снаряда составляет приблизительно 6,5 кг! Меня потрясли сила духа и мужество этот мальчика!

2 апреля 2021 года

В очередной раз перечитала наградной лист Анатолия Гавриловича.

Мне было непросто понять, что роль комиссара на войне – это поднятие боевого духа участников операции, воодушевление и личный пример. Ведь за фразами: «Изумительный героизм и стойкость личного состава катеров», «Отсутствие случаев трусости», – которые я прочитала в наградном листе прадеда, стоит огромная работа. Я поняла, что подвиг Анатолия Гавриловича Усанкина – это геройские поступки конкретных людей, которых вдохновил именно мой прадед!

Ценой невероятных усилий и значительных потерь десанту удалось захватить плацдарм и надолго удержать. Это был первый шаг на пути к прорыву блокадного кольца Ленинграда. И в этом есть заслуга моего прадеда, который, преодолевая все трудности войны: контузию, неуспех первых операций, тяжелые лишения и потери, – стал настоящим комиссаром, одним из тех, кого так боялись солдаты вермахта, имея приказ: «Политруков и комиссаров в плен не брать – расстреливать на месте».

25 апреля 2021 года

Вчера мы вновь побывали в Отрадном. На этот раз мы встречались с необыкновенным человеком – Александром Ивановым, командиром поискового отряда «Отрадное». Он рассказал, как до сих пор их отряд в прибрежной полосе и лесу, на частных участках и вдоль дорог находит останки погибших. Сложно представить, скольким бойцам они вернули имя и скольких предали земле! Спасибо!

8 мая 2021 года

Я все чаще размышляю о том, похожа ли я на своего прадеда. Трудно сказать. Мы живем в другое время, в другой стране. Но для меня очень важно, что та нить, которая тянется от прадеда ко мне, не истончилась, а стала более крепкой. Это наши семейные ценности, наши реликвии, наш генетический код. Это то, что я буду передавать своим потомкам вместе с историями из «офицерского» сундука моего прадеда.

Теперь за память отвечаю я!

Номинация «За осуществление музейной и краеведческой деятельности»

Ахматова Елена Алимовна
8 класс

Наставник – Узденова Афужан Ахматовна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа имени А.М. Ахматова» с.п. Былым Эльбрусского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики

Я вернусь, мама!

Двадцать второго июня две тысячи девятнадцатого года, в День памяти и скорби, в рамках подготовки к празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне у места воинского захоронения в сельском поселении Былым Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики в торжественной обстановке был осуществлен забор земли в специальный контейнер «солдатский кисет», который с воинскими почестями был размещен в гильзе артиллерийского снаряда и установлен в мемориальном комплексе Главного храма Вооруженных Сил России.

Так частичка земли из горного села Былым, «горсть памяти» о тех, кто сложил свои головы вдалеке от родных мест, защищая нашу Родину, оказалась в Москве.

Но не захоронены останки, не высечено на обелиске имя героя моего рассказа. О нем, младшем лейтенанте Борисе Карасеве, и о нашем волонтерском отряде я и расскажу... Каждый раз, когда мы, волонтеры, приходим к братскому захоронению, наворачиваются слезы и я задумываюсь о судьбе совсем молодых людей, чья юность выпала на «сороковые, роковые».

Не ждите его, Александра Ивановна!

Не ждите больше весточки от него. Нет его больше, не прижмется он к вашим натруженным рукам, а вы не вдохнете его запах, запах леса и полыни... (Сколько «не» и такая безысходность от них!)

Александра Ивановна, умер ваш Боря от ран в госпитале далеко-далеко от вас, в горах, куда привели его, молодого младшего лейтенанта, страшные дороги войны.

Борис Александрович Карасев родился 22 июня 1922 года в деревне Улейка Дальнеконстантиновского района Горьковской области. После семилетки он поступил учиться на продавца. В день начала Великой Отечественной войны ему исполнилось 19 лет...

Долго махала платочком простая русская крестьянка Александра Ивановна вслед поезду, увозившему ее Бореньку в неизвестность. Она гнала от себя все страшные мысли, которые тревожат миллионы материнских сердец, провожающих на войну своих детей. Александра Ивановна в забытьи шептала только: «Ты вернешься, Боренька!» Слезы бежали по ее загорелому лицу, но не было сил смахнуть их. Ее сын, ее кровиночка, как и все его сверстники, уходил на эту проклятую войну, надеясь вернуться к матери.

Ушел Борис 23 июня 1941 года. Закончив за месяц Могилевское пехотное училище, 13 августа был уже в части – в 535-м стрелковом полку 2-й гвардейской дивизии 37-й армии. Наши войска, неся огромные потери, отступали. Осенью 1942 года часть, где воевал Борис Карасев, оказалась на Кавказе, в Кабардино-Балкарии, защищая Баксанское ущелье. Фашисты рвались к бакинской нефти, но сначала надо было водрузить свой стяг на высочайшей горе Европы Эльбрусе. Каждый рубеж давался врагу тяжело. Наши солдаты буквально вгрызались в камни. Кровавопролитные бои шли в окрестностях села Кенделен, где был тяжело ранен Борис Карасев. Его вместе с другими ранеными доставили в полевой госпиталь, расположенный в школе в моем селе Былым. Хирурги и сестрички под обстрелами проводили операции, спасая наших бойцов. По воспоминаниям очевидцев, жителей нашего села, самой бойкой и самоотверженной была девушка с длинной косой. К тому же она говорила на том же языке, что и местные жители – балкарцы, так как она была карачаевкой, а это один народ.

Борису Карасеву не смогли помочь. Он умер 4 октября 1942 года от ран. Его похоронили за школой на мусульманском кладбище. Это один из тех редких фактов, когда рядом, на одном кладбище, покоятся люди разных религий. В этом уверены местные жители: в одной из могил нашли скелет молодого человека, скорее всего, той медсестрички, так как сохранились длинные волосы и все зубы до единого.

Скоро Былым заняли оккупанты. Они сразу расстреляли раненых, врачей, медсестер и бросили их в наспех вырытую яму там же, на кладбище, за школой. Перед смертью медсестричка (имени ее, к сожалению, никто не помнит) громко вскрикнула: «Анам!» («Мама!»). Это слышали местные старики. Более двадцати человек остались лежать в былымской земле.

После отступления фашистов старики и подростки (мужчины были на фронте), как смогли, похоронили останки погибших. Установить их имена на тот момент было невозможно. Только после войны установили имена пятерых. Они высечены на обелиске у здания старой школы, бывшего полевого госпиталя... Среди них нет имени Бориса Карасева, как и многих других.

Мы провели поисковую работу. В архивных документах Министерства обороны СССР обнаружили данные на Копалова Петра Васильевича, гвардии старшего лейтенанта, «призванного из станции Обазерская Плесецкого района Архангельской области, 1920 года рождения». Его имени тоже нет на обелиске. Не дождалась своего сына Ульяна Алексеевна!

Говорят, война не окончена, пока не будет похоронен последний солдат. Хотелось бы от себя добавить: «Пока не установлены имена захороненных в разных уголках страны, где были бои».

Из поколения в поколение школьникам села Былым переходит эстафета заботы о братском захоронении. В учетной карточке воинского захоронения из архива Министерства обороны есть такая запись: «Братская могила и памятник на территории поселка Былым закреплены за школьниками средней школы поселка Былым». Несколько раз в год мы приходим к этому святому для жителей Былыма месту, приводим в порядок территорию, обновляем братскую могилу, проводим здесь митинг Памяти, свято чтим тех, кто отстоял независимость нашей страны.

Школьники Былыма стоят в почетном карауле у могилы. Верим, что удастся установить все фамилии во имя и Александры Ивановны, и Ульяны Алексеевны, и всех матерей, не дождавшихся своих сыновей, не знающих мест, где могилы их детей. Мы разработали проект, цель которого – создание мемориала, куда войдут братская могила, обелиск с вновь найденными именами, разрушающееся здание школы. Я думаю, что надо обратиться к поисковым отрядам, чтобы нам помогли перезахоронить останки погибших. Если будет установлено имя хотя бы еще одного героя, мы, волонтеры Былыма, внесем свой вклад в увековечивание памяти наших героев.

Из приказа Главного управления комплектования войск Красной Армии № 049 от 18 января 1943 года: «Нижепоименованный начальствующий состав, погибший в боях против немецко-фашистских войск, исключается из списков Красной Армии. Горьковский облвоенкомат... 23. Младший лейтенант Карасев Борис Александрович – командир взвода 535 стрелкового полка, 2-ой гвардейской стрелковой дивизии. Рождения 22 июня 1922 года. Умер от ран 4.10.42г. Мать: Карасева Мария Ивановна, проживает в Дальнеконстантиновском районе... Место захоронения: Кабардино-Балкария АССР, Эльбрусский район, Былымский с/с., с. Былым. Причина выбытия: умер от ран. Дата выбытия: 04.10.1942г.» Мы прикоснулись к судьбе только одного из тех, кто ушел защищать нашу страну и не вернулся в родительский дом. Но сколько их, чьи судьбы неизвестны? Поэтому надо продолжать искать, чтобы знать и помнить. Это долг каждого из нас, живущих сегодня.

...Все имеет свой срок. Только человеческая память без срока давности!

Самараев Егор Дмитриевич
6 класс

Наставник – Сторожева Татьяна Юрьевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 8 г. Петровска Саратовской области»

Саратовская область

Как Красные Следопыты Память спасали

Заболела Память... Который день уже с постели не встает, совсем плохо: глаза не открываются, дыхание прерывистое...

Вызвали старого Доктора, который еще в середине двадцатого века людей лечил. Пришел Доктор, посмотрел на больную, послушал, что в бреду повторяет она одни и те же слова – шестьсот пятнадцатый, тысяча девятьсот сорок первый, Рогачев, солдаты, плен, табличка... Покачал головой и сказал: «Нет у меня лекарства от этой болезни, ищите Красных Следопытов!»

Кто такие? Где искать? Никто не знает! Все мечутся, плачут – боятся Память потерять. Доктор подумал и говорит: «Знаю я одну школу в городе Петровске Саратовской области, где ребята в этом году сами музей отремонтировали, архивы разобрали, новые экспозиции сделали. Одна из них так и называется – "По следам Красных Следопытов". Только они вам и помогут».

Побежали люди в школу, нашли ребят, которые поиском занимаются, рассказали о беде, на них свалившейся... Ни слова не произнесли поисковики, только посмотрели друг другу в глаза и на группы молча разделались. Одни компьютер включили, другие архив музейный перебирать стали, третьи оделись и поспешили в местный музей краеведения...

А дальше, как на войне, с разных сторон только сводки поступали...

Музей-группа: «Директивой от 12 июля 1940 года 615 стрелковый полк 167 стрелковой дивизии начал формироваться в городе Балашове Саратовской области» (Почему о Петровске ни слова?).

Архив-группа: «В 1940–1941 годах Петровский район стал местом формирования 615 стрелкового полка 167 стрелковой дивизии. 615 стрелковый полк первое боевое крещение с фашистскими захватчиками принял в Белоруссии в районе городов Рогачев и Жлобин, проявив при этом массовый героизм и мужество».

Музей-группа: «Исполнительный комитет городского Совета народных депутатов решил установить памятную мемориальную доску на доме № 106 по улице Энгельса следующего содержания: "В 1941 году в этом здании располагался штаб 615 стрелкового полка 167 стрелковой дивизии" (почему табличку сняли?).

Интернет-группа: «Маршал Советского Союза Андрей Иванович Еременко в книге "В начале войны" писал, что 615 полк должен был захватить плацдарм глубиной полтора-два километра в районе Рогачева.

615 полк, выполнив задачу по отвлечению противника, не смог полностью осуществить переправу на своем участке... Из 167 стрелковой дивизии вырвались из окружения только 327 бойцов во главе с командиром дивизии В.С. Раковским. Знамя дивизии было вынесено» (и больше о 615-м полке ни слова, а сколько их осталось?).

Архив-группа: «Дорогие Красные Следопыты! Спасибо вам, что вы взялись за очень тяжелую работу – найти полк, который в 1941 году формировался в вашем городе и пропал без вести. В нем служил мой отец. Мы с мамой долго искали отца и получили сообщение из Центрального архива Министерства обороны СССР: "Документов на 615 полк 167 стрелковой дивизии нет". Представить это сложно, но солдаты остались безымянными. Знамя было вынесено... С уважением, Нина Ивановна Емельянова».

Интернет-группа в это время один за другим находит документы солдат 615-ого полка, попавших в плен, прошедших тяжелый путь военных концлагерей на территории Германии и Польши.

Работали ребята не день и не два... Нашли 37 писем ветеранов 615-ого полка, никем последние десятилетия не прочитанные, 5 карточек военнопленных, по крохам собирали информацию о боях под Рогачевом и Жлобином. Оформили стенд «Разыскивается 615-й полк 167-й стрелковой дивизии».

Телефонный звонок заставил всех почему-то вздрогнуть. Звонил Доктор. Сказал, что больная глаза открыла, воды попила и сказала: «Что-то я рано умирать собралась... Есть люди, кому я нужна, кто благодаря мне прошлое сохранит и потомкам передаст! А пока – разыскиваем 615-й полк 167-й стрелковой дивизии. Вспомним всех поименно. У меня теперь помощники есть!»

Номинация «За участие в деятельности поисковых отрядов»

**Тарасова Анастасия
Константиновна
9 класс**

Наставник – Соколова Елена
Сергеевна, учитель русского языка
и литературы

Общеобразовательная школа при
Посольстве Российской Федерации
в Республике Сербии

«Русский» маршрут...

Майский день 1945 года... С той памятной даты, когда Советскому Союзу рукоплескал весь мир, прошло несколько десятилетий. Победа над фашистской Германией стала тогда гордостью всех народов России, в том числе и бывших республик нашей страны. Народы Европы, порабощенные нацистами, получили помощь именно от советских солдат.

Казалось, что люди навсегда уяснили, насколько важен на земле мир. Казалось... Сегодня снова повторяется страшное... И снова на защиту справедливости и мирного неба встает Россия. В этом правом деле нашу страну поддержала Республика Сербия. Оказалось, в историческом прошлом обоих государств много общего.

В настоящее время я проживаю в столице европейской страны – Белграде. Знакомство с достопримечательностями Сербии, конечно же, привело меня к мемориалам и местам памяти, посвященным подвигу сербских и советских солдат в годы Великой Отечественной войны.

В Историческом музее Белграда посетила выставку, рассказывающую о страшных днях войны. От прочитанных страниц из книги Уинстона Черчилля «Вторая мировая война. Югославия» внутри все вскипает...

...Утром шестого апреля над Белградом появились германские бомбардировщики. В течение трех дней они методически сбрасывали бомбы на югославскую столицу. Восьмого апреля, когда настала тишина, свыше семнадцати тысяч жителей Белграда лежали мертвыми на улицах города и под его развалинами....

О черных страницах в истории сербского народа рассказывает книга историка Алексея Скворцова «Косово и Метохия». Такого геноцида Европа не знала со времен монгольских завоевателей. Мы помним Бухенвальд и Освенцим, но забываем о Ясеноваце – концлагере, где были замучены тысячи сербов. Кажется, сквозь страницы книги слышатся стоны бывших узников. Они кричат: «Мир должен жить в любви и согласии, но ему нужно напоминать о том, чего нельзя допустить, чтобы повторилось...» И мое сердце откликается на этот призыв: «Эти события без срока давности. О них надо помнить вечно!»

Теперь я точно знаю, почему в Сербии сохранены все объекты военно-исторического наследия. Сербский народ свято чтит память тех, кто спас их от фашистов.

По инициативе Российского военно-исторического общества и Всероссийской общественной организации «Волонтеры Победы» был организован социально-патриотический проект «Место Памяти», целью которого стало сохранение мест воинской славы как на территории Российской Федерации, так и за рубежом. Центр Русского географического общества в Белграде активизировал усилия по поиску и защите памятников советским воинам: с помощью мобильного приложения, синхронизированного с интернет-порталом местопамяти.рф, на интерактивной карте были отмечены все мемориальные комплексы на территории государства.

Эта информация заинтересовала моего одноклассника Алексея Кузнецова. В тот момент он уже подготовил материалы для индивидуального проекта «Сербия. Путеводитель». Был создан отдельный сайт, на котором Леша и разместил список самых интересных достопримечательностей этой страны. Защищать работу предстоит в 10 классе. Алексей понял, что проект необходимо срочно дополнить списком памятных мест на территории гостеприимной Сербии. Подвиг советских солдат, сражавшихся с гитлеровцами на Балканах, должен быть увековечен, а память о них – сохранена!

Я решила оказать в этом Алексею помощь. Мы приступили к разработке «русского» маршрута по историческим городам Сербии...

Первой нас встречает Суботица. На кладбище рядом с русскими орденоносцами И.М. Красновым, М.И. Галкиным и Н.Н. Торгалю похоронены воины, которые погибли в 1944 году на Югославской земле. Памятная плита на братской могиле гласит: «Ваш светлый пример любви к свободе и великая братская миссия будут жить вечно под теплым небом нашей родины».

Историю о том, как десятилетний сербский мальчик Джура Терзич помог сохранить имена погибших советских бойцов, мы услышим в Сомборе. Здесь, в одном из самых красивых и романтических городов Сербии, рядом с православным кладбищем располагается мемориальный комплекс Красной Армии. 205 воинов погибли в боях за город. Из них безымянными остались только шестеро. Фамилии всех погребаемых солдат мальчик заносил в свою школьную тетрадку. Над отдельными могилами возвышаютсяobelisks. А на пирамиде, построенной в центре аллеи Погибших героев, высечены слова: «Этот памятник воздвигнут в знак благодарности воинам героической Красной Армии Советского Союза, павшим в борьбе за свободу нашей Родины. Граждане Сомбора. 1945 год». В братской могиле на партизанском кладбище покоятся еще несколько десятков наших воинов. В 2006 году мемориал, занимающий площадь около гектара земли, был отреставрирован.

Наш путь пролегает через пятый по величине город страны – Зренянин. Отделанный гранитом мавзолей, сооруженный в парке Багляш, впечатляет. Здесь покоятся останки 210 солдат и офицеров Красной Армии. В Парке пионеров до сих пор стоит монумент 1947 года, посвященный нашим солдатам, хотя прах погибших воинов был перенесен в мавзолей. Недалеко от железнодорожной станции Зренянина можно увидеть памятник четырем товарищам-красноармейцам, поставленный работниками станции в знак благодарности погибшим здесь бойцам, чьи имена навсегда останутся неизвестными.

А вот нас встречают жители села Бачки Брестовац. Здесь в январе 1945 года погиб экипаж самолета Ил под командованием старшего лейтенанта Алимкина в составе стрелка Михаила Анисимова и югославского пилота Васа Гайковича. Летчики вступили в бой с фашистами, но были сбиты. Проститься с героями пришли все сельчане. Могила пилотов была устлана коврами и цветами. Уже несколько десятилетий местные жители заботятся о ней. В 2013 году посол Российской Федерации в Сербии совместно с председателем Совета Брестовца открыл парк сербско-русской дружбы.

Двигаемся по «русскому» маршруту дальше. Слышите, как шумят березы... Это 441 дерево из Волоколамска. Их столько, сколько по-

коится здесь героев. Интересен тот факт, что одно из них посадил композитор Марк Бернес. Во время бомбардировок Сербии натовскими войсками в 1999 году погибло 300 берез. Из Волоколамска прислали новые саженцы. Два раза в год, в мае и октябре, на мемориале возлагают венки... А рядом шумит березовая роща.

А вот и Стара Бингула. На местном кладбище стоит скромный памятник с пятиконечной звездой. Здесь в декабре 1944 года пуля снайпера остановила сердце 29-летнего солдата из Сибири. Могила Михаила Галанова находится в окружении погребений местных жителей. Больше здесь никогда не хоронили советских воинов. Памятник подвергался реставрации в 2015 году.

Нельзя не посетить памятные места в городах Вршац, Горни-Милонавац, Ягодина и Заечар, Нови Бечей и Ниш, Панчево и Старчево. Мемориальные комплексы открыты в знак благодарности советским воинам, погибшим при освобождении этих городов.

А вот виднеется гора Авала, что в шестнадцати километрах от Белграда. На ней возвышается бронзовый монумент в виде двух самолетных крыльев. Он посвящен погибшей в авиакатастрофе советской военной делегации. Это случилось в 1964 году, когда военные летели на торжественные мероприятия по поводу празднования 20-й годовщины освобождения Белграда от гитлеровцев. В 1944 году они боролись за город, а спустя два десятилетия стали его легендой.

Мы передвигаемся по окрестностям столицы Сербии. Поселок Борча, Велико Село, село Врбовского и село Ковилово... Примечательно, что некоторые названия эти села получили по имени погибших там советских солдат, о чем свидетельствуют таблички при въезде.

И вот наш «русский» маршрут пролегает через самое сердце Сербии. Своим величием поражает мемориальный комплекс «Освободителям Белграда». Его площадь почти 1,5 га. «Русско гробле» – место захоронения югославских и советских воинов, павших в боях за освобождение столицы в 1944 году. У подножия колоннады с барельефами по обеим сторонам ежегодно возлагаются живые цветы и памятные венки. На всей территории комплекса находятся как братские, так и одиночные могилы солдат. Скульптуры «Партизан на вечном карауле» и «Красноармеец» символизируют единение в борьбе с врагом. Вместе с членами движения «Волонтеры Победы» и внуками героев Второй мировой войны, которые освобождали Белград, ребятам из нашего класса удалось встретиться на этом мемориале в день 75-летия освобождения столицы.

Наш путь может продолжаться. И он будет очень долгим. Таких памятных мест на территории Сербии много. И сердце плачет везде... С благодарностью отмечаем: в этой стране бережно хранят память о «русах» и эта память вне воинских званий и политических взглядов.

«Русский» маршрут, наш маршрут, пока еще не достроен. Но время есть. Я верю, что продолжение у проекта Алексея обязательно будет. Мы обязаны сохранить историческую память!

Салахов Ренат Эдуардович II курс

Наставник – Лещенко Ирина
Анатольевна, преподаватель
профессиональных модулей

Государственное автономное
профессиональное образовательное
учреждение «Казанский
энергетический колледж»

Республика Татарстан

Это нужно не мертвым! Это надо живым!

«Война не окончена, пока не похоронен последний погибший солдат», – эту цитату великого русского полководца А.В. Суворова я прочитал, когда начал увлекаться историей и стал изучать события Великой Отечественной войны. Фраза крепко засела в моей голове и не дает покоя, ведь в моей семье, как и во многих других семьях в нашей стране, есть погибший герой, место захоронения которого до сих пор неизвестно.

Мой прадед, Якубов Шафик, профессиональный военный и отец троих детей, погиб в далеком 1942 году в боях под Сталинградом. В связи с многочисленными переездами моей семьей были утрачены старые фотографии и документы, оставшиеся с тех времен. Все, что я знал о моем прадеде, – это то, что он был призван из города Чистополя. Мои родные в разные годы делали многочисленные запросы в различные инстанции, искали информацию на сайтах «Память народа», «Мемориал», «Без срока давности» для того, чтобы найти информацию о месте захоронения прадеда, но результатов это не принесло. Когда я подрос, то решил тоже подключиться к поисковой работе по сбору сведений о жизни и боевом пути моего прадеда. Мне удалось выяснить, что 120-я стрелковая дивизия, в которой воевал Якубов Шафик, была сформирована в Казани 10 марта 1942 года. В состав дивизии входили воины со всей Татарской АССР. Летом 1942 года 120-я

стрелковая дивизия была переброшена на Сталинградский фронт. Там, под Сталинградом, в августе 1942 года мой прадед погиб.

Несколько лет назад я узнал, что в моем родном городе функционирует военно-патриотический поисковый отряд «Выстрел». Участники поискового движения осуществляют свою деятельность во всех уголках нашей страны, которые затронула Великая Отечественная война. Поисковики не только выезжают на поля сражений, но и работают в архивах, помогают родственникам узнать о судьбе близких, ухаживают за воинскими захоронениями, составляют Книги Памяти, занимаются патриотическим воспитанием, проводят выставки по итогам поисковых работ. В состав отряда входят школьники, студенты, рабочая молодежь со всей республики. Я поспешил пополнить ряды членов поискового отряда, продолжил изучать историю Великой Отечественной войны, прошел обучение в «Школе поисковика», оттачивал навыки ведения поисковой деятельности. Моя первая поисковая экспедиция состоялась в 2021 году на местах боев 120-й стрелковой дивизии (той самой, в которой воевал мой прадед!) в Волгоградской области, где в 1942–1943 годах шли ожесточенные бои с фашистскими захватчиками, вошедшие в историю как Сталинградская битва. Из воспоминаний Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова о ходе Сталинградской битвы: «Солдаты продолжали выполнять поставленную перед ними задачу, истребляли фашистов и ночью и днем...» Огромные человеческие потери понес советский народ, чтобы выстоять в том кровопролитном сражении.

Раскопки наш поисковый отряд вел в окрестностях поселка городского типа Ерзовка. В самой Ерзовке находится братская могила, в которой похоронено около четырех тысяч погибших из Татарстана. Со времени окончания войны прошло почти 80 лет, но и по сей день не все погибшие воины найдены, опознаны и захоронены. Летом 2021 года нашему отряду повезло, мы отыскали четыре смертных медальона. По одному из них было установлено имя – Чечулин Борис Александрович, красноармеец, 1922 года рождения, уроженец Архангельской области. В записке также было написано имя его жены – Чечулиной Клавдии. Солдат числился пропавшим без вести, но сейчас он упокоен на своей родине.

Главной неожиданной находкой стало обнаружение останков солдата с медалью «За боевые заслуги». Даже бывалые поисковики экспедиции впервые держали в руках такую боевую награду. Медаль была повреждена осколком снаряда, но, к счастью, номер остался целым. Награда принадлежала Фомичеву Василию Петровичу, 1916 года рождения, уроженцу села Лысовка Петровского района Саратовской

области. Специалисты Всероссийского информационного поискового центра установили, что награда была вручена еще до начала Великой Отечественной войны. Возможно, солдата наградили за участие в Финской войне или за бои на Халхин-Голе. В данный момент ведется работа по поиску родственников.

Из поисковой экспедиции нашим отрядом были привезены не только интересные артефакты, фотографии, видео, но и бесценные впечатления и воспоминания, которыми я и мои товарищи делимся со своими сверстниками. Участие в работе поискового отряда способствовало переоценке жизненных ценностей. У всех членов отряда усилилось чувство патриотизма. Мы в реальной жизни смогли увидеть, какой ценой досталась Победа нашему народу. На местах бывших сражений поисковики все еще находят захоронения неизвестных солдат. Многие из них так и остались лежать в полях, в окопах, там, где их застала смерть. Нынешнее поколение в неоплатном долгу перед павшими героями войны. Наш долг сегодня – хранить память о каждом из них.

Быть участником поискового отряда для меня очень важно, ведь только таким образом я могу почтить память своего прадеда, отдавшего свою жизнь ради мира на земле. Я буду использовать все возможности, чтобы вновь и вновь отправляться в поисковые экспедиции. Даже если мне не удастся обнаружить место захоронения моего прадеда, я буду продолжать помогать разыскивать пропавших во время страшной войны солдат, чтобы потомки узнали имя хотя бы еще одного защитника нашей Родины. Я и мои товарищи по поисковому отряду готовы отдавать свои силы для того, чтобы заниматься важнейшим делом – возвращать имена погибших солдат из небытия. Ведь каждый из нас свято верит в то, что «война не окончена, пока не похоронен последний погибший солдат». Я очень горжусь тем, что мы вместе с товарищами из поискового отряда приближаем этот день.

Номинация «За поддержку мероприятий по сохранению и увековечению памяти о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»

Зарубина Арина Павловна
7 класс

Наставник – Денисова Татьяна
Иннокентьевна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное автономное
образовательное учреждение
«Городская гимназия № 1»

Иркутская область

Музыка из ада: играть, чтобы жить

Я почти ничего не знала о жертвах нацистского лагеря в Польше, не знала и о карателях лагеря смерти. В интернете нашла слова русского историка и философа, основателя центра «Холокост» Михаила Яковлевича Гефтера, и, прочитав, ужаснулась: «Шесть миллионов евреев, расстрелянных, удушенных в газовках. Шесть миллионов – и каждый в отдельности. Это – память, противящаяся забвению».

Двадцать седьмое января – День памяти жертв холокоста. В этот день в 1945 году советские войска освободили лагерь. И в этот день в 2022 году, спустя 77 лет, в красивом таежном городе Усть-Илимске на сцене ДК имени Ивана Ивановича Наймушина вновь, как и в прошлом году, состоялся музыкальный спектакль «Аушвиц Биркенау». Сцены из жизни лагеря смерти – открытие для меня, потрясшее душу год назад, заставившее задуматься над тем, как жестока война, как

невыносимо знать о бесчеловечных, не поддающихся человеческому разуму зверствах фашистов, их чудовищных экспериментах над людьми – узниками нацистского лагеря. Этого забыть нельзя! Вот и сегодня я не упускаю возможность посмотреть спектакль. Прохожу фойе, вижу застывшие фигуры девочек и мальчиков, изображающих узников Освенцима. В зрительном зале занавес еще закрыт, но декорации, расположенные у подножия сцены, уже вызывают в душе тревожное волнение. С одноклассниками, ребятами 14–15 лет, ждем начала действия, такого далекого и тяжелого для нашего ума и сердец. Что многим предстоит увидеть впервые? А переосмыслить? В школе нам говорят, что страшные годы Великой Отечественной войны забвению не подлежат и нам следует знать и помнить трагические страницы нашей истории, чтобы не допустить их повторения.

Мы с нетерпением ждем начала спектакля. Открывается занавес, и на сцену из нижних рядов зрительного зала выходят люди, встревоженные, испуганные, с чемоданами и узелками. В скученности и суматохе мечутся матери в поисках потерянных в толпе детей. Влюбленные держатся за руки, боясь неизвестности. Куда их везут, взрослых и детей, никому не сделавших зла, мечтающих о счастливой и радостной жизни? Никто не знает. Со сцены слышится немецкая речь. Действие спектакля переносится в Польшу. Здесь, в живописном месте Аушвиц Биркенау (Willkommen zu Hause), лагерь смерти. Немецкие офицеры, считающие Германию исключительной страной, «очищают» мир от евреев и бесполезных людей: расстреливают, умертвляют в газовых камерах, сжигают в печах и ямах, обливая нефтью; проводят бесчеловечные эксперименты. Смотришь на драматические, музыкальные и хореографические сцены спектакля – и цепенеешь, вжимаешься в кресло: кажется, время переносит нас, живущих в мире XXI века, в страшные, не имеющие срока давности сороковые годы двадцатого столетия. Как этот ужас мог выдержать человек?

Сменяются декорации. На сцене – узницы барака № 12, юные и пожилые, мечтающие о счастливой жизни. Они, как и тысячи заключенных, знают, что и их ожидают непосильные работы, расстрелы, газовые камеры. Но даже в страшном аду немецкого лагеря Аушвиц женщины получают шанс продлить свою жизнь. Среди узниц – талантливая французская скрипачка Альма Розе. Эсесовцы назначают ее дирижером оркестра, который она должна организовать из женщин, далеких вообще от искусства музыки. Сцена репетиции оркестра взволновала меня. Я смотрю, как Альма изо всех сил пытается научить играть их, никогда не державших в руках инструменты, не знающих нот, и не могу сдержать слез. Волнение нарастает, когда Альма Розе, слыша ха-

отичные звуки оркестра, в отчаянии упрекает женщин: «Нет! Нет! Это все не так. Вы ничего не слышите! Господи! Почему же вы не звучите? Разве вы не хотите жить? Послушайте! У нас есть шанс выжить в этом аду! Мы должны! Мы должны научиться играть! Господи!»

Чувствую, как мое сердце пронзает боль. Возникает тревога за Альму: справится ли она с задачей, поставленной перед ней Марией Мандель – начальницей женских лагерей Освенцима, по злости превзошедшей мужчин и отправившей на смерть в газовые камеры полмиллиона жизней? Свиристая и беспощадная женщина могла за минуту решить судьбу не выполнивших ее приказ узниц. Но Альма справилась! Два раза в день у лагерных ворот звучит оркестр – узницы барака № 12 играют музыкальные пьесы для офицеров (особенно любил классическую музыку один из самых жестоких и изощряющихся в экспериментах над людьми офицер доктор Менгель). Женский оркестр барака № 12 играет и для тех узников, что следуют на изнурительные десятичасовые работы, и для палачей, и для евреев – для всех, по мнению карателей, не достойных жизни, для всех, кто должен умереть. К счастью, пять певиц, тридцать исполнительниц и восемь переписчиц нот спасены. Им продляют жизнь! Альме же не удалось выжить. Она ушла в мир иной со словами: «Такая маленькая жертва, как моя жизнь, стоит того, чтобы сохранить жизнь другим».

Монолог актрисы Юлии Ярцевой, исполняющей роль Альмы Розе, замечательный. Задумка режиссера показать Альму, уходящую в другой мир, трогательна. Талантливая и мужественная, преодолевшая страх, отчаяние и ужас нацистского ада, Альма совершает в высшей степени нравственный подвиг, который невозможно забыть. Именно благодаря усилиям Альмы женщины, узницы барака № 12, научились не только играть, но и верить, надеяться, ждать и во что бы то ни стало жить!

И они выжили. Их спасли советские солдаты. Пережившим ад не было страшно от автоматных очередей, разрыва бомб, скрежета гусениц. Они выбегали из бараков. Лагерь остался позади. Люди, ежедневно сталкивавшиеся со смертью и переживавшие ее неоднократно, бежали навстречу жизни, забирая из ада свою музыку.

Звучит музыка К. Дебюсси «Ближе к мечте», слышится стук колес поезда – зрители облегченно вздыхают, у многих слезы на глазах. Кто-то зажигает фонарики. Я, сидящая в четвертом ряду, оборачиваюсь – весь зрительный зал наполнен светом мобильных телефонов, как свечами памяти. Кажется, останавливается время, и увиденное на сцене словно не имеет срока давности. Все замирают: и артисты, и зрители...

Ткаченко Александр Андреевич 10 класс

Наставник – Брызгалова Вероника Владимировна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 10»

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Дорога из прошлого в будущее

У нас в семье есть замечательная традиция: вечерами за семейным ужином мы смотрим «Новости» и делимся впечатлениями, как прошел день, что каждого из нас порадовало, удивило или огорчило, делимся планами на будущий день.

Сегодня был необычный ужин. Папа (он работает видеорежиссером во Дворце искусств) рассказал, как готовится грандиозное городское мероприятие, посвященное Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Главный вопрос: как организовать этот праздник, чтобы он прошел на высшем уровне?

В это время по телевизору журналист новостной программы отметил: «В ряде государств осознанно искажают события войны, бесстыдно врут своим детям и предают своих предков». Сначала я возмутился! А потом мне стало жаль этих детей. Они вырастут во лжи и никогда не узнают правду истории. Лично я многое знаю о своих героических предках и, листая семейный фотоальбом, часто думаю об их судьбах, о тех военных дорогах, которые им пришлось пройти.

Вот черно-белый снимок, уже поблекший от времени. На нем запечатлен мой прадед по папиной линии. Ткаченко Павел Лазаревич (1905–1977) проживал в селе Краснореченском на Украине. До войны

Павел Лазаревич работал монтером связи на станции железной дороги Лисичанск. Когда началась Великая Отечественная война, ему было тридцать шесть лет. В 1942 году он был направлен на Северный Кавказ с бригадой поезда для восстановления связи железной дороги. Задача бригады – обеспечение и восстановление связи между железнодорожными станциями. Глядя на фотографию, представляю героическую картину: прадед тянет провода на столбах, забираясь без страховки на самый верх. Работа не прекращается даже во время бомбежки. Вот взрывной волной его сбрасывает со столба! Он падает с большой высоты! Он контужен, но продолжает выполнять свою работу, обеспечивая связь между станциями на железной дороге.

Благодаря моему прадеду Павлу Лазаревичу Ткаченко на фронт вовремя поступала информация, своевременно оказывалась помощь, корректировались план действий и график движения поездов. В 1943 году прадед заболел тифом и был отправлен домой. Но после выздоровления он продолжил работу по восстановлению связи в Лисичанске.

А вот еще одна фотография. Это прадед по маминной линии. Павел Петрович Мурашко (1920–1978) родился в Брянске. До войны он окончил железнодорожный техникум, работал машинистом паровоза в депо на Львовской железной дороге. Когда началась Великая Отечественная война, моему прадеду минул всего лишь двадцать один год. В 1941 году город Брянск, и особенно железнодорожный узел, подвергался жестоким бомбежкам.

И вновь перед моими глазами, словно кадры военной кинохроники, подвиг моего прадеда: он машинист паровоза, ведет военный эшелон по железной дороге. Ежеминутно рискуя жизнью, он эвакуирует промышленное оборудование и людей в восточные районы страны. Доставляет на фронт боевую технику, боеприпасы, продукты питания. Вывозит раненых с фронта. Паровоз прадеда в очередной раз подвергся обстрелу фашистов! Машинист контужен и ранен! Ему оторвало пальцы на правой руке!

Павел Петрович выжил в том ужасном обстреле в 1944 году. После лечения в госпитале он вернулся в Брянское депо и продолжил работать машинистом паровоза.

Великая Отечественная война... Это время тяжелых испытаний. Это время подвигов! Те, кто совершали подвиги, не думали в тот момент ни о признании, ни о наградах. Они делали то, что велит совесть и воинский долг ради спасения людей, служения идеалам Отечества. Мои прадеды, Ткаченко Павел Лазаревич и Мурашко Павел Петрович, рискуя жизнью, храбро и самоотверженно выполняли свою работу ради Победы. За исключительные заслуги перед страной, за работу в труд-

ных условиях военного времени мои прадеды награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд (за воинскую доблесть)», юбилейными медалями к празднованию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, медалями «Ветеран труда».

Я горжусь своими прадедами и могу уверенно сказать: «Мои Прадеды – Герои!» Они прошли эту войну разными дорогами, но эти дороги слились в единый путь с тысячами, миллионами иных судеб, который привел советский народ к Победе!

А «Новости» продолжают. В Кремле Владимир Путин произнес такие слова: «Наш ответ на ложь – это правда!»

Я согласен с Президентом Российской Федерации. Предлагаю помнить и рассказывать о событиях и фактах войны, о победах Красной Армии, о трагической судьбе наших дедушек и бабушек. Тогда из наших воспоминаний и рассказов сложится правдивая историческая картина Великой Отечественной войны. Она станет настоящей Дорогой из прошлого в будущее! И дорога эта не разрушится, она будет вечно служить нашей стране, потому что проложена в сердцах и душах людей! Это связь между поколениями! Это символ величия нашей истории: дела прадедов-ветеранов связывают меня с прошлым, а мои дела (верю!) свяжут меня с будущим! Думаю, именно эта мысль должна стать главным идейным смыслом городского мероприятия, посвященного Великой Отечественной войне.

Завтра за ужином я расскажу об этом отцу...

Номинация «За вклад в проведение мероприятий по популяризации российских культурных, нравственных и семейных ценностей»

Ожиганова Софья Дмитриевна
10 класс

Наставник – Ткачева Людмила Викторовна, заместитель директора по учебной работе, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 38»

Нижегородская область

Подвиг любви и памяти

...Время, столкнувшись с памятью, узнает о своей несправедливости.

И. Бродский

Восьмое мая две тысячи двенадцатого года. В станицу Ясенская, что в Краснодарском крае, в три часа пополудни должен прибыть поезд. Несколько лет подряд именно в этот день приезжает на нем из Нижнего Новгорода Нина Михайловна Лушина. Директор местной школы Александр Иванович всегда немного волнуется перед этой встречей.

– Лидия Константиновна, – кричит он в глубину актового зала, – прогон торжественной части закончите без меня! Через четверть часа я должен быть на станции.

Как все станичники, Александр Иванович знает: тот, к кому приезжает эта милая пожилая женщина, всегда ждет ее в дальнем конце аллеи, прикрытой густыми, низко наклонившимися ветками. Звуки

внешнего мира редко проникают сюда. Может быть, в безмолвии ожидания звенящие капли весеннего дождя напоминают иногда дробный перестук каблучков ее туфель-лодочек!.. Только время незаметно стоило эти легкие каблучки.

В прошлом году Нина Михайловна приехала за два дня до 9 Мая. В мягких старушечьих туфлях она шла медленно и тяжело. Приподняв ветки, прикрываясь ладонью от солнца, нашла его глазами, неожиданно быстро подошла, обняла и стояла, не двигаясь, прижавшись влажной от слез щекой. Путь к нему был долгим...

Как всегда, села на лавку, положила на колени сумочку и вздохнула:
– Здравствуй, родной... Сестра Катя тебе кланяется, племянники...

Перечисляя всех близких и дальних, она вглядывалась в его лицо: время, такое безжалостное к ней, здесь было не властно. Молодые глаза из-под летного шлема смотрели на нее с прежней затаенной улыбкой. Как легкий ветерок, память подхватила и унесла ее в Горький, в июльский день 1942 года...

...Двадцатилетний летчик, сержант Миша Лушин, на две недели был командирован в ее родной город. Обычно Нина ходила по знакомому пути к цехам разбомбленного автозавода, не поднимая глаз от усталости. Только не в тот счастливый день! Это была любовь, о которой пишут в книжках: с первого взгляда и навсегда.

– Распишемся без колец. Нина, ты согласна? После войны я тебе куплю самое красивое. Опять смеешься? Вот подожди, кончится война – заживем!

Через день они поженились, а уже через пять дней прощались. В суতোлке вокзала плач, крики и смех сливались в общий стон.

– Со мной ничего не случится. Главное, себя береги.

Михаил пытался шутить, а Нина вжалась лицом в его гимнастерку, вцепилась в рукава, заклиная:

– Ты только вернись... вернись... Я буду ждать тебя!

Через год Нина стала вдовой: «Сержант Лушин М.И., уроженец Горьковской области... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, 23.07.43 года погиб... в районе Красный (Кубань)». Она не поверила похоронке и ждала до конца войны, а потом решила искать своего мужа.

Архивы Ленинграда и Подольска скупно сообщили, что село Красное немецкая авиация стерла с лица земли. Место гибели затерялось.

– Затерялось... навсегда... Это что же? Навечно, на все времена?

В этот момент время даже не подозревало, какая великая сила любви и памяти станет противостоять ему!

Да, человеческая память порой надежнее архива. Те, кто видел страшный бой и выжил в огненном аду, никогда не смогут забыть, как

загорелся и упал в море наш самолет, как на другой день волны Азовского моря вынесли на берег тело советского летчика.

– Вот так я нашла тебя... люди помнили... – тихо сказала она.

Через полвека на деревянном памятнике неизвестному летчику кто-то написал белой краской, пусть и с ошибкой, имя ее мужа: «Лужин М.»

Теперь, сидя возле гранитного обелиска, Нина будто заново пережила шестьдесят прошедших лет: несколько недель счастья и десятилетия надежд. Память ей не изменяла, но и она никогда не изменяла памяти. Так в 2011 году перевернулась последняя страница главы о любви, но оставалась память, поэтому было продолжение...

...В актовом зале школы заканчивалась репетиция концерта к 9 Мая.

– Лидия Константиновна, давайте закругляться, – Александр Иванович обвел ребят веселым взглядом, – время поджидает, пора ехать на станцию.

Она кивнула ему и повернулась к сцене.

– Петя, ты подносишь букет Нине Михайловне и подходишь к микрофону. Помни, стихотворение Симонова – это финал.

– А без микрофона нельзя?

Ответа не последовало. Парень пригнулся, шагнул вперед, как парашютист в бездну, и на одном дыхании с какой-то угрожающей интонацией произнес:

– Ждминистрациявернусь... толькооченьжди... ждиког...

– Дмитриев! Петя! Паузы! Вспомни: не умолять, не просить, а по праву солдата, стоящего перед лицом смерти, требовать: «Жди...»

– Пойдите, Лидия Константиновна, – остановил ее директор. – Ты, Петр, кому эти слова сейчас говорил?

– Никому... Нине Михайловне.

– Именно, никому... Через полвека эта женщина нашла здесь безымянную могилу мужа и вернула герою имя. Понимаете, ребята, отдать жизнь за Родину – великий подвиг. Хранить в семьях и передавать из поколения в поколение память о войне – это тоже подвиг.

Александр Иванович помолчал, потом нашел Петю глазами.

– Тебе сейчас... шестнадцать?

– Семнадцать.

– Он был старше тебя... на три года. Представь, что эти строчки не Симонова, а твои слова и говоришь ты их самому дорогому, самому...

Смущенно откашливаясь, приобнял его:

– Попробуй. Время у нас есть.

Через пятнадцать минут он уже стоял на платформе. Поезд пришел вовремя. Нины Михайловны в нем не было...

...Восьмое мая две тысячи двадцать первого года. Поезд Краснодар – Ясенская должен прибыть на станцию в три часа пополудни. Старший лейтенант авиации Петр Афанасьевич Дмитриев каждый год приезжает на нем в родную станицу за день до Девятого мая...

Послесловие. Летчик Михаил Иванович Лушин – мой прадед по папиной линии. Погиб, защищая Кавказ. Пулеметчик Петр Афанасьевич Дмитриев – мой прадед по маминной линии. Погиб, защищая Украину. Посмертно награжден медалью «За отвагу». В память о нем назван юный герой рассказа.

**Шляхтин Александр
Геннадьевич**
II курс

Наставник – Колесникова Ирина Владимировна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, преподаватель истории

Областное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Павловский технологический техникум»

Ульяновская область

Дневник новоприобщенного исследователя

05.01.2021. Первый шаг

Это моя первая запись в дневнике. Для чего я его создал? Завести такой дневник меня побудила сегодняшняя вечерняя беседа с тетей. Это была одна из уже ставших классическими вечерних посиделок. Мы с тетей пили чай и общались на разные темы. В какой-то момент разговор пошел о Великой Отечественной, и тетя поведала мне о родственниках, воевавших в той страшной войне. Страшной настолько, что в полной мере представить это себе я никогда, скорее всего, не смогу.

Вообще, если говорить прямо, я никогда не интересовался темой Великой Отечественной в целом и родственниками – участниками войны в частности. У меня большой круг интересов, но Великая Отечественная в него не входила. Об этой тяжелейшей эпохе я знал довольно много, но только из уроков истории и некоторых материалов, сопутствовавших моей школьной жизни и «похождениям» в интернете, и никогда специально в тему не углублялся. А вот о родне, заставшей войну, не знал вообще ничего. Кстати, регион, в котором я проживаю, – Павловский район Ульяновской области – не был напрямую затронут войной, находился в тылу, пусть и не очень глубоко (а если бы Красная Армия не сдержала натиска нацистов под Сталинградом, то враг мог бы дойти сюда довольно быстро).

Из рассказа тети выяснилось, что она уже давным-давно занимается поиском и накоплением информации о жизни родственников в годы войны. Как же стыдно, что до сегодняшнего дня я и не знал о том, что четыре человека из ближней родни (и это только по отцовской линии) были там, в этом аду на земле. Первый – Федор Тимофеевич, родной брат моей бабушки Любы, гвардии сержант, разведчик. С войны он не вернулся, погиб всего за три месяца до Победы. Второй – Тимофей Алексеевич, отец Федора, ефрейтор, фронтовой шофер. Он пережил войну, умер в 1982 году. Третий – Борис Иванович, старший брат моего дедушки Гены, рядовой, разведчик. Он тоже пережил войну. Четвертый – Павел Иванович, брат Бориса и Гены, гвардии рядовой, стрелок. И он также выжил на войне.

Причем, как ни странно, наибольшее количество информации имеется о Федоре Тимофеевиче, погибшем на войне, в то время как о трех переживших войну предках сведений очень мало (и они по большей части отрывочные). Мы же с тетей решили пока что сосредоточить внимание на Федоре Тимофеевиче, тем самым окончательно дополнив сведения о нем. А еще на следующую встречу тетя пообещала показать кое-какие вещи, связанные с дедом Федей. И я вдруг поймал себя на мысли, что мне действительно хочется их увидеть.

06.01.2021. Просто мысли

Вот и приобщился я к теме, которая никогда не была интересна. А теперь стала! Я действительно хочу узнать побольше о своих героических предках, причем героических в прямом смысле, ведь трое из четырех точно имеют награды за действительно мужественные поступки. А Федор Тимофеевич так вообще был разведчиком, постоянно выполнявшим сложные, опаснейшие задания, часто был на острие атаки наших войск и, судя по наградам – три ордена (!), – решал все военные задачи на отлично. Как же я горд за него, да и за всех «боевых предков»!

10.01.2021. История в руках

Сегодня я в самом прямом смысле слова прикоснулся к истории. Во время сегодняшней беседы тетя продемонстрировала мне те обещанные личные вещи Федора Тимофеевича, гвардии сержанта, разведчика 171-й отдельной разведывательной роты 320-й стрелковой дивизии, награжденного орденом Отечественной войны II степени, орденом Славы III степени и орденом Красной Звезды. И эти вещи не смогли оставить меня равнодушным, это точно.

Первое – «Альбом воспоминаний школьных годов близких друзей Федора Тимофеевича ("Шалыпин третий")», начатый в 1935 году самим Федором. Вещь, надо сказать, для нашего времени весьма необычная

и неординарная. Этот альбом – обычный школьный дневник, весь заполненный различными стихами и записями прозой, оставленными друзьями и родными деда (а где-то, возможно, и им самим), а также фотографиями Феди и его друзей и простыми цветными детскими зарисовками. Как я понял, многие стихи собственного сочинения, неумелые, не особо рифмованные. Но какая-то в них удивительная искренность. Стихи о дружбе, о первых чувствах, о взаимоотношениях, фронтовые песни и стихи. Последняя датированная запись – стихи, записанные сестрой Любой, – 1946 год (уже после гибели брата). Интересно, а как сложилась жизнь друзей Федора? Прожили ли они долгую жизнь?

Здесь же, в альбоме, есть несколько ведомостей об успеваемости в разных классах. Судя по ним, Федор Тимофеевич учился весьма хорошо, а где-то даже отлично, хотя с дисциплиной не все было гладко. Кстати, в этом я схож с ним, ведь я семь классов отучился на отлично, да и оставшиеся два класса – вполне неплохо, и дисциплина после начальных классов сильно хромала. Да, дневник меня впечатлил – вещь очень старинная, весьма потрепанная и засаленная, но оттого не менее исторически ценная.

Второе – несколько фотографий деда, четыре из которых армейские. Причем две из них сделаны всего лишь за четыре дня до его гибели! На них он один и вместе с боевыми товарищами, при наградах. На всех фото он весел, его лицо излучает позитив: открытый веселый взгляд, ясные глаза, волосы темные, достаточно длинные, немного курчавые. На этих фото он сразу производит впечатление веселого, доброго человека, он радуется жизни и не унывает даже на войне, а вот товарищи его на фото грустны или задумчивы. В общем, Федор весьма красивый, статный мужчина, с добродушным характером и открытой душой, судя уже не только по фотографиям, но и по рассказам его окружения.

Третье – открытка и почтовая карточка с малюсеньким письмом, обе домой прямым ходом с фронта. Карточка датирована 1944 годом и адресована всем родным. Текст написан карандашом и значительно поистерся, из-за чего, вкупе с плохим почерком, трудно читается. Открытка адресована сестре Любе и отправлена за девять дней до смерти (просто мурашки по коже...). Было ли предчувствие смерти у него?

И последнее, самое страшное – похоронка. Дата печати – 9 февраля 1945 года, дата гибели Федора Тимофеевича – 7 февраля, место гибели – близ города Будапешт, столицы Венгрии, освобожденной 12 февраля, место захоронения – ограда Нового монастыря в дачном пригороде Будапешта. Причина смерти не описана, но тетя сказала,

что сохранилось письмо боевого товарища и друга Феди, в котором описана его смерть. Однако данное письмо еще необходимо найти, так что увижу я его в лучшем случае при следующей встрече. Похоронка – небольшая бумажка, сложенная пополам, присланная даже без конверта или «треугольника», с одной лишь наклеенной маркой, и непонятно: такой мрачно-устрашающий коричневато-желтый цвет бумажка приобрела со временем или имела изначально? Впрочем, это и неважно, ведь ее цвет никак не омрачит и без того ужасное содержание «формы № 4»... Даже не смогу сформулировать свои мысли и ощущения...

11.01.2021. Снова просто мысли

Своеобразный и разнообразный по доставляемым эмоциям набор вещей я увидел вчера: счастливый альбом из школьных времен, веселые фотографии, даже военного времени, простая жизнерадостная открытка, почтовая карточка соседствуют с омрачающей похоронкой. Как же это неестественно, несуразно! Хотя о чем это я? Ведь мне все равно не ощутить в полной мере позитив и негатив этих вещей, неестественность их сосуществования, ведь они никак не относятся ко мне, не из моего времени, и это не мой трагически погибший в ужасной мясорубке родной брат на фотографиях, и это не его похоронка. Ужас, какой же ужас – война. И очень хорошо, что я живу в спокойное мирное время, без серьезных испытаний в жизни, и как же плохо, что мои сверстники тех времен (да кто-то и в настоящее время) жили не так, как я.

17.01.2021. Старое-старое письмо

Новая вечерняя встреча – новая материальная часть истории предо мной. Тетя таки нашла письмо с подробностями смерти Федора. Написано оно было 27 июня 1945 года в Венгрии сослуживцем и хорошим другом Феди – разведчиком Сеницыным. Адресат письма – сестра Феди Люба. Сразу обращает на себя внимание малограмотность автора текста; видимо, Сеницын имел не очень хорошее образование или проблемы только с русским языком. Но пусть хоть так, главное в этом письме – содержание. В первую очередь адресант выражает сочувствие Любе в связи с потерей брата, одновременно благодарит его за вклад в недавнюю Победу и ее за пусть и не боевой, но тыловой и также весьма значимый вклад. И уже после он подробно рассказывает о смерти Феди и событиях, ей предшествовавших.

Это было 7 февраля в Венгрии, близ Будапешта. Разведгруппа, в составе которой были и Федор, и Сеницын, отправилась на задание. Проходя нейтральную территорию, разведчики были обстреляны врагом, одна из задетых ими мин взорвалась поблизости от Феди, и ее

осколок насквозь пробил правую часть его груди. Ранение было тяжелое, Федю сразу же вынесли с поля боя и отправили в санбат, но медики не смогли его спасти и тот умер только через 10–12 часов. Однако смерть его была спокойной, не очень мучительной, и Федя в последних словах вспоминал боевого товарища Сеницына и другого сослуживца, убитого двумя днями позднее.

Федора вместе с другими погибшими разведчиками похоронили в братской могиле в ограде Нового монастыря в дачном пригороде Буды (одной из двух частей Будапешта). А еще через пять дней город будет полностью освобожден.

Федор Тимофеевич и Сеницын были сослуживцами и хорошими друзьями, с мая 1944 года воевали в одной роте. Чувствуется, что Сеницын любил друга и тяжело переживал его гибель. Ведь Федя был веселым и общительным, скромным, честным, правдивым – именно так с теплотой вспоминает его фронтовой товарищ. Удивительно, но они были разного возраста. Федор скорее годился ему в сыновья! Неужели война стирает возрастные грани, когда у людей единая цель – разгромить врага?..

Федор все же предчувствовал свою гибель. Накануне задания он пил как никогда (хотя раньше этого за ним не замечалось) и был очень весел. Позже высказал свои предчувствия о скорой гибели, но сослуживцы только посмеялись над этим, еще не зная, что эти Федины ощущения сбудутся – и очень скоро...

18.01.2021. Просто мысли-3

Когда Федя погиб, ему только-только исполнилось 20. Совсем еще молодой парень, ему бы жить да жить! Но нет, война забрала его, да еще так. Быть таким отважным воином в столь юном возрасте – это очень достойное качество. А отважен ли я так же, как и он? Думаю, нет. Я даже на толику, вероятнее всего, не приблизился к этому качеству. Нужно ли такое качество сейчас, ведь я живу в спокойное мирное время, не очень трудной жизнью? Вопрос риторический. Никогда точно не знаешь, что может произойти завтра. Пусть это будет не война, а какое-либо стихийное бедствие или другое опасное происшествие – и отвага запросто может пригодиться, а ее отсутствие может... (даже страшно представить).

25.01.2021. Важная новость

Сегодня мы с тетей снова встретились за чаем и интересными разговорами. Говорили, как обычно, на разные темы. Тетя сообщила, что ее пригласили поучаствовать в мероприятии, которое скоро пройдет в нашем техникуме. Это круглый стол, посвященный теме предков, прошедших Великую Отечественную войну. Мы решили, что вместе

выступим, вместе расскажем всем о Федоре Тимофеевиче. Для хорошего выступления предстояло собрать всю имеющуюся информацию о нем воедино и составить программу. Тетя решила заняться созданием презентации и отбором интересных сведений о Федоре, а я – поиском информации о настоящем родном герое в интернете на одном из сайтов, посвященных памяти воинов Великой Отечественной войны, и составлением своей части выступления.

Общий сбор и финальную подготовку к выступлению назначили на день перед круглым столом. Что ж, нужно постараться и не подвести ни себя, ни тетю, ни, конечно же, самого Федора, который в моем сознании обрел уже реальный облик.

03.02.2021. Последние приготовления

Уже завтра состоится круглый стол. Мы хорошо потрудились над материалом и подготовились к выступлению. Оказывается, на одном из ранее упоминаемых сайтов действительно есть сведения о Федоре Тимофеевиче, в том числе и те, которые мне были неизвестны, да и тете, похоже, тоже. Например, боевой путь Федора на карте и фотографии оригинальных наградных листов с подробным описанием подвигов. Было любопытно прочесть эти описания и разбирать слова и отдельные буквы в рукописном тексте с не самым понятным почерком, а также не самым лучшим качеством фотографий. Но я справился с этим, и описания подвигов вошли в мой краткий текст-справку.

Завтра очень ответственный день. Нам нужно выступить достойно. Особых переживаний пока нет, но завтра утром я занервничаю весьма сильно. Это всегда так: подобные события для меня волнительны. Ну, удачи мне и нам вместе!

04.02.2021. Отличное выступление

Отличное выступление... В данном случае – мое субъективное мнение. Сначала рассказывала и показывала тетя, затем – я. По сравнению с выступлениями других студентов наше было удачнее, оно, как мне кажется, было более целостным, с большим количеством достоверной информации и подкреплено историческими сведениями. Кстати, стоит рассказать кое-что, что не было упомянуто ранее.

Первое – боевой путь Федора Тимофеевича. Начался этот путь 18 февраля 1943 года, когда Федор был призван на службу и зачислен в 320-ю Енакиевскую Краснознаменную ордена Суворова стрелковую дивизию в составе Южного, а затем 3-го Украинского фронта. В составе дивизии Федор прошел от Донбасса до Будапешта через Южную Украину, Молдавию, Южную Румынию и Южную Венгрию. Несколько раз был ранен, впервые – в августе 1943 года. К моменту первого награждения в середине августа 1944 года уже имел звание гвардии

сержанта и командовал отделением 171-й отдельной разведывательной роты в своей дивизии и оставался в таком звании до самой гибели. Конец войны дивизия встретила в Австрии, в Альпах.

Второе – описание подвигов, за которые были получены награды. Первая награда – орден Отечественной войны II степени – получена в середине августа 1944 года в Бессарабии за захват и доставку контрольного пленного в условиях ожесточенного боя. Вторая награда – орден Славы III степени – получена в середине октября 1944 года в Румынии за захват плацдарма на берегу реки и обеспечение успешной переправы основных сил. Третья награда – орден Красной Звезды – получена в середине января 1945 года в Румынии или Венгрии за захват и доставку контрольного пленного в условиях ожесточенного боя.

Нет, все-таки мне еще трудно представить даже самую малость тех боевых действий... Наверное, надо найти и посмотреть хронику тех событий...

Также я узнал, что тело Федора Тимофеевича было перезахоронено, но место нового захоронения узнать пока так и не удалось. Тетя конце 1980-х годов. бывала в Венгрии и уже тогда занималась поиском могилы Федора, но безуспешно. А еще раньше, в 1976–1977 годах, отец Феди, Тимофей Алексеевич, через запрос в Венгерский Красный Крест уже пытался сделать то же самое. Очень жаль, что новое место захоронения героя неизвестно. Но мы будем пытаться искать его и дальше, нельзя просто бросить эту «затею».

08.02.2021. Новая цель

Снова вечерние посиделки. И опять поднята тема Великой Отечественной войны. Тетя предложила начать поиски новой информации о трех других героических предках: Тимофее Алексеевиче, Борисе Ивановиче и Павле Ивановиче. О Федоре Тимофеевиче тоже не забываем, в его биографии еще много белых пятен, так что и он не отойдет на второй план. Что же, будем искать полезную, важную информацию.

Да, мы занимаемся действительно правильным и нужным делом. Максимально изучить жизнь воевавших предков и увековечить ее, сохранить в понятном, точном и доступном виде для себя, близких и всех интересующихся – это по-настоящему благородная цель. И я сильно виноват, ведь до недавнего времени даже имен своих героев не знал, не говоря уже о минимальных сведениях о них! Я не знал, не хотел знать, не хотел хотеть знать. Но отныне я постараюсь исправиться и посвятить часть своей жизни благородной цели – не забывать своих предков. И еще – своими поступками в этой жизни хочу стать хоть немного достойным потомком своих героических предков.

Кассихина Софья Максимовна 6 класс

Наставник – Романова Елена
Николаевна, учитель русского языка
и литературы

Общеобразовательная школа при
Посольстве Российской Федерации
в Республике Сербии

Обыкновенный герой

Разгоряченная и возбужденная долгой поездкой на малую родину – в город Нерчинск Забайкальского края, я вбежала в дом и с порога крикнула:

– Бабушка! Готовь ужин: я приехала!

Но когда заглянула в комнату, то была потрясена состоянием родного человека: бабушка, тихо всхлипывая, вытирала слезы...

– Что-то случилось? Кто-то умер? – остановилась я с вопросом. Но за бабушкиной спиной увидела стол с разложенными старыми фотографиями и письмами, а также заветную шкатулочку, которую доставали редко и мне не показывали.

– Да вот, снова накатила волна тоски и воспоминаний. Столько лет прошло, а не могу забыть своего отца, а твоего прадеда. Снова перечитываю его письма, просматриваю фотокарточки, перебираю ордена и медали...

– Бабуль, а расскажи мне о нем.

– Да что рассказывать? Ничего особенного в нем и не было. Вернее, так он считал. Но я-то знала, что он у меня герой, и всю жизнь гордилась им. Ведь что выпало на долю его поколения – и врагу не пожелаешь...

А начиналось все достаточно просто. В марте 1941 года юного Кузьмицкого Леонида Адольфовича, твоего прадеда, призвали на

действительную службу в Красную Армию. Он был рад, что наконец станет мужественным, увидит разных людей, другие места. Глупенький! Увезли на запад, в Могилевскую область, местечко Лапичи. А в июне началась война!

И сразу как-то стало ему стыдно за свое отчество: оно у всех ассоциировалось с фашистским вождем. Поэтому он себе и всем решил доказать, что достоин своих предков. И стойко пережил страшные тяготы отступления и не менее тяжелые бои наступления.

Как-то рассказал, что при обороне Сталинграда много дней и ночей провел на переправе: с одного берега Волги отправляли раненых, с другого доставляли подкрепление и снаряды.

Прадед вспоминал, что перед боем на Днестре командир сказал солдатам: «Кто останется в живых, всех представлю к званию Героя». Но командир погиб в том бою...

Оборона Сталинграда, бои на Курской дуге, форсирование Днестра, Одера, освобождение Белгорода, Харькова, Будапешта, Вены – вехи его боевого пути. А сколько было маленьких деревень, проселочных дорог, населенных пунктов, откуда надо было выбить врага! Разве обо всех расскажешь...

Вот посмотри, в шкатулке хранятся его награды (мы тебе их не показывали, пока ты была маленькой): орден Красной Звезды, орден Славы III степени, медали «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Он их надевал каждый год 9 Мая и когда приглашали в школу на встречи с учениками.

Победу встретил под Прагой старшим сержантом. Но родные не сразу его увидели после победных салютов. Домой вернулся только в апреле 1946 года, так как молодых отправляли «дослуживать» в Одессу. Уже дома узнал, что не вернулся с фронта его брат-близнец Кузьмицкий Геннадий Адольфович. Он скончался в госпитале от ран и похоронен в братской могиле в городе Кривой Рог.

Были и у твоего прадеда ранения, контузия, после которой заново учился говорить. Но бог его хранил! Он ушел из жизни только в 1997 году. В тот день он доколот дрова, сложил их в ровную поленицу, дочитал книгу, помылся в бане и... умер от сердечного приступа. В его руке, в предплечье, до конца дней оставался осколок снаряда. «Он мне не мешает», – успокаивал он родных.

И бабушка снова заплакала. Я не пыталась ее успокоить: ждала, пока боль уляжется...

А сама дала себе клятву, что буду передавать своим детям и внукам этот рассказ бабушки о нашем герое. Обыкновенном человеке, который, пройдя через горнило войны, в мирное время любил спокойно посидеть в грозу на крылечке дома, подымив папироской, или выпить чаю из стакана с подстаканником, а потом подвесить сало синичкам, или высушить крапиву для бани, или принести грибочки в корзине и ягоду в горбовике, а в столярке все разложить исключительно по своим местам... Да мало ли дел было у человека, который обеспечил спокойную жизнь для многих поколений.

Номинация «За оригинальность сюжета конкурсного сочинения»

Сходнюк Юлия Александровна
I курс

Наставники – Раппана Ирина
Владимировна, преподаватель истории

Государственное автономное
профессиональное образовательное
учреждение Республики Карелия
«Петрозаводский автотранспортный
техникум»

Республика Карелия

Рассказ Х.К., написанный им самим

Мне тепло. Мне тепло, я в левом нагрудном кармане выдавшей виды гимнастерки, потертой и вылинявшей. Я не жалуясь. Тепло, значит, уже хорошо, а то, что гимнастерка просолилась потом и тянет от нее гарью и порохом, вполне себе правильно. Это запахи войны. Куда без них? Наши сердца бьются в унисон: мое, маленькое грифельно-деревянное, и моего боевого друга почтальона с доброй фамилией, большое сердце такое, гулкое, раскатистое.

Нет, мне рассказывать такое не полагается, на войне, как говорят знающие люди, болтун – находка для шпиона, но вам, так и быть, скажу: Птичкин. Войсковой почтальон, по военной инструкции, стало быть, войсковой экспедитор Птичкин. У него и документ есть специальный, не совру, сам видел эту наиважнейшую бумагу не единожды, там значится: «Удостоверение. Выдано Птичкину В.В. в том, что он является почтальоном (экспедитором) Н-ской части, ему доверяется

получать из полевой почтовой станции № такой-то почтовые отправления (газеты, журналы, заказные и простые письма и посылки), адресованные Н-ской части и всем военнослужащим этой части».

Встреча наша с Птичкиным могла бы и не произойти, но произошла. Начну с предыстории. Школьники из Беломорского села, отличники и не только, собирали посылки, готовили бойцам подарки на фронт: носки, кисеты, варежки. А я бесхитростный был, юный тогда и неопытный, взял да и из рук Вити Валдаева выскочил, юркнул в носок. Он меня по полу искал, а в носок заглянуть не догадался. В шерстяном носке так уютно оказалось, заснул в нем. Проснулся от грохота. Молоток по маленьким гвоздикам так ухал, что хоть уши руками закрывай, но ушей у меня как таковых нет, поэтому пришлось терпеть. А потом – полная темнота, крышка на ящике с подарками прочно укрепилась – мне не вылезти, не пошевелиться. Будь что будет! Сколько времени меня трясло, носили куда-то, не знаю, часов не имею. Но однажды сквозь прорехи в нитках показался свет. А в свете дня люди спуют и кричат, но кричат не злобно, а радостно, обнимают друг друга, кто-то и гармонику готов в руки взять. Оказался я в одном из носков той самой пары, которую в качестве подарка распределили старшине Некидайло. Он очень удивлялся, вынимая меня из носка. Хорошо, что не сразу надел носок на ногу, а решил рассмотреть подарок, а то бы уж точно меня раздавил, ножищи-то огромные. Хотел было оставить себе, но, уже имея в качестве боевых друзей троицу моих грифельно-деревянных собратьев, передали его непрямые натруженные пальцы меня, тогда мне еще совсем незнакомому почтальону Птичкину. Лично в руки. С тех пор мы не разлей вода, значит, всегда вместе. Сердце к сердцу.

Мысли о знакомстве и последующей дружбе могли бы длиться еще, если бы не настала пора действовать. Птичкин уже занес газеты и журналы в штаб, оттуда они попадут в подразделения части. Подошло время и по подразделениям пойти: раздает Птичкин бойцам заветные треугольники. С жадностью ловят солдаты каждую выкрикнутую почтальоном фамилию, лишь бы свою не пропустить, весточку от родных получить. А получив, кидаются читать, если короткое письмо, перечитывают, охают, головой машут, кое-кто тайком слезу смахивает. А Птичкин уже со мной наготове в руках. Наиболее ответственные заранее письмецо готовят, сразу почтальону передают на отправку. Иные, таких больше, прочитав полученное письмо, тотчас принимаются ответное писать. А писать-то нечем. Тут уже Птичкин передает меня, чтобы появлялись строки на бумаге. Меня здесь все знают. «А, и раненый боец с тобой, давай нам его скорее!» – говорят.

А я и вправду ранен. Небольшой осколочек, размером с занозу, так резко и больно впился, а потом намертво засел во мне, что треснула деревянная моя одежда, думал, не выживу. Птичкин выходил, склеил, гильзу от патрона на меня надел. Теперь я в настоящей броне, как в танке, никакие стальные занозы мне не страшны. Раны телесные заживают, а что делать с душевными ранами? Они сильнее во сто крат.

Не по своему желанию и не по любопытству пришлось мне однажды прочитать не мной написанное письмо. Взялся было боец Филатов ответное письмо писать, да так и застыл, смотря в одну точку, а меня на тот лист со страшными словами положил. А было в том письме из Воронежа следующее: «Дорогой Серафим! Мне очень тяжело писать тебе об этом. Но я скажу тебе всю правду. Это было летом прошлого года. Из вашей комнаты раздался дикий крик. Я вбежала в комнату. Твой брат Николай лежит убитый. У него в руках – твой брат Мишутка с переломанными ногами и выколотыми глазами. Весь пол залит кровью. Настя стояла посреди комнаты, держала маленького Бориса. Вдруг вошли четыре немца, закричали, вырвали из рук Насти Бориса и бросили его в окно со второго этажа. Настю стали бить. В ужасе я выбежала из дома, скрылась в подвале. Вечером нашла Настю убитой, Бориска мертвый лежал в огороде. Так проклятые звери-немцы погубили твою семью. Дорогой Серафим! Отомсти за невинную кровь. Не дай пощады проклятым убийцам! Твоя тетя Мария Ивановна». После таких известий тошно становится самому, что уж говорить о том человеке, которого такое горе горькое по самой душе резануло.

Видя окаменевшего Серафима, подошли тогда бойцы из его взвода к нему и спросили разрешения прочитать. Тот молча кивнул. Ответное письмо Марии Ивановне бойцы коллективно писали мной, там была такая клятва: «Отомстим за семью нашего товарища по оружию красноармейца Филатова. Смерть фашистским мерзавцам, кровавым палачам, детоубийцам!»

Самый радостный для меня момент, когда послушает мой заостренный грифель боец и выведет: «Здравствуйте, мама! Я жив, здоров, бью врага, части наши ведут наступление...» Предвосхищая возможный вопрос, отвечаю: «Слюнявят меня для большей значимости письма. Сухим, как пень в самое засушливое лето, я пишу серыми, едва читаемыми буквами, а чуть смоченный слюной или водой, я пишу синим цветом, будто важная чернильная ручка». Передают меня из руки в руки, а Птичкин ждет терпеливо, дотошно проверяет: так ли написан номер полевой почты, есть ли фамилия и инициалы адресата, его домашний адрес. Нагоняй от начальства получит за несвоевременную доставку корреспонденции, но как не пойти на-

встречу людям, которые ежеминутно рискуют самым ценным – жизнью. На войне каждая строка, каждая буква может стать последней. А ведь родные ждут вестей от сыновей, отцов, братьев, мужей.

«Братцы! Все, не могу больше ждать, скоро я опять у вас, пока оканья есть, надо бежать!» – так быстро извиняясь, попутно запихивая меня в левый карман гимнастерки, бежит мой Птичкин и ловко забирается в кузов полуторки. Машут нам вослед бойцы. Как родных встречают и провожают. Я этого не вижу из кармана, но чувствую, мне вновь тепло.

Дата: 11.04.1944. Подпись: Х.К. Расшифровка подписи:
Химический Карандаш.

**Голосова Елизавета
Геннадьевна
I курс**

Наставник – Бурмистрова Алла
Анатольевна, преподаватель русского
языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение Краснодарского края
«Краснодарский политехнический
техникум»

Краснодарский край

Судьба треугольника

14 октября, 1943 год, Сталинград

Сегодня я родился. Само существование мое, конечно, началось гораздо раньше. Но именно сегодня ЕГО руки создали меня таким, каким я должен был стать. Наконец-то я треугольник, настоящее фронтовое письмо. Он так долго выводил дрожащей обветренной рукой слова, адресованные той, ради которой он просыпался каждое утро и шел, не сворачивая, навстречу адскому грохоту и огню... Для того лишь, чтобы не допустить приближения всего этого дикого, безумного и беспощадного хотя бы еще на сколько-нибудь ближе к ней...

В какой-то момент я вдруг почувствовал, как в стылом воздухе упали на меня одна горячая капля, другая... и тут же остыли, заледенели. Очень странное ощущение...

15 октября, 1943 год, Сталинград

Стараюсь прочесть, что успел он накарять на моем потрепанном желтоватом теле. Сумел ли написать красивые слова, рассказать, что вчера вечером шли непрерывные бои по ту сторону реки и как он долго, более восьми часов, лежал на холодной земле, периодически переползая с одного места на другое и отстреливаясь, чтобы никак не выдать жуткой тайны врагам: не показать, что их тут осталось всего

двое, практически замерзших и обессилевших... А за спиною штаб, который вот уже целых шесть дней фашисты стараются захватить. Он заряжал и стрелял, заряжал и стрелял, как будто не замечая, что раз за разом практически перестают сгибаться замерзшие пальцы. Именно поэтому строчки на мне выведены неровно, буквы пляшут... Удивительно, но он написал только: «У меня все хорошо. Немец отступает. Не бойся, Наташа, врага не пропустим. Вам есть что кушать? При первой возможности отправлю паек. Передай привет мамке и отцу. Ты не плачь, Наташа, родителей береги. Скоро вернусь домой. Твой Степан».

Зачем он ее обманывает?.. Пути к нашему полку давно отрезаны. Кухню разбомбили три дня назад. Паек... Кто же его доставит теперь и когда?..

В кармашке куртки тесно, но гораздо теплее, чем на улице. Я полностью измят, но слова на мне еще читаемы. Мы ждем полевого почтальона, чтобы отправить меня далеко-далеко, туда, где осталась семья Степана. Я так мечтаю увидеть ее, Наташу, почувствовать тепло ее рук и волнение, с которым она раскроет меня...

20 октября, 1943 год...

Ужасно темно... В кармане очень холодно... Нет больше приятного тепла, к которому я так привык... Что же будет со мною дальше?

25 октября, 1943 год...

Что это? Теплые руки? Женские? Наташа? Как я мог попасть к ней, ведь мы же... Нет! Почтальон! Так вот ты какая, почтальон полевой почты! Я впервые вижу столько треугольников! Они такие же, как я. Измятые, неровные, грязные... Но вместе так тепло и уютно. И самое главное – все мы собрались тут неслучайно. Как приятно, когда тебя касаются руки почтальона. Нас делят на неровные кучки. Наш путь начинается. Маршрут определен.

27 октября, 1943 Где – не знаю...

Сырость, вокруг какая-то изрытая ухабами местность. А до перрона еще километров шесть-восемь. Эта отчаянная девчонка, полевой почтальон, как будто совсем забыла, что вокруг война. Она согнулась под тяжестью сумки и еле шла. Сначала молча, а потом взялась напевать какую-то детскую песенку. От внезапного взрыва песенка ее оборвалась, она смешно подпрыгнула и упала, покотившись вниз по грязной мокрой земле. Тугая сумка не выдержала, выпустила всех нас на волю. Вокруг грязь, мы начали промокать. Услышали, как девушка всхлипывает. Значит, живая. На коленках ползает, ищет нас. Руки дрожат, вздрагивает всем телом, но ни одного письма не бросила, все собрала, аккуратно протерла платком. Доедем. Доберемся.

16 ноября, 1943 Ростов

Снова стало холодно, но светло. Меня взяли грубые мужские руки и переложили к другим товарищам. Мой путь продолжается, скоро я буду дома.

27 декабря, 1943 Краснодар

Тепло, светло, я чувствую нежные руки Наташи, меня осыпают и согревают ее слезы.

30 декабря, 1943 год Краснодар

Наташа!... Ты плачешь который день подряд... Уже более ста раз ты раскрывала меня и читала беспокойными глазами неровные строчки. Прижимала к груди, как ребенка. Роняла частые слезы. Я почти размок, но строчки храню. И буду хранить их для потомков. Плачь, Наташа! Плачь! Он настоящий герой, я был с ним, я все видел. Я лежал у его сердца и понял, что такие, как он, всегда бьются до последнего... И он такой не один, Наташа. Их много. И все они идут до конца. Очень многие погибают... Но верь, Наташа, оставшиеся не пустят врага. Он прав, абсолютно прав. Враг обязательно отступит.

Степана давно нет, нет в живых и Наташи... А письмо... Не знаю, возможно ли такое, но оно, попав случайно в мои руки, словно ожило. Я представила, как этот маленький смятый треугольник путешествовал по нашей стране. Одно из миллионов писем, которые так ждали. Еще один простой, но важный сигнал: есть для кого воевать, есть ради чего жить в таких несовместимых с жизнью условиях.

Слава тебе, солдат-почтальон!.. Сколько признанных и сколько оставшихся неизвестными подвигов ты совершил, доставляя корреспонденцию с тыла на фронт и обратно!.. Организация бесперебойной работы полевой почты уже в первые месяцы войны стала одной из приоритетных задач. Все понимали, что исход войны зависит от уровня боевого духа наших солдат, вот почему 20 августа 1941 года было выпущено секретное постановление Государственного комитета обороны № 530 «Об улучшении работы по перевозке и пересылке писем в Красную Армию и улучшении работы почтовой связи в стране». Почтовые вагоны прицепляли к любым идущим составам, и важность отправки военных писем не уступала по значимости отправке на фронт боеприпасов. За годы войны было доставлено шесть миллиардов писем. Сегодня каждое письмо, составленное рукой солдата, – ценность и свидетельство безусловного мужества и стойкости наших бойцов.

Номинация «За богатство и выразительность
русского языка, за своеобразие жанра
конкурсного сочинения»

**Виноградская Василиса
Станиславовна
8 класс**

Наставник – Дельдюжова Ирина
Николаевна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа
№ 2 г. Лакинска Собинского района

Владимирская область

Сон через оптический прицел

*А может, не было войны,
И мир себе ее придумал?
«...Но почему же старики
Так плачут в мае от тоски?» –
Однажды ночью я подумал.
А может, не было войны,
И людям все это приснилось?
А. Розенбаум*

*Рассказывайте детям о войне,
Чтоб никогда не остывала память.
М. Полякова*

Можно ли помнить то, чего с тобой никогда не было и быть не могло? Еще недавно я бы ответила: «Нет!» Но сейчас я думаю иначе, после того декабрьского предновогоднего вечера с дедом и после этого удивительного сна, что-то явно сотворившего с моей памятью. Станный это был сон, с почти физическими ощущениями, с полным чувством реальности и правдоподобия происходящего. Однако, как это бывает во сне, я осознавала некую раздвоенность сознания: я как бы видела все со стороны и одновременно была непосредственной участницей событий... Но обо всем по порядку.

В тот поздний вечер за стеклами лоджии открывался сказочный ночной пейзаж по-настоящему русской зимы, морозной, снежной, такой, какой все мы ее ждем, особенно в декабрьские предновогодние дни. Наш городок совсем утонул в сугробах, а снег, не переставая, все шел и шел, искрясь днем под лучами солнца, а ночью – под светом фонарей. Я смотрела на падающие снежинки и думала о том, что, наверное, вот такая же зима стояла и тогда, в декабре 1941 года, когда началось контрнаступление Советской Армии и ценой невероятного напряжения всех физических и душевных сил фронта и тыла немцы были отброшены на 200 километров от Москвы. Группа армии «Центр» потерялась в наших снегах, закоченела на сорокаградусных морозах, захлебнулась мужеством и силой духа наших солдат.

Но каково было и нашим бойцам в ледяных окопах, в холодных землянках и блиндажах? Как выживали они в это время на передовой, когда голые руки прилипали к металлу оружейных стволов, а мороз обжигал лицо и пробирал до костей даже сквозь ватные штаны, полушубки и валенки, не говоря уже о шинелях и кирзовых сапогах? Я впервые задумалась тогда об этом, и, конечно, совсем неслучайно, находясь под впечатлением от недавнего разговора со своим дедом.

Он рассказывал мне о своем деде, а значит, моем прапрадедушке, Петрове Викторе Ивановиче, уроженце деревни Морозово Ставровского района тогда еще Ивановской, а не Владимирской, как сейчас, области. Из старого кожаного портмоне дед доставал сохраненные им документы, как будто переносившие меня на 80 лет назад, пробуждая генетическую память о страшном лихолетье, которое до этого, казалось, было уже так далеко, что превратилось в миф, легенду, что-то ненастоящее, почти неправдоподобное. Но вот они, настоящие, неопровержимые исторические артефакты, внушающие почти благоговейный трепет! Вот пожелтевшая от времени и истончившаяся на сгибах повестка Сталинского военкомата города Москвы от 24 июня 1941 года, предписывающая явиться к 10-00 на сборный пункт (еще до начала войны прапрадед с семьей переселился в Москву). Значит, он ушел на фронт на третий день войны...

Вот красноармейская книжка, обложка которой истерлась, превратившись в матерчатый лоскуток, но записи синими чернилами в ней сохранили свою яркость и четкость: «Стрелок-снайпер 174 стрелкового полка 15-той дивизии войск НКВД по охране оборонных предприятий промышленности».

Вот военный билет, по которому прослеживался весь фронтовой путь на передовой моего прапрадеда в составе 174-го, 192-го, 96-го стрелковых полков НКВД: Западный фронт с начала войны до 1942 года (оборона Москвы!), Юго-Западный фронт в 1942-м (оборона Сталинграда!), Волховский фронт в 1943 году (битва за Ленинград!), с 1945 по 1946 год (борьба с националистической армией УПА!) в Западной Украине.

Целых пять лет на передовой сражался мой прапрадед, стрелок-снайпер, снайпер-истребитель, помкомвзвода Петров Виктор Иванович, пять лет в самых горячих и судьбоносных точках Великой Отечественной войны, закончив ее в звании старшины!

А вот и наградной лист от 21 декабря 1943 года к ордену Славы третьей степени: «Выезжая на боевую практику, проявил себя как отличный снайпер... проявил мужество и отвагу, умело сражался с фашистскими захватчиками. На счету имеет 27 уничтоженных фашистов, из них 2 снайпера и 1 наблюдатель». Был у прапрадеда и второй орден Славы за задержание агента армии УПА с секретными документами...

– О чем задумалась, внучка? – дед встал рядом, приобняв меня за плечи.

– А как же они воевали зимой, лежа в снегу часами, днями выслеживая вражеских снайперов? И не болели?

Дед, очевидно, был со мной на одной волне, потому что сразу понял, о ком я спрашиваю.

– Нет, – сказал он, помолчав, – в предельной ситуации, возможно, в человеке просыпаются сверхъестественные силы.

Деду уже после войны отняли ногу выше колена – сказалось долгое лежание в снегу, на холодной земле...

– Убить высунувшегося из окопа фашиста – это одно, а вот такого же снайпера – это ведь очень трудно...

– Да, в такой поединке с невидимым, неуловимым и беспощадным врагом снайпер, как сапер, может ошибиться только один раз. Пуля в ответ на промах ему обеспечена...

– Поздно уже, и мне, и тебе пора спать...

Дед простился со мной и с родителями и скоро ушел, а я, готовясь ко сну, все думала о невероятно тяжелом снайперском ремесле своего прапрадеда. Попадать в цель – далеко не единственное

требование к стрелку-снайперу. Не менее важным было для него умение выбирать и менять позицию, обнаруживать цель по отблеску зажигалки, по дымку папиросы, по иному оттенку белого маскхалата на белом снегу. А самым главным и самым трудным было, очевидно, умение наблюдать, выжидать, выдерживая чудовищное нервное напряжение, при этом закопавшись в снег зимой, погрузившись в болото под проливным дождем осенью, глотая горькую пыль окопа летом. И все это для того, чтобы «влепить» в лоб врага положенную порцию свинца... «А хорошим снайпером был мой прапрадед – на его счету 27 фашистов, среди них два снайпера и один наблюдатель», – с гордостью думала я.

Спать, спать – а мысли все кружились вокруг того, что надо было бы учесть снайперу для точного выстрела: время суток, температура воздуха, направление ветра, перемещение теней...

Он действительно был странным, этот сон, я и не я была в нем, но тогда откуда же все, что там происходило, пришло ко мне?

Я лежала в глубоком снегу, за частыми кустиками, густо запорошенными снегом, на самом краю большой поляны, лежала в белом маскхалате, прильнув к оптическому прицелу снайперской винтовки, установленной на рогульке, и сквозь заиндевевшие ресницы всматривалась в белое пространство перед собой. Он где-то здесь, этот фашист-снайпер, который принес нашему взводу столько бед. Их окопы всего в пятистах метрах от меня, сразу за небольшим перелеском, заваленным снегом. К нашему завтрашнему наступлению его надо обезвредить, а он затих, молчит с самого утра, как будто чувствует слежку. Изо всех сил двигаю пальцами ног до тех пор, пока их не закололо, как иголками, от тока крови. Хорошо, что выдали полушубок и валенки, иначе не продержаться бы мне с ночи до полудня. Мороз, снег искрится под солнцем, ветра нет, полное безмолвие, но надо ждать, ждать и смотреть в оба. Почему-то сзади, как будто за пеленой снежного тумана, не оборачиваясь, я вижу цех нашей Лакинской ткацкой фабрики, слышу шум станков с полотнами диагонали для обмундирования, вижу Пелагею Ивановну (да это же моя прапрабабушка и жена моего прапрадеда!). Потом вижу шестилетнюю девочку, сидящую у русской печки (да это же моя прабабушка Нина, дочка прапрадеда, она в деревне Морозово Ставропольского района, куда ее вместе с маленьким братом Толей перевезли из холодной и голодной Москвы!). Я не удивляюсь, но пугаюсь – не иначе замерзаю, ведь фантомы и миражи бывают в пустыне, а не в снежных полях под Москвой. Да нет, просто и они, мои родные, там, в тылу, и бойцы моего взвода здесь, почти за моей спиной, ждут

меня и верят в меня, и я должна (или должен?) обезвредить этого вражеского снайпера, затаившегося в нескольких сотнях метров от меня.

Вдруг с одной из берез перелеска, на той стороне поляны, полился, переливаясь на солнце, снежный поток. Спокойно! Обломилась ветка под тяжестью снега? Птица крылом сбила снежную шапку? Неожиданный порыв ветра смахнул с ветвей снежную пыль? Мой прицел сместился с поляны на деревья. Неужели там, на этой огромной березе прячется вражеский снайпер, снайпер-кукушка, как мы называли таких стрелков еще с Финской войны? Не торопись, а вдруг это провокация, вдруг он, чувствуя противника, пытается обнаружить тебя, русского снайпера. Если выстрелишь «в молоко», девять граммов свинца в лоб тебе обеспечены. Врешь, не обманешь, жду, чувствуя, как от напряжения взмокла спина и все сильнее слезятся глаза.

Но что это? Облачко прозрачного пара, еще одно, и совсем рядом с недавним снежным водопадом! Есть! Да, фашист, надо бы было глотнуть тебе побольше русского снежку, чтобы не парить так явно. Я уже вижу его в оптический прицел – у самого ствола березы большое белое пятно чуть другого оттенка, чем шапки снега на ветвях. Теперь – только бы стащить зубами шерстяную перчатку с правой руки, только бы замерзший указательный палец почувствовал упругость спускового крючка, только бы не дрогнула рука... А теперь – за мою семью, за моих будущих внуков и правнуков, за моих боевых товарищей, за Родину! Последнее, что я чувствую и вижу, – это холод пружинистого курка, отдачу приклада и взметнувшийся столб рыхлого снега под березой от тяжело рухнувшего тела.

Я проснулась с таким чувством радости и легкости на душе, какого не испытывала даже после удачного выступления или после пятерки за контрольную работу. Да, память о войне живет в нас, она побеждает время и пространство, ее только надо разбудить, передав другим, как это сделал мой дедушка. И мой сон – это моя проснувшаяся память, которая помогла мне осознать, что если бы не мой прапрадед, Петров Виктор Иванович, то не было бы, может, моей прабабушки Нины, его дочери, не было и моего любимого деда Коли, ее сына, не появилась бы на свет моя мама, дочь деда, а значит, не было бы и меня. Родовая память о войне проявилась в моем сне, значит, она не приснилась людям и мир ее не придумал, она была и по-прежнему живет в семейных реликвиях и в рассказах о наших героических предках. Пока мы помним о них, они рядом, они вместе с нами и помогают нам оставаться людьми, знающими цену человеческой жизни, отданной за других.

Когда-нибудь придет и моя очередь хранить старое кожаное портмоне моего деда, которое я открою для своих детей и внуков, придет время рассказать им не только об их героическом предке, но и о моем удивительном сне – про все, что было на самом деле не со мной, но что я помню, как реально пережитое, как долгое эхо войны... Я твердо знаю, что, пока мы будем слышать его, наша память, память праправнуков и, я надеюсь, память наших потомков, никогда не остынет! Да будет так!

Михайлова Юлия Андреевна 10 класс

Наставник - Осьмакова Евгения
Борисовна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Школа № 36»

Рязанская область

Любимому Сашеньке...

Ночь еще не наступила. В летнее время темнеет поздно, но, казалось, сама природа вела себя под стать опустошенным людским душам, превращая их далекие фигуры в маревые, неясные образы. Люди – призраки, деревушка – призрак. Им легко было существовать – жить выходило трудно. Природа сочувствовала и выражала это, как умела, видела: ее дети разлетаются пылью над миром. И ничего не могла поделать – поделать мог только человек, вот только он был слишком одержим ненавистью, чтобы хоть что-то заметить. А ведь это не проходит бесследно...

Сквозь плотный, бесцветный сумрак надвигавшейся ночи виднелись бесконечно далекие звездные огни. Луна заливала землю каким-то потусторонним светом, оставляя на скользких крышах домов ползущие блики. Вдалеке загрохотала большая машина. И снова тишина. Окно с облезшей краской на деревянных ставнях. Отцветшая яблоня перед ним. Остановившийся здесь то ли пилигрим, то ли художник-путешественник когда-то давно, казалось, в прошлой жизни, написал ее самыми яркими цветами. Теперь же она выделялась в окружающей обстановке лишь чернотой облысевшей кроны. Капли недавнего дождя срывались вместе с последними листьями и уносились ветром вдаль. Наверное, прямо к звездам. Голые ветви путались, оставляя на дальней стене серые тени. Одна ветка постукивала по

мутному окну. Поднимался ветер, предвещая дождь. Пора закрывать ставни. Легкие, когда-то совсем белоснежные занавески не пропускали в помещение свет. Царивший в доме мрак разгонял лишь теплый жар догорающей свечи. Ее чистый воск капал на подставку, а пламя жило, колыхалось и облизывалось, проливая мягкий свет на бревенчатые стены. В углах загадочно сгустилась глубокая чернота. В одном из них расположилась пустая угловая полка с давно не зажигающейся лампадкой.

Одна-единственная комната была пустой. Стоящий в центре дубовый стол, давний подарок, а с ним такой же стул (когда-то их было несколько), справа от него белая каменная печка с дотлевающими угольками. С другой стороны, в одном из углов, стояла деревянная лавка с небрежно накинутой простыней. Кровати не было: отдана еще в прошлом месяце. Но не скудная обстановка делала комнатку пустой. Нет, это были фантомы былого, парящие в неясных тенях и исчезающие, как только зажжется фитиль. К этому можно привыкнуть – принять нельзя. Выцветшая скатерть была неаккуратно зашита в нескольких местах. На краю стола лежал исписанный наполовину карандаш. И письмо. Незавершенное. Теплый свет падал на пожелтевшую от времени бумагу, тускло освещая взволнованно перечеркнутые слова: «Дорогой муж», «Здравствуй, Александр», «Любимый Сашенька».

Тонкая рука потянулась к карандашу и под редкий стук капель начинающегося дождя и звук дребезжащего стекла припала к бумаге:

Здравствуй, любимый мой Сашенька.

Это снова я. Ты не ответил мне на прошлые шесть писем, пишу с надеждой, что ответишь на это. Прости меня, что пишу только через месяц. Обижалась, глупая... Шесть писем. И все шесть без ответа. Даже ни единой весточки, ни маленькой строчечки-отписки – совсем ничего. И понимала я, Саша, что занят ты и даже присесть тебе некогда, не то что письма писать. А может, и вовсе письмо твое есть, а я тут выдумываю. Может, затерялось оно где-нибудь или пришло не той – сам понимаешь, время такое непростое настало, тут уж всем не до писем. Я это понимала, но все равно обижалась. Прости меня, пожалуйста.

А у нас все хорошо, ты не волнуйся! На заводе усердно трудимся с рассветом. И не зря. Говорят, наш завод лучший в области. Письма с фронта приходят каждую неделю, хоть по одному конверту, да получают девчата. Друг твой Иван стихи своей Вере шлет, а сосед наш бывший, Петенька, Надюшке как-то пуговку свою от шинели прислал, представляешь? А они рады-радешеньки, светятся, точно лучики, листочки к груди прижимают и хвастают друг перед другом. И я порой хвастаю. И первым твоим письмом, и вторым, и третьим... И ромашку твою хра-

ню: уж, правда, засохла она немножко, но я ее все равно храню. В нашем холодном доме она ладошки согревает лучше всякой свечки.

Твои мама с отцом тоже хорошо. Передают тебе привет: на их письма ты не отвечаешь, говорят, может, хотя бы на мое ответишь. И ты им передавай, а я покажу – вот они обрадуются!

Мамочка твоя чутка прихворнула, но ты не волнуйся – вылечим! Я, как только с завода прихожу, сразу к ней бегу! Отдала ей нашу кровать. Мне-то такая большая пока что не нужна, а ей так удобнее, чем на печке ютиться. А как только ты вернешься, то мы сразу новую купим! Так что мамочка твоя держится, она сильная, говорит, не собирается она еще уходить, пока тебя не увидит. Поэтому возвращайся скорее!

Отец с утра до ночи сидит, валенки валяет, а их потом вам на фронт отвозят. Я уж и говорю ему: «Отдохни чуток, успокойся ненадолго». А он все одно – отмахивается. И каждый валенок катает как на подбор. Надеется, что хоть одна пара тебе достанется.

Сестренка твоя, Катюша, совсем уже подросла. Бегала, прыгала, на заводе с нами трудилась, а однажды, не поверишь, заявила мне, что в партизаны пойдет, что уж записалась. Я так и ахнула да чуть в обморок не свалилась, а она мне, мол, ты только мамке с папкой не говори! Я сначала отнекивалась, отнекивалась, а потом согласилась – глупая! Взяла грех на душу! И за это прости меня, Шурочка, пожалуйста, я так виновата. Я теперь за вас двоих каждый день молюсь у пустой полки: отдала Катюшке свою Богородицу... Но ты не волнуйся! Она мне письма шлет, недавно еще одно пришло. Спрашивает, кстати, как ты, не ответил ли. Привет передает. Очень тебя любит, говорит. И ждет. Все тебя ждут...

Мне очень трудно. Ты прости меня, что жалуюсь, да больше некому мне это сказать, некому признаться. Ты на станции перед уходом просил меня быть сильной. Я как сейчас помню, как твои широкие ладони обхватили мое лицо, какими горячими они были. Помню твои ясные, как небо в безоблачный день, глаза. Помню, как нежно ты вытирал мои слезы. И как я прятала взгляд, чтобы не показать, что видела твои – крупные капли, падающие с длинных ресниц. А я видела. Ты был таким красивым и родным в ту минуту.

Ты брал с меня обещание быть сильной. Я стараюсь. Честно. Чтобы у самого сильного мужа была самая сильная жена.

Я помню твой неразборчивый, быстрый шепот. Помню, как ты гладила мои спутанные волосы, как боялся не успеть сказать все, что хотел. Я помню твое сбившееся дыхание, помню обещание всегда быть вместе, обещание вернуться, сгрести меня в охапку и уехать далеко-далеко: в горы, в леса, за море – подальше от войны.

Я согласна! Я согласна на все! Хочешь, будем только вдвоем? Только ты и я, всегда вместе, всегда неразлучны. А хочешь, у нас будет самая большая и самая дружная в мире семья? Шумная и веселая! У нас будут самые красивые дети, слышишь!

Или хочешь, мы навсегда уедем? Уедем далеко в глубинку, спрячемся от всего мира в тених деревьев? И по утрам ты будешь просыпаться не от грохота взрывов, а от объятий наших детей. Хочешь?

А еще у нас будет большой дом и сад. Мы засадим его ромашками и яблонями. Мы будем сидеть в цветах по утрам и гадать на крыльце «любит – не любит» по ночам. Мы будем счастливы – ты и я. Самая счастливая жена у самого счастливого мужа.

Знаешь, я буду лучшей в мире женой! Буду самой заботливой! Буду самой ласковой и нежной! Буду любить тебя больше всех на земле! Я буду... Я уже... И очень давно...

Помню, как ты признавался мне в любви. Прямо там, на станции, под гул поезда и плач провожающих. Я помню это лучше всего в жизни и так жалею, что только и могла кивать в ответ, захлебываясь слезами. А я так и не сказала. Я готова говорить тебе это каждый день, каждый миг, в каждой жизни, в каждой строчке:

Я люблю тебя...

Я люблю тебя...

Я люблю тебя...

Ты только ответь. Прошу. Пожалуйста. Хотя бы слово. Мне так трудно. Я не хочу без тебя, не могу без тебя! Я так не умею и никогда не научусь.

Обещала тебе быть сильной, пообещай и ты мне: просто быть...

А у нас все хорошо, ты не волнуйся. Ты только живи. А я буду за тебя молиться. Всегда.

Я буду любить тебя всегда.

19 ноября 1942 год.

Первые лучи восходящего морозного солнца рассеяли полумрак. Розоватый свет, проникающий сквозь частые яблоневые ветки, уютно окутал комнату, освещая силуэт женщины. Подложив одну руку под голову, она безмятежно спала, пристроившись на краю стола. Другая рука бережно сжимала заветный треугольник, которому предначертан долгий путь длиною в вечность.

Номинация «За уважение и внимание к миссии педагога»

**Овчинникова Дарья
Михайловна
11 класс**

Наставник – Ефремова Ольга
Федоровна, преподаватель русского
языка

Муниципальное автономное
образовательное учреждение
«Ишимский городской
образовательный лицей
им. Е.Г. Лукьянец»

Тюменская область

Сдаваться нельзя бороться

Бегло оглянувшись на треснувший циферблат настенных часов, Анастасия Николаевна, молодая учительница истории, нетерпеливо постучала костяшками пальцев по столу. Скоро начнут приходить ученики. Раньше десяти уроки не начинали – из-за отсутствия электричества в кабинетах царил неприятный полумрак, практически темень, прояснявшаяся только с полным восходом солнца. Даже днем тусклый зимний свет слабо пробивался в единственное небольшое окно. Женщина попыталась как можно красивее вывести на школьной доске привычное «Классная работа», но руки, промерзшие, казалось, до костей, отказывались слушаться и работать в полную силу. Отопления не было, и ученики вместе с учителями сами добывали топливо, возили на санках поленья из леса, а на уроках невольно теснились ближе к растопленной печурке. Сидели в пальтишках, ежились от холода и по-

током теплого дыхания пытались согреть окоченевшие ручонки. В некоторых кабинетах из-за обстрелов повыбивало стекла из окон, поэтому по школе гулял сквозняк, гулко завывая в узких дверных щелях.

– Анастасия Николаевна, а обед будет?

С этого вопроса неизменно начинался каждый учебный день. Есть хотелось постоянно. Чувство голода не отпускало ни на минуту, связывало желудок в тугий узел, саднило и клочотало где-то внутри, сообщая о звенящей пустоте, умоляя о крошке хлеба. Они сидели за уцелевшими партами, покорно по привычке сложив руки, согнутые в локтях, иногда прятали в рукавах замерзшие ладошки. Смотрели на нее отрешенно, во взгляде маленьких ленинградцев не читалась уже тревога или надежда, они вынуждены были быстро повзрослеть, все понимали. Бледные юные лица с синеватыми тенями, четко очерченные скулы и практически белые губы. Больше всего страшно было за тех, у кого от голода уже впали глаза, осунулись щеки и неестественно заострился нос. Дистрофия все больше становилась скорее обычным, но по-прежнему пугающим явлением, уничтожая маленький организм, оставшийся без должной пищи и витаминов.

– Конечно, по расписанию, – с легкой улыбкой ответила Анастасия Николаевна. После этого обстановка разряжалась, дети оживлялись и настраивались на новый школьный день, в конце которого их обязательно покормят.

Анастасия Николаевна никогда не позволяла едва заметной улыбке сойти со своего лица, нельзя было показывать детям, как ей тяжело. Занятия теперь велись по сокращенному учебному плану – рассказать только самое основное, нужное. На урок отводилось не больше получаса: дольше не выдерживали ни преподаватели, ни ученики. Преподавать информацию старались как можно интереснее, выделяя запоминающиеся детали, – затянутую речь школьники воспринимали плохо, не задерживалась она в памяти.

– Есть желающие ответить домашнее задание у доски?

Задавая этот вопрос ежедневно, преподаватель неизменно удивлялась, когда в ответ десяток исхудавших рук тянулся к потолку. Желающие были всегда. Несмотря на то что записей в тетрадях практически не вели, не хватало канцелярии: сначала писали на обрывках бумаги, между строк в газетах и старых журналах. С наступлением морозов и это перестало быть возможным – чернила застывали от холода, мерзли руки и не слушались. Многие пытались прятать чернильницу за пазуху и греть, но помогало едва, поэтому слушали так, чтобы запомнить. Когда маленький, изможденный голодом человек выходил к доске и с толикой волнения рассказывал тему прошлого урока, Ана-

стасия Николаевна в душе именовала его героем. Учить уроки дома у детей если и были, то крайне скудные возможности, поэтому нужно было помочь им в классе. И она помогала всем, чем только могла.

Вера Красильникова подробно рассказывала о личности русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова. В конце вдруг загнулась, заволновалась, начала красноватыми пальчиками теревить подол серого пальтишка:

– Анастасия Николаевна, подождите... – голос дрожит, – я помню биографию и подвиги помню, только дату забыла. Я честно урок учила, Анастасия Николаевна!

– Ты говоришь о Смоленском сражении в августе 1812 года, верно? Садись, – и ставит в журнал заслуженное «отлично».

Большое внимание преподаватели уделяли патриотическому воспитанию школьников, что особенно важно было в условиях войны. Проводились классные и внеурочные беседы на тему военных конфликтов, в которых ранее участвовали их соотечественники, героически сражавшиеся за честь и целостность Родины.

После уроков, выстроившись парами, класс под руководством Анастасии Николаевны отправился в столовую. По едва уловимому запаху пищи школьники, осторожно перешептываясь, пытались угадать, что сегодня подадут на обед, насколько большой будет порция.

– Я бы сейчас борща поел, со сметаной, да пожирнее, – мечтательно протянул Мишка Лаптев, – помните? Ну, как раньше.

– Или картошки свежей, чтобы ароматная, с лучком. Точно, – согласилась Вера.

Миша вспоминал довоенное время нечасто. Мама сразу любые разговоры пресекала, настаивая, что сейчас нужно жить настоящим и делать все, чтобы закончилась проклятая война, вернулась их мирная жизнь. И Мишка покорно соглашался, но ночами, когда из-за пустого желудка трудно было уснуть, мечтал о тарелке борща со сметаной, да пожирнее. И нервно сглатывал слюну.

Отец его ушел на фронт в числе первых, мама работала в военном госпитале операционной сестрой и помогала вытаскивать раненых из тягучих лап смерти. Женщина приходила домой за полночь, уходила с рассветом, поэтому забота о младшей сестре, Маше, ложилась на плечи Мишки. Отводил в ясли перед школой, сразу после уроков забирал, приболеет – просил соседку приглядеть. Втайне от мамы Миша делил свою дневную норму хлеба на маленькие кусочки, половину отдавал Маше. Не хуже взрослых рассуждал, что она маленький человек, растущий организм – ей нужнее. Оттого, быть может, Лаптев был в числе тех учеников, которые порой еле стояли на ногах. «Поступать

нужно по совести, помогать близким и оберегать тех, кто младше», – так всегда говорила Анастасия Николаевна. Этот урок Мишка усвоил на отлично. К тому же, уходя на фронт, отец наказал ему беречь их женщин, один он остается мужчиной в семье, а значит – за главного. Отца он уважал и перечить ему не смел, с честью выполняя столь важное поручение.

В столовой слышен был негромкий ропот детских голосов, перезвон тарелок и ложек. У котла с супом сидит директор с накинутым на плечи пальто и следит за раздачей. Анастасия Николаевна, назначенная сегодня дежурной по столовой, неспешно движется между рядами столов. В ее обязанности входит следить, чтобы дети съедали положенные порции в школе, а не уносили домой.

Уловив момент, когда учительница повернулась к их столу спиной, Миша выудил из кармана банку и начал осторожно, стараясь не привлекать внимание взрослых, переливать в сосуд содержимое своей тарелки, украдкой, под столом. Сосредоточившись, он, на свою беду, не заметил подоспевшей Анастасии Николаевны.

– Этого нельзя делать, Лаптев, ты же знаешь, – хмурится, смотрит укоризненно.

– Позвольте, пожалуйста, Анастасия Николаевна. Суп для Машки, она заболела и совсем слабенькая, – честно отвечал тот. – А мне и одного супа достаточно.

– Нельзя, Миша. Вас кормят, чтобы вы могли учиться. Для этого нужны силы. Ты же понимаешь.

– У меня есть они, – не унимается мальчик, – силы. А у Машки нет.

– Не положено, Миша. Давай сюда банку! И чтоб больше я этого не видела.

Говорит, а у самой ком в горле. И сердце так предательски начинает ускоряться, бьется гулко и часто. Нехорошо на душе. На протяжении всей своей педагогической деятельности она говорит ученикам, что самое главное – это семья, ее нужно ценить, младшим помогать, но и пойти против железного правила столовой тоже не может – нельзя.

– Если ты от голода умрешь, кто будет за Машей приглядывать? На кого ты оставишь мать и сестру, Миша? Ешь суп немедленно.

Не секрет был для женщины, что большую часть ежедневной выдачи хлеба мальчик делил с семьей, поэтому жив до сих пор он был только благодаря скудным школьным обедам.

Покорно протянув учителю маленькую стеклянную баночку, Лаптев, не поднимая глаз, отстраненно перемешивал содержимое тарелки – грязно-желтого цвета бульон, пара ломтиков серой картошки и крупа. Собираясь продолжать обход, Анастасия Николаевна услышала какое-то недетское и горькое:

– Если Машка умрет, что же я отцу скажу, когда вернется? Не убе-
рег? Пусть уж лучше я.

Сказал он это скорее самому себе, чем ей, и женщина промолчала.

Учились до половины второго. К концу дня, особенно после обеда, школьники немного оттаивали, затевали споры и дискуссии, стреми-
лись разговорить учителей на отвлеченные темы и искренне с интере-
сом слушали, когда преподаватель рассказывал эпизоды своей жизни
или затрагивал события войны.

– Лаптев, задержись, – попросила Анастасия Николаевна, когда
дети поплелись в сторону выхода.

– Возьми, – учительница положила перед мальчиком на парту не-
большой сверток из старого тетрадного листа, поставила знакомую
баночку, доверху наполненную супом, но мальчик не узнал в нем сто-
ловской картофельной похлебки. На вопросительный взгляд Миши
женщина поспешила ответить:

– Это мой донорский паек. Возьми. Тут суп из соевой муки с мас-
лом и капустные листья. Разделите с семьей. Лекарств у меня никаких
нет, да и у кого они сейчас есть? Может быть, Маше поможет.

Мальчик без намека на радость отодвинул подальше съестное, пе-
ревел на учительницу осмысленный взгляд и тихо заговорил:

– Не нужно, Анастасия Николаевна. Я у женщины никогда не возь-
му. Ешьте сами, всем тяжело.

И, накинув на плечи ранец, собрался исчезнуть из класса вслед за
ребятами, но был остановлен.

– Бери, Лаптев, это приказ, а значит – не обсуждается.

– Не возьму.

– Кто сейчас от еды отказывается, Михаил? Бери, вдруг не будет
больше такой возможности.

– Анастасия Николаевна, – мальчик обернулся, – я не могу. Не возь-
му. И заставлять меня не нужно. Главное, поешьте сами, Вы ведь це-
лый день на ногах.

– Миша, послушай...

– Не стану вовсе. До свидания, Анастасия Николаевна.

Донорский паек остался на парте нетронутый, мальчик, ни разу боль-
ше на него не взглянув, с прежним рвением покинул класс. Анастасия
Николаевна снова окликнула Мишу по фамилии, но тот молниеносно
скрылся в мрачном школьном коридоре. Женщина долго еще стояла у
маленькой щели окна и, облокотившись на стену, взглядом провожала
фигуру ученика, спешно отдалявшуюся в сторону «Англетера».

Следующие несколько дней уроки велись в бомбоубежищах –
Ленинград дрожал под натиском фашистских обстрелов. Иногда

приходилось оставаться в подвалах на ночь, сидеть, тесно прижавшись друг к другу, бороться со сном. Обстрелов не боялись – боялись не проснуться. Ничто так не обрадовало школьников и преподавателей, как новость о том, что тревога прекращена, – вражеские обстрелы стихли над Ленинградом под упорным сопротивлением Советской армии, опасность на время отступила, можно было вернуться в классы.

Анастасия Николаевна задержалась в школе до самого вечера, когда коптилка, сделанная из чернильницы, уже слабо освещала учительский стол и потухала все чаще, но нужно было восполнить пробелы в отчетах за время, проведенное в убежищах. Женщина невольно вздрогнула, услышав шаги в коридоре. В школе сейчас должна была быть только она, несколько преподавателей по той же причине и охрана. Дверь без скрипа медленно отворилась, в класс заглянул Миша Лаптев.

– А у нас дома все умерли, – его лицо не выражало никаких эмоций. – Я присяду?

Не дождавшись ответа, мальчик опустился к догоравшему огню школьной печурки и потер затвердевшие ладошки.

– Мама с Машкой вчера возвращались домой, их задело осколком снаряда. Вчера же бомбили. Машку я должен был забрать, но мама сказала, мол, я раньше освобожусь и заберу, – рассказывал он огню, печурке, книжной полке. Кому угодно, только не Анастасии Николаевне. Не поднимал на нее глаза, все сидел и рассказывал, теплым дыханием отогревал ручонки. – Вот и освободились.

Смерть, верно, ухмыльнулась где-то за углом, подслушав эту одинокую исповедь.

– Куда же ты теперь, Миша?

– Остались мы с ней вдвоем – я и война. Пуццей закончится, проклятая, дождусь отца, а там видно будет.

– Сдаваться нельзя бороться, Миша, мне мама всегда так говорила. Запятую мы поставим вместе.

Учительница забрала мальчика к себе – родных в Ленинграде у него не осталось. Тот поначалу сопротивлялся, но вскоре привык. Кров и паек делили на двоих, возили из леса поленья, жгли старые газеты и мебель, когда становилось совсем невмоготу. От смерти родных Миша Лаптев отойти не смог, но стойко держал в себе всю ту боль, его поглотившую. Анастасия Николаевна осталась последним лучом в затянутом тучами войны мире маленького ленинградца. Отец вернулся в сорок шестом, в тот день женщина впервые увидела, как плачут мужчины – маленький и взрослый. Мальчик смог разделить

острую боль, от которой каждую ночь задыхался, с родным человеком. Утерев слезы, Миша обратился к Анастасии Николаевне:

– Сдаваться нельзя, бороться. Правда? И... Спасибо вам!

– Верно, Михаил, верно, – отчего-то уронив слезу, ответила женщина. – Всегда бороться!

В жестоком соприкосновении с войной учителя не бросали своих учеников, родители которых воевали на фронте или сутками трудились на производстве. Преподаватели помогали в учебе, способствовали патриотическому и идейно-политическому воспитанию детей, заменяли семью, стараясь поспособствовать безболезненному переживанию утраты близких. Таких примеров немало, среди них Шарый Мария Михайловна, Журавлева Надежда Яковлевна, Ползикова-Рубец Ксения Владимировна и многие другие. Учителя, которые не оставили свою педагогическую деятельность даже в условиях тяжелой войны, голода и слабеющего здоровья, став героическим примером проявления стойкости и трудолюбия. Их девизом, спасающим в наиболее суровое время, вполне могли быть слова: «Сдаваться нельзя, бороться». И они боролись, рука об руку с учениками пройдя тернистый путь войны.

**Бекетова Галина
Александровна
8 класс**

Наставник – Шевченко Оксана Дмитриевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 30

Ставропольский край

Подвиг простой учительницы

В станице Беломечетской Ставропольского края бабу Наташу знали и уважали все жители от мала до велика. Скромная хрупкая женщина преклонных лет с добрыми глазами василькового цвета любила сидеть на деревянной скамеечке у своего домика-мазанки и смотреть на веселую сельскую молодежь возле соседнего клуба, на играющих на лужайке детей, на пушистые белые облака, плывущие по мирному небу, которое не раздирал гул вражеских самолетов. Она до глубокой старости сохранила отличное зрение и память, считая это небесной наградой за все то хорошее, что сделала для людей и своей Родины. А сделала она немало! Баба Наташа была одной из тех немногих жителей станицы, которые пережили Великую Отечественную войну, оккупацию, потерю близких и голод.

С самых первых дней войны из станицы Беломечетской около семисот человек ушли на фронт. Это было почти все мужское население станицы! Даже юноши-подростки, скрывая свой возраст, сбегали из дома на фронт! Остались только женщины, старики и маленькие дети. Именно они приняли на себя всю тяжесть фашистской оккупа-

ции, делили свой кров с врагами, терпели их руководство и порядки на родной земле. Главной задачей жителей станицы в то жуткое время было продержаться, не показать врагу своей беспомощности, сохранить силы, чтобы потом восстановить разрушенное хозяйство и жить дальше, верить и любить. Подвиг этих людей не нуждается ни в каких наградах. Он бесценен. Он живет в памяти нашего народа. И особое место в ней занимает история бабы Наташи.

Наталья Петровна Гречка с детства мечтала стать учительницей, поэтому отлично закончила Полтавский пединститут и как молодой специалист поехала на Ставрополье казачьих детишек учить. Наталья Петровна работала в маленькой одноэтажной школе, единственной на всю округу. Она учила казачат грамоте, письму, географии, истории. А еще она учила их любить и беречь свою Родину!

Молодая учительница так нравилась детям, что они ее просто боготворили! Потом в нее влюбился лучший гармонист станицы Степан Шевченко. Они поженились, родились их дети. И все бы шло своим чередом, но в жизнь семьи Шевченко, как и в судьбу многих других семей, вмешалась война. Она принесла страдания, боль, потери, голод. Муж Натальи Петровны в первые дни войны ушел на фронт и погиб под Ростовом, так и не узнав о рождении дочери. Наталья Петровна не прекращала занятия в школе ни на один день. Ребята-казачата (их было человек семь), чьи отцы также ушли на фронт, приходили в школу и за знаниями, и за поддержкой любимой учительницы, чтобы, глядя ей в глаза, увидеть надежду! Они хотели услышать от человека, которому доверяли, что война скоро закончится и никто не позволит разрушить их детство!

Наталья Петровна поддерживала ребят, как могла. Даже когда в октябре 1941 года родилась Наденька, Наталья Петровна оставляла ее со старшими детьми и бежала в школу. Она чувствовала, что нужна своим ученикам. Вместе они после занятий собирали по полям полезные травы, сушили их, шили плотные мешочки и отправляли чай солдатам на фронт. Женщинам в станице пришлось очень туго. Они работали вместо мужчин и в тракторных бригадах, и на фермах, содержали скот, возделывали пшеницу, чинили технику. В казачьих семьях все матери были заняты с утра и до поздней ночи. Маленькая сельская школа стала для их детей родным домом.

А в октябре 1942 года в станицу вошли фашисты. Они занимали понравившиеся им избы, забирали продукты, не стесняясь ели и пили на глазах измученных голодом и горем детей. Немецкие оккупанты установили свои правила, требуя полного подчинения, знания немецких законов, языка и порядков. Школу пришлось закрыть. Немецкое

командование готовило предписание о том, как учить и кого учить. Но Наталья Петровна занималась с детьми тайком у себя дома. Это помогало ребятам держаться и жить несмотря ни на что.

Однажды она проводила урок географии, и дети рисовали на чудом уцелевших кусочках бумаги карту Родины. Ребята отмечали на ней названия как известных городов, так и ближайших к их станице сел и хуторов. В комнату неожиданно вошли немецкие офицеры. Увидев рисунки казачат, они пришли в ярость. На ломаном русском они стали кричать и требовать, чтобы дети писали названия наших городов на немецком языке. Семилетний Ванечка заплакал, прижал к груди свой рисунок, замотал головой и выкрикнул, что было силы, прямо в лицо офицера: «Не буду!» Немец замахнулся, чтобы ударить мальчика.

«Не тронь! – Наталья Петровна закрыла собой ребенка. – Это наша Родина! – сказала она уверенно и твердо. – И язык наш – русский!» Немец оторопел. Хрупкая женщина осмелилась выступить против двух вооруженных до зубов представителей вермахта! Учительница вызывающе смотрела на офицера. Она была готова к любому развитию событий. Кто-то из детей всхлипнул в углу комнаты, а годовалая Надя, едва научившаяся ходить, вцепилась в юбку матери. Офицер жестко смотрел на учительницу и, казалось, был в замешательстве. «Тюпой русский!» – наконец презрительно выдавил он, резко развернулся и, гремя сапогами, вместе с напарником вышел из комнаты.

Наталья Петровна выдохнула. Она потом еще долго обнимала ребят, плакала и причитала: «Ребятунки, любимые! Все живы! Обошлось! Простите меня...» Ребята прекрасно понимали, что такие слова учителя, сказанные в лицо врага на подчиненной ему, хоть и временно, территории, могли стоить им всем жизни! Но речь шла о самом святом! О Родине! Нашей Родине, которую они даже в мыслях готовы были защищать от фашистов!

Ванечка обнимал свою учительницу и шептал ей: «Вы наш герой! Вы и меня, и Родину нашу защитили... Я горжусь вами!»

А ночью сгорела их школа. Ребята догадывались, что это была месть фашистов их учительнице, сумевшей даже словами дать невиданный по силе отпор врагу...

В начале 1943-го гитлеровцы бежали из станицы Беломечетской, как последние воры, прихватив с собой все съестное, что могли забрать. С фронта из семисот мужчин вернулись меньше половины. Школу отстроили заново. Вырастили хлеб и скот. Мирная жизнь со временем затянула фронтовые раны на теле солдат, вернувшихся с войны. Но вот разрушенные детские судьбы никак было не склеить!

Выросли и выучились подопечные Натальи Петровны. Ванечка стал летчиком. Он часто навещал Наталью Петровну и всегда низко

кланялся первой учительнице – самому главному герою в своей жизни. Бабе Наташе кланяемся и мы, ее праправнуки, за неженское мужество, за то, что не дала врагу даже повод усомниться в себе как в истинном учителе. А это и есть самый настоящий подвиг!

Профессия учителя нелегкая и в мирное время. В обществе к учителю относятся как к хранителю мудрости и опыта, на него равняются, ему доверяют, его слова и поступки наполняют ценностями и смыслом жизни учеников. А сельская учительница нередко становится для ребят второй мамой. Она не только учит, но и живет ради своих подопечных!

В годы тяжелейших военных испытаний учителя делали все возможное и невозможное для общей победы: не прекращали работать в блокадном Ленинграде, спасали сирот из детских домов, вывозили ценные документы с оккупированных территорий, сражались за Родину не только на всех фронтах, но и в тылу, оберегали свой народ, его язык и культуру. Они совершали ежедневный подвиг не за награды, а руководствуясь совестью, и поэтому стали героическим примером для всех поколений учеников.

Я думаю, что благодаря нашим учителям, таким как Наталья Петровна Гречка, мы можем называть себя великим народом, отстаившим свое право на мирную жизнь! И она обязательно будет счастливой и долгой!

Сборник сочинений абсолютных победителей, призеров и победителей в номинациях

Рецензенты: Левушкина Ольга Николаевна,
профессор кафедры методики преподавания русского языка
Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет», доктор педагогических наук

Минаков Андрей Сергеевич,
директор Дирекции изучения истории МПГУ, профессор кафедры
истории России Института истории и политики
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный
университет», доктор исторических наук

Составитель: Копачевская А.А.

Корректор: Диярова Ю.В.

Дизайн обложки: Зайчикова Т.Е

Компьютерная верстка: Каргальцева А.А.

Подписано в печать 29.04.2022. Формат 170 x 240 мм
Утв. печ. л. 272. Тираж 303 экз. Заказ № 22-0302

Отпечатано в ООО «Кодекс»
141033, Московская обл., г. Мытищи, мкр-н поселок Пироговский,
ул. Фабричная, д. 1
Тел.: +7 495 363 56 12/13 E-mail: sekret@a-kem.ru

www.a-kem.ru

